СТАЛИНГРАД

«БУДЬ ПРОКЛЯТ СТАЛИНГРАД!»

Вигант ВЮСТЕР

ВЕРМАХТ в АДУ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«БУДЬ ПРОКЛЯТ СТАЛИНГРАД!» (Verflucht seist du, Stalingrad!) — после катастрофы на Волге, где полегла армия Паулюса и был развеян миф о «непобедимости» Рейха, не было в Вермахте худшего ругательства и более страшного проклятия. Здесь, в огненной преисподней Сталинграда, сгорела гитлеровская мечта о мировом господстве и был остановлен германский «дранг нах остен». А те, кто пошел дальше на восток, брели в бесконечных колоннах немецких военнопленных. Среди этих обмороженных, израненных, умирающих от голода доходяг был и Вигант Вюстер, прошедший все круги Сталинградского ада и из 20-летнего блестящего офицера превратившийся в седого дряхлого старика, который на всю оставшуюся жизнь затвердил фронтовую мудрость: «Будь проклят Сталинград!»

Обо всем этом — о беспощадной бойне в волжских степях и утерянных победах, о неслыханных потерях и невиданном разгроме, сломавшем хребет Вермахту, — он рассказал в своей книге, признанной одним из самых страшных свидетельств о Второй Мировой.

Перевод: А. Кияйкин

- Вигант Вюстер
  - Глава 1 От Харькова до Дона
  - Глава 2 Марш к Волге
  - Глава 3 Битва в городе
  - Глава 4 Отпуск домой
  - Глава 5 Возвращение в «котел»
  - Глава 6 Последняя битва в «Крепости баня»
  - Глава 7 Дорога в плен
  - Постскриптум Жизнь Вюстера после Сталинграда
  - Приложение 1 Военная карьера Виганда Вюстера
  - Приложение 2 Полковник Гельмут Бальтазар
  - Приложение 3 Полковник Карл-Леберехт фон Штрумпф
  - Приложение 4 Свидетельства очевидцев
    - Последние недели в Сталинграде Вильгельм Гереке, 2-я батарея 171-го артиллерийского полка
    - Воспоминания артиллериста в битве под Харьковом в мае 1942 г. Ганс-Георг Кольб, 3-я батарея 171-го артиллерийского полка

- Конный связной 3-й батареи 171-го артполка, летом 1942 года Из дневника Ганса-Георга Кольба, 3-я батарея 171-го артиллерийского полка
- 39 лет назад в Сталинграде Вили Деннерлейн, вахмистр, 12-я батарея 171-го артполка
- Мои военные мемуары Фриц Ланге, 3-я батарея, 171-й артполк

○ Приложение 5 Боевой дневник 71-й пехотной дивизии: 1942 год

Вигант Вюстер
«Будь проклят Сталинград!» Вермахт в аду

Глава 1 От Харькова до Дона

Чем дальше наш поезд шел на восток, тем более спиной к нам поворачивалась весна. В Киеве было дождливо и прохладно. Мы встретили множество итальянских военных транспортов. Итальянцы, с перьями на шляпах, не производили хорошего впечатления. Они замерзали. В Харькове кое-где даже лежал снег. Нас выгрузили на пригородной станции под названием Novaya Bavaria или что-то вроде этого. Когда мы двинулись через город на своих откормленных конях и с экипировкой, начищенной по довоенным стандартам, чтобы занять место расквартирования в колхозе на северной окраине города, раздалось несколько криков со стороны солдат, что бежали по улицам, некоторые выглядели довольно оборванно. «Не выставляйтесь, дальше вы не разжиреете. С нами вы быстро станете потише!» Те, кто слушал, слышали зависть к нашим пайкам, или что еще это было.

Вюстер пишет: «Площадь Дзержинского обставлена большими многоэтажными административными зданиями, смесь крестьянского стиля и небоскребов». Четкий стиль застройки Харькова стал его главным символом, и любой немецкий солдат с фотоаппаратом не мог удержаться, чтобы не сделать пару снимков. Справа — комплекс зданий Госпрома, слева — политехнический институт

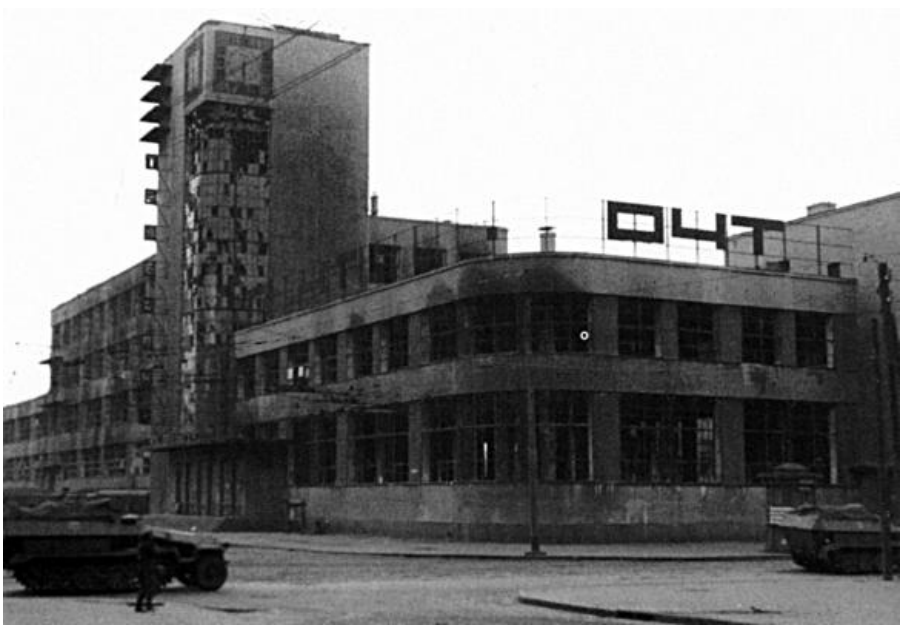
Вюстер: «Массивный памятник Шевченко сделан из бронзы и обставлен революционными солдатами в героических позах. Хоть что-то отличное от бесконечных статуй Ленина и Сталина, хотя в Харькове и их хватает». Монумент и окружающий его парк имени Т. Г. Шевченко (1814–1861), революционного демократа и яростного борца с царизмом и рабством, существует и сегодня

Сады Шевченко — старейшая зеленая зона в центре города, прошедшего перепланировку в 1804 г. Центральная часть сада — прекрасная каштановая аллея, ведущая от памятника Шевченко к зданию университета. Сад занимает 25 гектаров, и в нем растет более 15 000 деревьев, включая гигантские 200-летние дубы. В кадре идут по своим делам харьковчане, несмотря на немецкую оккупацию города

22

Начало мая 1942 г. Вюстер: «Несколько дней я учился на курсах борьбы с танками, что было довольно полезно, поскольку позволило снизить танкобоязнь, по крайней мере относительно. Мы ложились в окоп и давали танку проехать над нами, и учились бросать подрывные заряды, противотанковые мины и связки гранат на моторное отделение танка. Заднюю броню можно было сжечь термитным патроном, уничтожая двигатель. Реалистичные взрывы на захваченных танках выглядели здорово. Несмотря на всю подготовку, я чувствовал себя беспомощным и незащищенным, глядя на оружие и смотровые щели танка. Все изменилось, когда нас взяли внутрь танка, проехаться по месту «атаки». Теперь чувство неполноценности относилось к экипажу танка. Ничего не видно и не слышно. Если они даже заметят окоп,

будет уже слишком поздно. Может быть, они заметят бегущую фигуру и звук удара противотанковой мины о корпус за башней. Поздно! Действие дымовых шашек и гранат на танк было удивительным. Не просто экипаж ничего не видел, но горение забирало у него кислород. Приходится сразу выскакивать, чтобы не задохнуться. Однажды во время отработки это почти привело к несчастью. Кое-как водителя удалось вытащить со своего места



Вюстер: «На главной станции и соседнем современном здании почты видны следы боя». Полугусеничные бронетранспортеры 23-й танковой дивизии едут мимо главной почты Харькова. Дивизия прибыла из Франции в конце марта — начале апреля, и ее части использовались в разных пехотных дивизиях к востоку от города

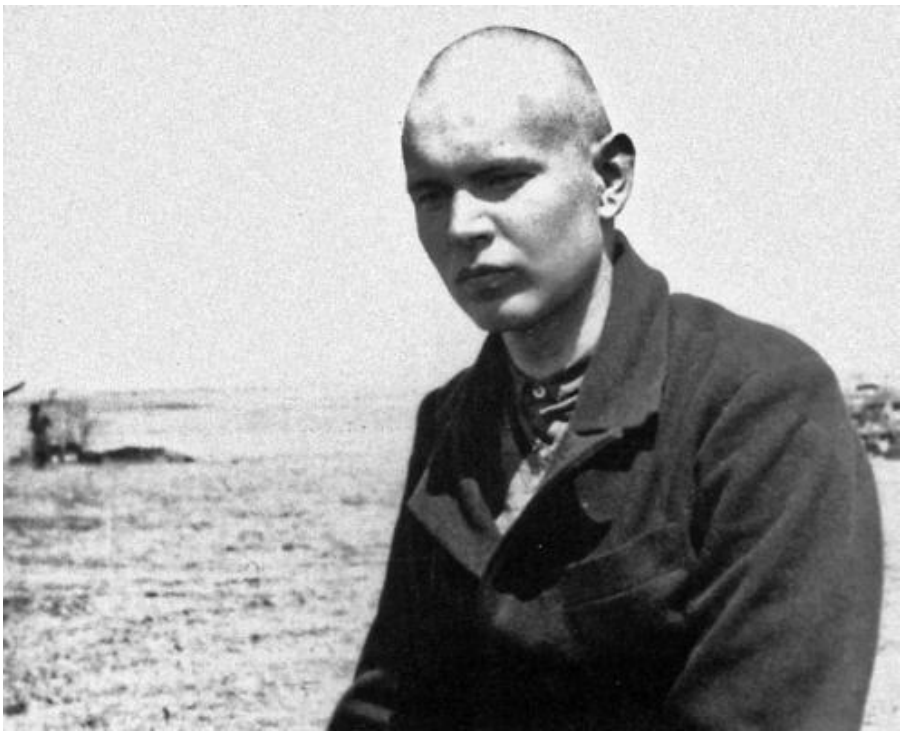
Танки 23-й ТД возвращаются с учебы. Участников курса — включая обер-лейтенанта Вюстера, снимавшего этот кадр — везут обратно в части на моторных отделениях танков

Обер-лейтенант Вюстер в своем «жалком жилище» на ферме севернее Харькова, начало мая 1942 г. Его произвели в обер-лейтенанты 16 марта 1942 г., приказ вступил в силу с 1 апреля. Он награжден значком за атаку в августе 1940 г. и Железным крестом первого класса в июле 1941 г. Несмотря на участие в Польской, Французской и Русской 1941 г. кампаниях, Вюстер ни разу не был серьезно ранен. Несколько легких ранений позволяли рассчитывать на знак за ранение, но он считал, что принять его за такие царапины означало искушать судьбу

Одна из четырех 15-см гаубиц 10-й батареи — минус ствол — ждет своего часа вступить в дело. Ей недолго ждать. Тяжелые орудия часто разбирали для долгих маршей, чтобы снизить нагрузку на лошадей. Ствол ехал в отдельной повозке

12 мая 1942 г. началось советское наступление под Харьковом, создав несколько глубоких прорывов. Один из них был в секторе 294-й пехотной дивизии. Несколько частей недавно прибывшей 71-й ПД, включая батарею Вюстера, срочно развернули в секторе. На снимке: лошадиные упряжки 10-й батареи следуют вдоль железной дороги севернее Харькова

При движении на закрытие советского прорыва батарея Вюстера была поймана на марше: «Батарея уже понесла потери при движении на первую огневую позицию, когда русские бомбы упали посреди колонны». Жестокое приветствие новичку на Восточном фронте. Несколько лошадей, как эта слева, превратились в неразличимую массу



Расположившись на обратном склоне и кое-как замаскировавшись, артиллеристы 10-й батареи сидят и ждут приказа. Некоторые уже обрили головы, другие бреют. Старший офицер на батарее Вюстер тоже побрил голову. Иногда это делалось для борьбы со вшами, но вряд ли у Вюстера и его людей дело было в этом: пари, заключенное во время пьянки, заставило проигравших лишиться волос!

Город был заброшенным и серым. Наши квартиры в колхозе были невзрачными. Бельгия и Франция вспоминались как потерянный рай. Тем не менее в городе оставались развлечения, такие как солдатские кинотеатры и театр. Главные улицы, как и

везде в России, были широкими, прямыми и внушительными — но довольно запущенными.

Как ни странно, харьковские театральные постановки были совсем не плохи. Украинский ансамбль (или те, кто здесь остался) давали «Лебединое озеро» и «Цыганского барона». Оркестр появился в шерстяных пальто с меховой оторочкой, с шапками, сдвинутыми на затылок или надвинутыми на нос. Только дирижер, видимый из зала, был одет в поношенный фрак. Время не пощадило и костюмы, и декорации. Но, используя множество импровизаций, постановка прошла весьма неплохо. Люди старались и были талантливы. В Советском Союзе культуре придавался смысл и значение.

Наша дивизия еще не полностью прибыла в Харьков, когда русские прорвали немецкие позиции севернее города. Пехотному полку, нашему тяжелому батальону и легкому артиллерийскому батальону (211-й пехотный полк оберста Карла Барнбека, I батальон 171-го артиллерийского полка майора Герхарда Вагнера и IV батальон того же полка оберст-лейтенанта Гельмута Бальтазара) пришлось сыграть пожарную команду. Батарея уже понесла потери, двигаясь на первую огневую позицию, когда русские бомбы легли в колонну. Немецкое господство в воздухе уменьшилось, хотя и оставалось. Беспокоящий огонь русской артиллерии ложился у нашей батареи, но, кажется, противник не засек ее, хотя мы неоднократно стреляли со своей позиции. Я стоял за батареей, выкрикивая указания орудиям, когда на третьем орудии раздался страшный взрыв. Сгоряча я подумал, что мы получили прямое попадание. Мимо меня пролетел большой темный предмет. Его я опознал как пневматический компенсатор, сорванный с гаубицы. Все побежали к разрушенной артиллерийской позиции. Номера первый и второй лежали на лафете. Остальные казались целыми. Орудие выглядело плохо. Ствол перед самым казенником раздуло и порвало на полосы. При этом передняя часть ствола не разошлась. Два пружинных накатника по обе стороны ствола были сбиты и развалились на части. Люлька была погнута. Ясно было видно, что пневматический компенсатор, расположенный над стволом, был сорван. Произошел разрыв ствола, первый в моем опыте. Я видел пушки с разрывом ствола, но там они рвались с дульного среза. Вообще, разрывы ствола случались редко.

Два артиллериста на лафете зашевелились. Давление взрыва покрыло их лица точками лопнувших мелких кровеносных сосудов. Их тяжело контузило, они ничего не слышали и плохо видели, но во всем остальном остались целы. Все выглядело страшнее, чем оказалось. Это подтвердил и врач. С его приходом

их состояние начало улучшаться. Их, конечно, ударило и оглушило, так что их отправили на пару дней в госпиталь. Вернувшись, они не хотели возвращаться к пушкам. Их все понимали. Но, какое-то время потаскав снаряды, они предпочли снова стать артиллеристами. Долгое время шли споры о причине разрыва. Кто-то даже пытался винить тех, кто обслуживал орудие, потому что ствол положено осматривать после каждого выстрела на предмет посторонних предметов, оставшихся в нем. Да, правило визуальной проверки существовало, но было пустой теорией, потому что не позволяло высокого темпа огня и никто о нем не вспоминал во время боевых действий — хватало других забот. Также ни разу не случалось, чтобы такое могли сделать остатки порохового картуза или сорванный снарядный поясок. Скорее всего, дело было в снарядах. Из-за дефицита меди снаряды делались с поясками из мягкого железа. В некоторых партиях снарядов появились проблемы, и уже время от времени происходил разрыв ствола, как бы не в моем батальоне. Теперь перед стрельбой проверялась маркировка на всех снарядах на случай появления снарядов из тех несчастливых партий. Такие появлялись то и дело — их специально маркировали и отправляли обратно. Всего через несколько дней батарея получила новенькое орудие. Харьков и его склады снабжения находились еще очень близко.

15-см гаубица 4-го батальона готова к стрельбе. Позиция замаскирована, но, к счастью для артиллеристов, Люфтваффе

поддерживает господство в воздухе, ощутимый плюс в условиях совершенно ровной местности

Во время одной из стрельб команду ветеранов 3-го оружия едва не постиг печальный конец

Вид на повреждения с места наводчика. Отметьте, что замок закрыт. «Таблица команд» слева дает градацию углов возвышения, поправки на ветер и пороховой заряд в зависимости от расстояния до цели и порядка выстрелов (скорость снарядов после первого последовательно росла — стабилизируясь на шестом или седьмом). Вюстер вспоминает, что это был первый ствол орудия

Пружины откатника лопнули, пневматический компенсатор вырван

Фрагменты, собранные после разрыва ствола. Расчет еще потрясен близостью смерти. Вюстер рисковал, снимая это: фотографировать разрыв ствола было запрещено

Орудия 10-й батареи пришли на новую позицию у линии фронта. В отдалении на гребне расположилась пехота. Отсутствие подходящего укрытия заставил гаубицы подойти совсем близко к передовой. Когда начнется советская атака, она почти наверняка пойдет по дороге, пересекающей гребень наискось

Явно открытый ландшафт. Все орудия батареи, машины и палатки стоят за домами

Когда все, казалось, успокоилось, развернутые части дивизии были отведены в тыл. Но до того, как батарея дошла до места расквартирования в колхозе, русские снова прорвались в том же месте. «Эти саксонцы (294-я пехотная дивизия, сформированная в Лейпциге, эмблема с таким же листом клевера с четырьмя лепестками, как у дивизии автора), дерьмо такое, трусливые собаки, не держатся на месте!» Уроженцы Нижней Саксонии (71-я пехотная дивизия был дивизией из Нижней Саксонии. Несмотря на схожее название, обе земли фактически находятся в разных концах страны: Саксония лежит в Восточной Германии, а Нижняя Саксония — в северо-западном углу, ограниченная с севера Северным морем, а с запада — Нидерландами) (то есть из Ганновера, Брауншвейга и Ольденбурга) всегда имели что сказать о саксонцах и не хотели, чтобы их с ними путали: «Они бегут, как только ты повернулся к ним спиной, а они увидели первого русского!» Предрассудок насчет саксонцев проистекал не из саксонского диалекта — неприятного кому угодно, — а уходил во времена наполеоновских войн, когда саксонцы не хотели отделяться от французов. Что ж, это можно понять, потому что соседи-пруссаки не упускали возможности урвать кусок саксонской земли.

Расчет замаскировал гаубицу как только мог: куски дерна с палками, ветками деревьев поставлены перед орудием, а орудие прикрыто брезентом. Солома с крыши дома пошла на корм лошадям

После боя 18 мая 1942 г. Часть камуфляжа сбита пороховыми газами с дула. На стволе свежие кольца, обозначающие победы. Отметьте, что часть крыши дома исчезла

Мы развернулись и снова отправились на позиции. На этот раз батарея прямо столкнулась с саксонскими частями. Теперь заведомо неприязненное отношение изменилось до суждения «что

могли сделать эти бедолаги…». Саксонцы всю зиму лежали под Харьковом в грязи, имели плохое снабжение и были в плохом состоянии, живая картина нищеты. Они были полностью измучены, в ротах оставался смехоподобный боевой состав. Они не могли сделать больше при всем желании. Они сгорели, оставив одни головешки. Никогда раньше не видел немецкую часть в таком жалком состоянии. Саксонцы были в куда худшем состоянии, чем наша 71-я дивизия, когда ее прошлой осенью вывели из-под армейского управления из-за потерь под Киевом. Мы чувствовали лишь сострадание и надеялись, что наши собственные части минует подобная участь.

Основная линия фронта шла по плоской возвышенности. В тылу, на другой стороне долины, батарее пришлось обосноваться на переднем скате склона между несколькими глиняными хижинами. Необычное расположение орудий было неизбежным, потому что другого укрытия в этой угрожающей ситуации на нужном удалении от русских просто не было. Мы даже не могли стрелять достаточно далеко в глубину расположения противника. Если русские начнут успешно атаковать и выбьют нашу пехоту с гребня возвышенности, позиция на переднем скате станет опасной. Машинам со снарядами будет почти невозможно добраться до нас, а у нас будет очень мало шансов сменить позицию.

Но для начала — несколько дней я был передним наблюдателем на передовой под непрерывным тяжелым обстрелом. Наша пехота хорошо окопалась, но на их боевом духе сказался безостановочный обстрел, когда днем никто не мог двинуться, даже не мог высунуться из своей норы. Ну, я и мои радиооператоры меньше страдали от обстрела: мы спокойно сидели в глубокой «лисьей норе» и знали, что даже близкое попадание нас не затронет. Прямое попадание, что имело бы очень печальный исход, мы в расчет не принимали. Опыт вновь показал, что артиллеристы больше боятся обстрела оружием пехоты, чем артиллерийского. Для пехоты было верно прямо противоположное. Оружия, которым владеешь сам, боишься куда меньше, чем неизвестного. Связные пехотных частей, иногда прячущиеся в нашей норе, нервно смотрели, как мы спокойно играем в карты. Тем не менее я был рад, когда меня сменили и я вернулся на батарею. На этот раз основной наблюдательный пункт находился далеко позади орудийных позиций. Это было неожиданным решением, но такова уж была местность. Русские еще атаковали 17 и 18 мая, сильно превосходящими силами. Скоро придет весна с летним теплом. Это было бы приятно, не начнись в это время неприятельские атаки. Были обнаружены

скопления вражеских танков. Нам все чаще приходилось открывать заградительный огонь. Наблюдатель, заменивший меня, все чаще требовал огневой поддержки. Вся передовая на гребне исчезала под облаками разрывов русской артиллерии. Было ясно, что противник скоро начнет атаку.

Малое расстояние до тыла упрощало подвоз снарядов. Один раз моторизованная колонна даже подъехала прямо к орудиям. Наши собственные колонны на конной тяге не могли справиться с высоким расходом. Стволы и затворы были горячими. Все свободные солдаты были заняты на заряжании орудий и подносе снарядов. Впервые стволы и затворы приходилось охлаждать мокрыми мешками или просто водой, они раскалялись так, что расчеты не могли стрелять. На некоторых стволах, которые уже выстрелили тысячи снарядов, появилась сильная эрозия ствола у переднего края снарядной каморы — в гладкой части ствола, — куда входил ведущий конец снаряда. Требовалась большая сила, чтобы открыть замок с одновременным выбросом пустой гильзы. То и дело, заставляя край гильзы выйти из эродированной каморы, в ход пускался деревянный банник. Из-за эрозии ствола происходил недогар пороха. Если во время быстрой стрельбы замок открывался сразу же после отката, наружу вырывались струи пламени. Фактически они были безопасны. Но к ним нужно было привыкнуть. Однажды, когда у нас на позиции были пехотинцы, они захотели пострелять из пушек. Обычно они осторожничали. Шнур нужно было дергать с силой. Ствол откатывался близко к телу, звук выстрела был незнаком. Для артиллеристов это была хорошая возможность поважничать. Всегда к месту приходились байки о разрыве ствола. Что касается героизма, — естественно, артиллеристы чувствовали стеснение перед бедолагами из пехоты, которое старались скомпенсировать. Утро 18 мая выдалось решающим. Русские танки атаковали с поддержкой пехоты. Передовой наблюдатель передал срочный вызов. Когда мы увидели первый танк на нашей собственной передовой перед артиллерийской позицией, наблюдатель передал просьбу пехоты разобраться с прорвавшимися танками, не думая о наших солдатах. По их мнению, лишь таким образом можно будет удержать позицию.

Я был рад, что в этой мешанине я не там, на передовой, — но беспокоился о нашей неудачной позиции на переднем скате, которую танки могут в любой момент взять под прямой обстрел. Артиллеристы забеспокоились. Танки пошли с противоположного склона, стреляя по площадям, но не по нашей батарее, которую они, наверное, не заметили. Я бегал от пушки к пушке и назначал командирам орудий конкретные танки в качестве мишени на

прямой наводке. Но они откроют огонь лишь тогда, когда русские танки отойдут достаточно далеко от нашей передовой, чтобы не задеть наших.

Наш заградительный огонь открылся на дистанции около 1500 метров. 15-сантиметровые гаубицы на самом деле не были для этого предназначены. Требовалось несколько выстрелов с коррекцией, чтобы попасть в танк или разделаться с ним близким попаданием 15-сантиметрового снаряда. Когда одно точное попадание сорвало целую башню со страшного Т-34, оцепенение спало. Хотя опасность оставалась явной, среди артиллеристов поднялся охотничий азарт. Они верно трудились у орудий и явно взбодрились. Я бегал от орудия к орудию, выбирая наилучшую позицию для раздачи целей. К счастью, танки по нам не стреляли, что бы для нас плохо кончилось. В этом смысле работа артиллеристов упростилась, и они могли спокойно целиться и стрелять.

Кольца побед на стволе гаубицы

Британский танк «Валентайн», поступивший в СССР по ленд-лизу, стал жертвой 10-й батареи. Несмотря на малую скорость (24 км/ч) и слабое вооружение (40-мм пушка), он понравился советским экипажам из-за небольшого размера, надежности и сравнительно хорошей бронезащиты

В этой жесткой ситуации меня вызвали к телефону. Командир батальона Бальтазар потребовал объяснения, как недолет с 10-й батареи мог упасть за командным пунктом одного из батальонов легкой артиллерии. Он мог быть только с 10-й батареи, потому что в тот момент ни одна другая тяжелая батарея огонь не вела. Я пресек это обвинение, возможно, слишком резко и сослался на свою борьбу с танками. Я хотел вернуться к орудиям, управление которыми было для меня важнее. Может быть, я отвечал слишком уверенно, захваченный врасплох в разгар боя.

Когда мне снова приказали подойти к телефону, мне дали координаты якобы подвергшегося угрозе командного пункта, который, к счастью, не пострадал. Теперь я был полностью уверен, что 10-я батарея не могла отвечать за этот выстрел, потому что стволы для этого пришлось бы опустить примерно на 45 градусов, а я бы это заметил. Это было бы, к тому же, совершенно неправильно, ведь орудия стреляли по вражеским танкам. Я попытался объяснить ситуацию Бальтазару.

Тем временем бой с танками продолжался без остановки. Всего мы уничтожили пять вражеских танков. С остальными разделалась пехота в ближнем бою на основной линии обороны. Танки исчезли. Атака противника провалилась. Наша пехота успешно удержала позиции. От передового наблюдателя, снова оказавшегося на связи, пошли ободряющие сообщения, он занялся корректировкой огня батареи по отступающему противнику. Я по

полевому телефону связался с командиром батареи Кульманом (гауптман Кульман был командиром 10-й батареи 171-го артиллерийского полка, а Вюстер как старший офицер батареи отвечал за целеуказание орудийным расчетам) и сделал подробный рапорт, который его удовлетворил. И все же он продолжал твердить о недолете. Я отвечал самым неуважительным образом. По мне, история была самая идиотская.

Когда ближе к вечеру бой окончательно стих, артиллеристы начали рисовать кольца на стволах (так артиллеристы вермахта отмечали победы. — *Примеч. пер* .) белой масляной краской — откуда они ее только достали. Я был уверен, что всего было не более пяти, но вместе с танком под Немировом, это было уже шесть. По счастью, ни одно орудие не обошла победа, а то поднялась бы такая «вонь». Наводчики и командиры орудий с двумя победами у каждого, естественно, были героями дня. Именно из-за позиции на переднем скате мы могли стрелять прямо по танкам, но главное было в том, что танки не опознали нас на нашей идиотской позиции на склоне. Ни один вражеский выстрел нас не задел, и даже русская артиллерия нас не тронула. Солдатское везение!

Из-за всего этого шума вокруг пресловутого недолета я повел себя предусмотрительно. В качестве меры предосторожности я застраховался от всех обвинений. Я собрал все записи от командиров орудий и даже от телефонистов и радиооператоров о целеуказаниях с нашего главного наблюдательного пункта и от передового корректировщика. Я собрал и изучил документы на предмет любых неточностей и ошибок. Чем больше я в них смотрел, тем яснее мне становилось, что для такого промаха нужно было чрезвычайное изменение азимута. Там была ошибка. Мы действительно стреляли с разных углов возвышения, но с самым незначительным траверсированием стволов. Хотя это было уже перестраховкой, я проверил расход боеприпасов и просмотрел формуляры орудий — работа, которая лишь дополнила общую картину. Кроме прочего, угла траверсирования глубоко увязших в грунте гаубиц было недостаточно. Станины пришлось бы развернуть — серьезная работа, которая не прошла бы не замеченной мной. Я успокоился: мое положение было прочным как скала.

Но Бальтазар не сдавался. Его не интересовали споры: «Или вы доложите в 11.00, как такой недолет мог произойти, или доложитесь в то же время для получения взыскания».

Это было уже серьезно. Хотя я был в ярости, снаружи я был абсолютно спокоен. Поэтому я говорил особенно медленно и четко, не обращаясь напрямую: «Осмелюсь доложить, что я

провел расследование. Я предоставлю герру оберст-лейтенанту доказательства, которые перевесят этот мнимый недолет. Таков мой рапорт. Следовательно, в 11.00 я доложусь вам для получения взыскания».

Наверное, это и спровоцировало холерика Бальтазара, потому что больше я ничего не говорил. Бальтазар заорал в телефон: «И чтобы был вовремя! И вообще, ты, наглый невежа, сопливый маленький выскочка, ты что о себе возомнил! Я тебе устрою такое, что век будешь помнить!»

Я больше не слушал, потому что повесил трубку, чтобы прервать столь вдохновляющую беседу. Я дрожал от ярости. Теперь все пойдет к тому, что ошибки не было. Вечер оставался тихим. Я распорядился, чтобы с полевой кухней мне доставили «Книгу мудрых» (дисциплинарный устав. — *Примеч. пер* .) из фургона ординарца. Я хотел вычитать, как выглядит офицерский «мельдеанцуг» (буквально «форма для рапорта» — полупарадная форма, которую носят по небольшим официальным моментам), нужно ли носить шлем и что положено солдатам и унтер-офицерам, если они получают наказание. «Книга мудрых» была воистину богатой коллекцией всех важных правил, нужных командиру части. В каждой батарее было по экземпляру, она оказалась информативной и полезной. Форма для рапорта у офицеров была следующей: бриджи, полевой китель, кожаная портупея и офицерская фуражка. Все было ясно. В качестве предосторожности я также прочел, как подавать жалобу. По дороге к командиру я сознательно оставил шлем на позиции. Было чудесное солнечное утро, и я спланировал все так, чтобы прибыть вовремя, но не слишком рано. Бальтазар, кажется, уже ждал меня, когда я вошел. Его адъютант, Петер Шмидт, стоял сбоку за ним.

— По вашему приказанию прибыл.

— Где твой шлем? На тебе должен быть шлем, когда ты приходишь за взысканием, — прорычал Бальтазар.

Я ответил по существу и в самой спокойной манере, что я абсолютно чист в этом вопросе, потому что прочел устав и убедился, что фуражки достаточно. Это было уже слишком.

— Ты осмеливаешься учить *меня* ?!

Затем последовал истерический поток оскорбительных слов, взятых из репертуара казарменного унтер-офицера, — язык, который в поле уже почти исчез из памяти. Думаю, Бальтазар знал, что отсутствие самоконтроля всегда будет ставить под сомнение его качества. Его взрыв подошел к концу: «И когда я приказываю надеть шлем, ты надеваешь шлем, ясно?!»

Адъютант неподвижно стоял за ним, молча, с каменным

лицом — а что еще нужно было делать?

— Дай мне свой шлем, Петер, — сказал я, повернувшись к нему. — Мне нужен шлем, а у меня с собой нет.

Вразрез с ожиданиями Бальтазар оставался спокойным, пока я нахлобучил шлем, отдал честь, подняв руку к краю шлема, и объявил:

— По вашему приказанию докладываю в шлеме!

— Наказываю вас тремя днями домашнего ареста за недостаточный надзор, что привело к падению недолета за командным пунктом II батальона. — Это была, наверное, судьба, и я собирался ее принять, но он добавил: — А эти идиотские кольца со стволов — стереть. Вы еще не подбили ни одного танка. Принесите письменное подтверждение от командиров рот, если сможете.

Откуда командир узнал о кольцах? Он не видел батареи с тех пор, как это произошло, — ему, наверное, кто-то рассказал. До того, как вернуться на батарею, я поговорил с адъютантом, с которым мы дружили, и вернул ему шлем. Он попытался успокоить меня, сказав, что не стоит так серьезно все воспринимать, буря утихнет так же быстро, как собралась, и в конце все окажется сущими пустяками. На мне тоже была часть вины, потому что я выглядел слишком самоуверенно, Мельхиор (Бальтазар и Мельхиор — волхвы, пришедшие к новорожденному Иисусу. Видимо, так с иронией подчиненные могли называть своего грозного командира Бальтазара. — *Примеч. пер* .) и Кульман давно решили, во время совместной пьянки, слегка сбить с меня спесь. Я не согласился, пойдя на принцип: офицеров нельзя оскорблять как тупейших рекрутов.

— Я подам жалобу, — сказал я, уходя.

— Я бы на твоем месте хорошо подумал. Ничего хорошего из этого не выйдет, — ответил адъютант, когда я уже уезжал. Мой коновод слышал весь разговор и сказал:

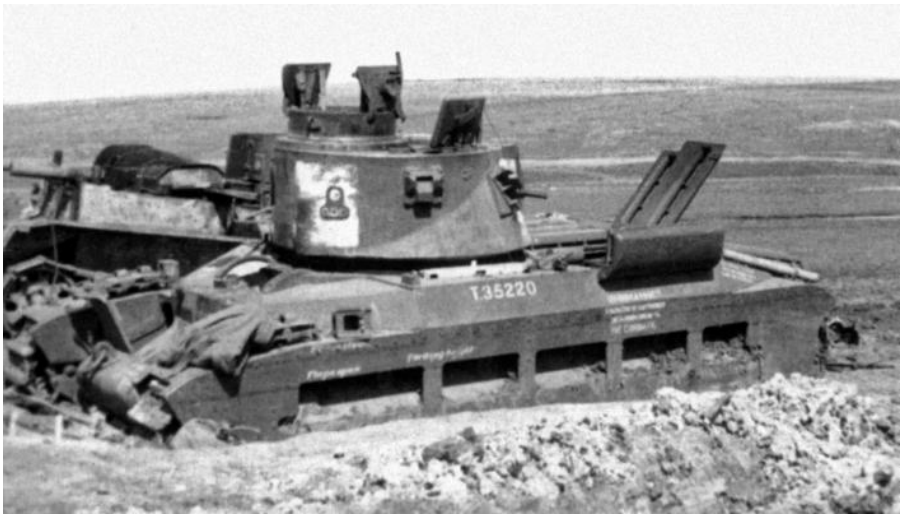
— Большая была драка, герр обер-лейтенант, много времени пройдет, пока вы ее забудете. А что теперь будет с кольцами?

На обратном пути я колебался, обдумывая, что делать и в каком порядке все случится. На обратном пути я решил зайти к Ульману, чтобы доложиться ему. На удивление, он попытался успокоить меня и отговорить от подачи жалобы: «Вы так не заработаете себе друзей». Какие у меня теперь были друзья? Но Кульман, кажется, в одном был на моей стороне. Он ничего не хотел делать с кольцами на стволах, потому что они были гордостью батареи. Мне стоит поискать свидетелей. Наш корректировщик мог бы мне помочь. Тем не менее он, казалось, помогает мне нехотя.

Из «Книги мудрых» я узнал, что жалобу следует подавать по официальным каналам, рапорт должен быть подан в запечатанном конверте, который в моем случае может открыть лишь командир полка. Я поступил в соответствии с этой формулой. Я оспорил обвинение в «недостатке надзора» и приложил свидетельство. Я пожаловался, что никакого честного расследования не производилось. Наконец, я пожаловался на грубые оскорбления.

Отправив жалобу, я почувствовал себя лучше. В любом случае, мне было ясно, что Бальтазар будет меня безжалостно преследовать. Он меня достанет тем или иным способом. Мне придется быть настороже и надеяться на перевод в другой батальон, что было обычной практикой в таких случаях. Оберст-лейтенант Бальтазар был достаточно самоуверен, чтобы вызвать меня. Жалоба — ну что ж — мне стоит знать, что то, что я сделал, было глупо. Потом он дошел до сути: конверт наверняка заклеен так, что любой старый «пизепампель» (местное рейнландское, а точнее брауншвейгское, выражение, означающее «плохой парень», «тупой, плохо воспитанный парень» или даже «зануда» или «мокрая постель»), так он себя называл, не сможет его прочесть, так что ему придется его вскрыть. Он был поражен, когда я запретил делать это, сославшись на «Книгу мудрых». Весь вопрос можно пересмотреть, если я позволю ему его вскрыть. Я отклонил предложение без дальнейших комментариев, считая, что процедура жалобы должна идти своим ходом.

Поле битвы под Харьковом изобиловало подбитыми танками. Свежие жертвы, такие как британский танк «Матильда» слева, соседствовали с ржавыми корпусами, оставшимися от битв 1941 года, как этот БТ-7 справа



Тот же танк «Матильда» с близкого расстояния. В СССР по ленд-лизу было послано более 1000 «Матильд». Советские экипажи нашли танк медленным и ненадежным. Частой жалобой было то, что снег и грязь скапливается за фальшбортом, защищавшим гусеницы. Тяжелая броня танка не могла компенсировать низкой скорости и слабой 40-мм пушки

Подполковник Карл-Леберехт фон Штрумпф, командир 3-го батальона 171-го артполка, награждает Железным крестом

второго класса солдат своего батальона. 21 июня 1942 г. Слева его адъютант, обер-лейтенант Герд Хоффман

Получить подтверждение наших подбитых танков оказалось для меня более трудным делом. Конечно, эксперты могли определить, был ли танк подбит 15-см снарядом или нет. Но такие соображения в определенных условиях не работали. Уничтоженные танки были расположены в нашей зоне, но не заявит ли пехота о них сама? Хорошо еще, что другие батареи и части ПТО не стреляли по танкам, — в противном случае заявка на 5 танков превратилась бы в 10 или 20. Такое часто случалось, как чудо умножения хлебов Иисусом. Кроме нас, артиллеристов, которые и вели стрельбу, кто мог что-то видеть? У пехоты во время русского прорыва были другие заботы. Если они успели реорганизоваться, любые поиски были бы бесполезны. Вопрос на вопрос. Офицер артиллерийско-технической службы, который оказался на батарее из-за проблем с эрозией стволов, сомневался, что на обломках танков удастся найти четкие свидетельства того, что они уничтожены снарядами 15-см гаубицы. В некоторых случаях все четко и ясно, но в целом все чрезвычайно сомнительно. Я хотел пойти и сам начать расспрашивать пехоту, опасаясь, что свидетельства не найдутся, — и предвидя новые конфликты с Бальтазаром. Затем неожиданно на позиции вернулся передовой корректировщик с нужными документами, подтверждающими наши победы. Их запросил Кульман. Лейтенант фон Медем сообщил, что пехоту совершенно воодушевила наша битва с танками. Один только командир батальона подтвердил три победы и нанес их на карту. Была даже одна, которую мы не заметили и не посчитали. Более того, было еще три подтвержденные победы от командиров рот. Так что 5 сожженных танков стали 6 и даже 7, потому что два танка столкнулись, когда первый был опрокинут на бок попаданием под гусеницы. Главное, что теперь мы могли предоставить свои победы в письменном виде. Кульман сам был совершенно горд своей 10-й батареей. Моя вчерашняя недооценка, наверное, оставила хорошее впечатление. Но в противостояние между мной и оберст-лейтенантом Бальтазаром гауптман Кульман вмешиваться не хотел, хотя и хлопал меня одобрительно по плечу и называл наказание чистым пустяком.

Тем не менее я не верил в счет 7 танков. Я бы заметил попадания. Наверное, в возбуждении пехота подарила нам два танка. Зачем спорить с подарком? Останки танков лежали перед нами, включая достаточно свежие, но были и те, что ржавели с зимы. Было ясно, что на сектор в последние месяцы постоянно шли танковые атаки. Я держал свои мысли при себе, лишь

замечая по ходу дела адъютанту Петеру Шмидту, которого Бальтазар послал ко мне, потому что он поставил задачу доказательства передо мной, но те рапорты от корректировщика уже шли к Кульману по «официальным каналам». Да, о тех 7 танках теперь кричали с крыш, составляя славную страницу истории батальона, который имел малое к тому отношение, — что разъяснил Кульман, — указав, что все это сделала исключительно его батарея, хотя сам он лично в этом не участвовал и соглашался с Бальтазаром насчет моего наказания.

По крайней мере кольца остались на стволах орудий. Дорисовали и два «опоздавших», так что на каждом стволе было по два кольца, и теперь между командирами орудий и расчетами установился мир. Была роздана горсть наград командирам расчетов и наводчикам, поскольку раньше Железный крест второго класса никто не получал. Корректировщик и оба его радиооператора получили свои первые медали, которые они честно заслужили, хотя они и не подвергались большей опасности, чем каждый и всякий пехотинец. Уже курьезом, Железный крест второго класса осчастливил телефониста на орудийных позициях, который в тот день не имел возможности как-то особенно проявить себя, — возможно, кроме того, что вызвал меня к телефону поговорить с Бальтазаром. С другой стороны, он был надежным солдатом, и «раздатчик» на этот раз не обошел его.

Личный состав 10-й батареи построен для награждения. Командир батальона, подполковник Бальтазар, прикалывает Железный крест второго класса на грудь фельдфебеля, ефрейтора и связиста. Большинство солдат батареи были ветеранами с опытом Восточного фронта

Батарею — с остатками 71-й пехотной дивизии — сменяют части 294-й ПД. 4 июня 1942 г. Одна из гаубиц в густом камуфляже ждет, когда к ней прицепят передок

Упряжки тянут 5500-кг гаубицы на запасные позиции. Дивизия должна была принять участие в операции «Вильгельм», которая должна была начаться через несколько дней, но была отложена до 10 июня из-за проливных дождей

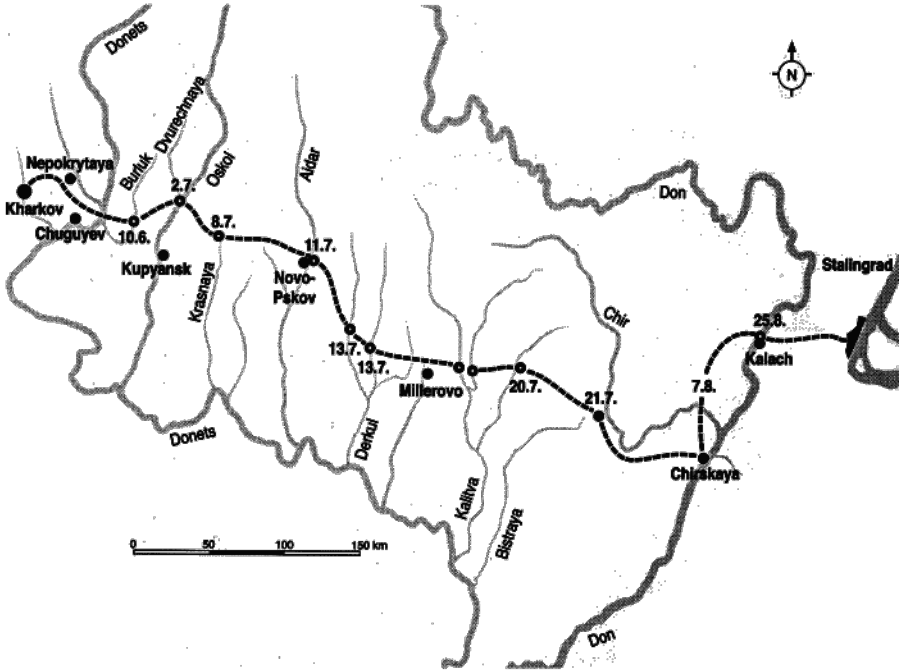
О наградах, в общем, каждый беспокоится сам, как и о медалях за храбрость, а с «гражданскими» наградами даже больше. Если ты достаточно долго выживал в войне и просто исполнял свой долг, твой черед придет, и командир части должен будет придумать повод. Как можно «честно» управлять раздачей медалей? Должны они идти туда, где пишутся кровавейшие «романы», потому что вышестоящие хотят выделить их из массы? Или разве не честнее распределять их в частях согласно квоте, чтобы признать их успех или серьезность их действий? Придумать повод задним числом не всегда просто, но для медали должна быть причина награждения. Если дивизия воюет успешно, награды льются рекой, но если ее отбрасывают назад, регистрируется меньше «актов героизма». В Польше наград было мало, во Франции больше. Большие победы 1941-го до начала зимы вызвали настоящий поток медалей, позже их стали экономить. Когда Сталинград подходил к концу, даже сильнейшие раздачи медалей и повышений в чине не могли остановить коллапс. Вспомнили легенду о спартанцах, и для монумента понадобились (мертвые) герои…

Изучение подбитых танков было информативно в нескольких смыслах. Т-34 был в 1942 г. лучшим и самым надежным русским танком. Его широкие гусеницы давали ему лучшую подвижность на пересеченной местности, чем у других, мощный двигатель позволял развивать лучшую скорость, длинный ствол пушки

давал лучшую пробивную способность. Недостатками были плохие приборы наблюдения и отсутствие кругового обзора, что делало танк наполовину слепым. Радиооборудование тоже было плохо отработано, на некоторых танках его вообще не было. Тем не менее при всей мощности брони он не мог противостоять 15-см снарядам, для поражения даже не было обязательно прямое попадание. Попадание под гусеницу или корпус переворачивало его. Близкие разрывы рвали гусеницы. Кроме того, под Харьковом применялись английские танки Mk.II и Mk.III, подвижные на ровной местности, но Т-34 оставлял их позади. Они, однако, были хорошо оснащены многими полезными аксессуарами. Мы с удовольствием брали наборы инструментов, но особо ценили практичные кипятильники, которые можно было заправлять любым видом топлива. Чтобы вернуть «англичанина» в строй, с них снимали башни и использовали как тягачи, но и для этого лучше подходил Т-34.

Наш боевой сектор скоро передали другой дивизии. Тем временем нашу 71-ю собрали вместе и еще раз пополнили. Мы прошли через Харьков на юг, в сторону новой операции на окружение. Харьковская битва успешно завершилась. Оборона против крупномасштабного наступления русских превратилось в разрушительную битву на окружение агрессора. Теперь мы снова шли на восток. Может быть, мы наконец смогли отбросить русских… победный конец войны снова оказался близко. Переправы через Бурлюк и Оскол пришлось вести в тяжелых боях. Но после этого — как в 1941-м — были долгие недели наступления в изматывающей жаре, не считая дней, полных грязи, когда лил дождь.

Кроме двух крупных наступательных маневров наш тяжелый батальон редко участвовал в боевых действиях. Нам хватало забот с одним движением вперед. Коренастые тягловые лошади были пугающе худы и всем видом показывали, что не годятся для долгих маршей, особенно по пересеченной местности. Требовалась временная помощь. У нас еще оставалось несколько танков, обращенных в тягачи, но мы также искали сельскохозяйственные тракторы, в основном гусеничные. Немного можно было найти в колхозах прямо у дороги. Русские забрали с собой как можно больше, оставив только неисправное оборудование. Постоянно требовалось импровизировать, и мы всегда были в поиске горючего.



Путь 71-й пехотной дивизии в летней кампании 1942 года был отмечен серией тяжелых маршей по голой степи и многочисленными переправами. Дивизия вновь попала на восточный фронт перед кризисом во время почти победоносного советского наступления под Харьковом в мае 1942 г. Силы батарей 171-го артполка, так недавно пополненного во Франции, таяли в мелких операциях. Некоторые воевали под Изюмом, другие под Харьковом, но всем доставались трудные задачи, такие как борьбы с танками или поддержка быстро движущихся разведывательных подразделений. Тем не менее потенциальное поражение стало победой. Потом началась собственно летняя кампания. Наступление на Сталинград через Оскол и Дон означало, что артиллерия применялась традиционным способом, но на людей и лошадей возлагались непосильные задачи. Эти битвы, иногда превращавшиеся в спешную погоню, доставляли проблем и обозам снабжения, которые по ночам шли следом, потому что им приходилось биться за свою жизнь с русскими формированиями, отставшими за день. Когда они вышли к Дону напротив Калача, сила этого сектора — вкупе с приподнятым западным берегом — а также измотанностью войск, — делала его идеальным местом для зимовки. Но так не должно было быть. Нужно было выйти еще к одной реке.

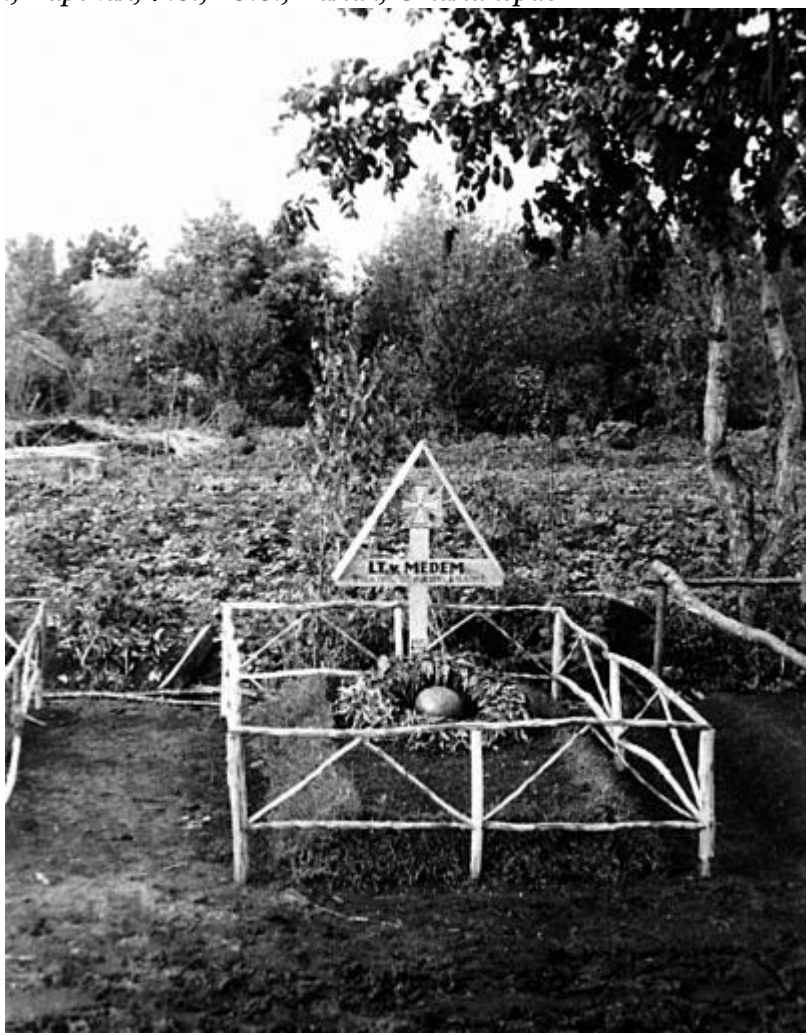
На схеме:

реки слева направо:

Донец, Бурлук, Двуречная, Оскол, Красная, Донец,

Айдар, Деркуль, Калитва, Быстрая, Дон

Линия боевого пути: Харьков, Непокрытая, Чугуев, 10.6., Купянск, 2.7., 8.7., Новопсков, 11.7., 13.7., 13.7., Миллерово, 20.7., 21.7., Чирская, 7.8., 25.8., Калач, Сталинград



Одна из первых потерь 10-й батареи в летнюю кампанию — корректировщик лейтенант Пауль Гарри Алексис Петер фон Медем, родившийся 15 июня 1915 г. в Риге. Он был убит 12 июня 1942 г. в 1,3 км от Татьяновки, когда отказался залечь под огнем. Сегодня его останки покоятся в Алексеевке, к северо-востоку от Изюма на Украине

Для этого нам лучше всего послужил случайный Т-34. Мы высылали «призовые команды», которые охотились справа и слева по дороге нашего наступления на захваченных грузовиках. Для поддержания мобильности мы нашли 200-литровую бочку с

соляркой. «Керосин», говорили солдаты — потому что слово «керосин» было для нас незнакомо. 200-литровую бочку везли на танке без башни, на котором подвозились боеприпасы. И все же у нас вечно не хватало топлива, потому что не удавалось как следует удовлетворить даже потребности моторизованных частей. Вначале мы двигали гаубицы целиком, потому что так было проще. Но скоро оказалось, что подвеска наших передков на конной тяге была для этого слаба и ломалась. Это создавало величайшие трудности при движении на позиции. Нам приходилось двигать ствол отдельно. Новые пружины было трудно найти, и офицер артиллерийско-технической службы с трудом мог их поставить в полевых условиях. И вот за каждым трактором двигался длинный караван колесных средств. Мы, конечно, не выглядели как организованная боевая часть. Батарея напоминала цыганский табор, потому что нагрузку распределяли по крестьянским телегам, которые тянули небольшие выносливые лошадки. Из массы пленных, текущих нам навстречу, мы вербовали сильных добровольных помощников (хиви), которые, нося вперемешку гражданскую одежду, форму вермахта и свою русскую форму, лишь усиливали впечатление толпы цыган. Лошади, которые заболевали или слабели, распрягались и привязывались к машинам, чтобы они могли трусить рядом с ними. Я отрабатывал свое наказание «по частям». Местом домашнего ареста служила палатка, сделанная из состегнутых плащ-палаток, которую в тихие дни ставили для меня отдельно. Мой ординарец приносил мне еду. Батарея знала, что происходит, ухмылялась и продолжала хорошо ко мне относиться. Кульман тщательно вел учет времени и объявил, когда оно истекло. Он выделил мне на «выпуск» бутылку шнапса. Я связался с полковым адъютантом и спросил, как продвигается моя жалоба. Он подтвердил ее получение, но объяснил, что оберст Шаренберг отложил ее на время операции, потому что на жалобы у него не было времени. Что мне было делать? Шаренберг и Бальтазар находились в хороших, если не дружеских, отношениях. Мне приходилось ждать и постоянно ждать гадостей от Бальтазара, который пытался выместить на мне зло, отчего то и дело страдала батарея. На гауптмане Кульмане снова сказалось напряжение, как в прошлом году. Теперь его даже перевели в запасную часть на родину. Поскольку другого подходящего офицера не нашлось (доктора Нордмана в полку уже не было), мне пришлось принять батарею. С этим начались постоянные придирки Бальтазара. При Кульмане это сдерживалось, потому что он мог сопротивляться.

Солдаты 10-й батареи выстроили пушки и большую часть личного снаряжения вдоль ручья за небольшой возвышенностью. Полное немецкое превосходство в воздухе означало, что гаубицы не нужно ни маскировать, ни окапывать

Спаренный пулемет вкопан в плодородную украинскую землю и готов к воздушной обороне. Такие земляные работы всегда хорошо видны с воздуха, так что вынутый грунт замаскирован степной травой

Палатка Вюстера тоже старательно вкопана. Самая большая угроза — осколки (прямые попадания крайне редки), так что вынутый грунт насыпается вокруг позиции

Чтобы снять часть нагрузки со слабеющих лошадей, по дороге «зашмствовались» сельскохозяйственные тракторы и превращались в тягачи. Отступающие части Красной Армии забрали почти все рабочие машины, так что артиллеристам пришлось ремонтировать те, что остались

Колонна, которую тянет трактор «Сталинец-60», встала посреди бесконечной степи, размягченной недавним дождем. Кроме лафета гаубицы и передка, вокруг которого собрались солдаты, трактор везет и телегу с орудийным стволом (слева). Чтобы разделить вес орудия при перевозке, ствол везли на отдельной повозке. Естественно, так делали, лишь когда угроза встречи с противником была низкой, а орудие не требовалось быстро развернуть

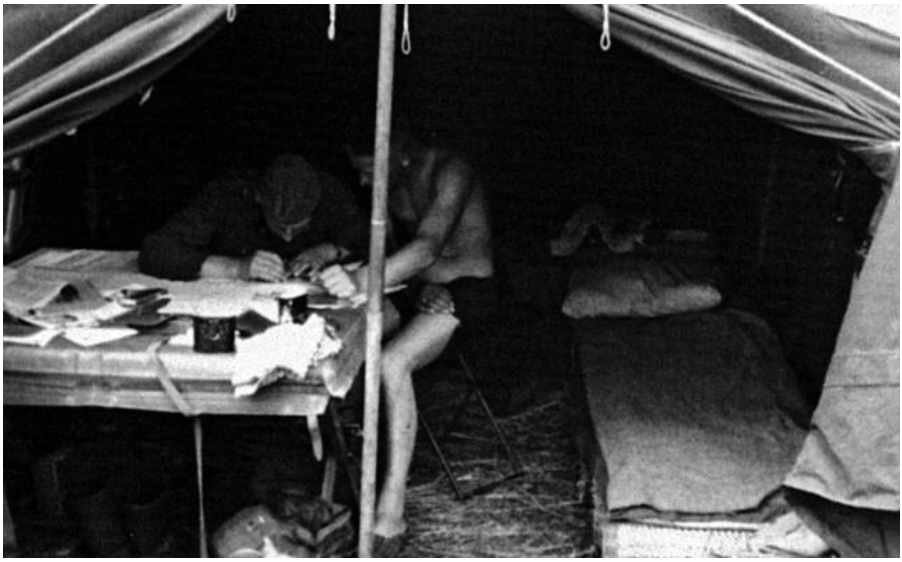
«Цыганский табор» 10-й батареи. Вереницу орудий и передков везет один из советских тракторов. На этой фотографии ствол установлен на лафет, а повозка для ствола едет пустой

Обер-лейтенант Вюстер обедает на придорожном поле. Постоянное преследование со стороны командира батальона Бальтазара было дополнительным бременем

Четыре гаубицы с расчетами расположились в небольшой долине. Через лагерь протекает ручей. После маскировки орудий и установки навесов над окопами личный состав приступил к личной гигиене и стирке. Такие свободные часы во время непрерывного наступления были редкой благодатью, так что каждая возможность использовалась полностью

Развернув орудия в долине, на возвышенности поставили наблюдательный пункт с хорошим обзором окружающей местности

Один из гусеничных тракторов батареи «Сталинец-60». Они имели мощность 60 л/с и работали на сырой нефти. Новый владелец ясно пометил свое имущество: организационный символ тяжелой батареи, и «01636 В/1» (полевая почта 4-го батальона, В — первая буква слова «батарея», 1 — номер орудия)



«Расчетная палатка» и спальное место старшего офицера батареи Вюстера. Здесь рассчитывались данные стрельбы. Один из людей в кадре явно в свободной форме — трусы и тапочки

Пункт связи 10-й батареи. В палатке у телефона вахмистр Блау

Расчет 3,7-см противотанковой пушки дремлет в тени автомобиля «Протце» 6x4 фирмы Круппа (Kfz. 69). Неэффективная против большинства танков, 3,7-см пушка давала эффективную защиту против небронированных целей

Пехота 71-й пехотной дивизии встала лагерем на краю идиллически выглядящей русской деревни. Во время наступления долгие привалы были редкостью — марш начинался до рассвета и продолжался после заката

Пехота свернула лагерь и выходит под утренним солнцем, бьющим с безоблачного неба. Пехота испытывала нечеловеческие нагрузки, нередко делая по 40–50 км за день марша

Пока конные повозки не торопясь едут вперед, мимо катят велосипедисты 71-го разведбатальона. У головного велосипедиста на велосипеде сбоку приторочен МГ-34, у остальных за спиной винтовки

Даже во время коротких операций батарея постоянно получала самые неприятные задачи. Время отдыха было неудобнее, чем у других батарей. В неясных ситуациях мне поручали все виды особых поручений и даже при том, что я был

командиром батареи, меня постоянно использовали в качестве передового наблюдателя. Если мой лейтенант, очень неопытный, сталкивался на батарее с трудностями, потому что не мог справиться с ветеранами — шписом и фуражиром, — мне приходилось заступаться за него. Эти двое старались с самого начала осложнить мне жизнь. В любом случае, одна моя вахта в качестве передового наблюдателя принесла нам еще один Т-34 в качестве буксировщика. Я провел неприятную дождливую ночь под брезентом с радистами. Когда наконец настало утро, туман закрыл все. Чтобы размять ноги, я пошел на командный пункт батальона. Я испытывал некоторое беспокойство, потому что недалеко слышался звук вражеских танковых гусениц. Я мог стрелять — но куда? Просто в туман? Так что я стал ждать. Когда я возвращался к окопу радистов, мне пришлось отвлечься на «утренние дела», так что я зашел в кусты и спустил брюки. Я еще не закончил, когда танковые гусеницы лязгнули буквально в нескольких шагах от меня. Я быстро закруглился и увидел танк темной тенью в тумане прямо над постом радистов. Он стоял, более никуда не двигаясь. Я увидел, как радист выскочил из окопа, спасаясь бегством, но потом развернулся, наверное, пытаясь спасти радиостанцию. Когда он выскочил с тяжелой коробкой, танк развернул башню. В ужасе радист с размаху запустил железной коробкой по танку и нырнул в первый попавшийся пустой окоп. Я мог лишь наблюдать, не имея возможности что-то сделать, но мне стало любопытно. Когда башенный люк открылся и 4 русских танкиста выскочили с невероятной быстротой, чтобы скрыться в тумане, я выстрелил им вслед из автомата — без успеха.

Прибежали пехотинцы. Радист пришел в себя. Танк был цел и невредим. Весь инцидент можно было объяснить лишь одним: русские, должно быть, увидели человека с коробкой и решили, что это подрывной заряд. Иначе они не сбежали бы в такой спешке. Было много громких криков одобрения, и по кругу пошла бутылка. Когда туман рассеялся, не было видно ни русских, ни, конечно, танков. Они сбежали в тумане, никем не замеченные.

Наступление, жара и пыль! Внезапно прицеп с орудийным стволом провалился до оси. Хотя рядом не было ручьев, под дорогой, похоже, образовалась промоина, — наверное, поработали сильные дожди. Впереди было много работы. Мы торопливо достали лопаты, и начались раскопки. К колесам и оси привязали веревки, чтобы вытащить прицеп, рядом стояли лошади, отцепленные от передков, — в качестве дополнительной тягловой силы. Мы уже знали, что здесь достаточно часто приходится играть в такие игры. Мимо проезжал Бальтазар, он

выглядел довольным:

— Как можно быть столь тупым и завязнуть на ровной дороге. У нас нет времени. Лейтенант Лохман немедленно едет с батареей. Вюстер, вы на прицеп со стволом. Восемь лошадей, восемь человек.

Решение было необъективным. Он мог бы позволить мне использовать для рывка Т-34, как я хотел сделать. Одно это могло гарантировать успех «раскопок». Моим людям было ясно, что это была одна из тех маленьких игр, в которые Бальтазар любил со мной играть.

Вюстер на наблюдательном пункте. Его командир батальона, подполковник Бальтазар, позаботился о том, чтобы он проводил

за этим опасным занятием больше времени

Тот же наблюдательный пункт. На горизонте видна тщательно замаскированная стереотруба. Жизнь зависит от умения спрятаться: если тебя заметят, ответит советское тяжелое оружие

Когда орудие стоит на огневой позиции, все его незначительные перемещения должны выполняться самим расчетом: это считается более простым делом, чем приводить упряжки с позиции передков

Перетаскивать 5,5-тонную гаубицу по пересеченной местности непросто. Десять человек впряглись в каждый трос, зацепленный за верхнюю часть колеса, чтобы увеличить силу тяги. По фото видно, насколько эта работа тяжела

Наконец, орудие на позиции. Чтобы правильно разместить гаубицу, нужно много сил. Четыре орудия нужно поставить рядом, чтобы старший офицер мог управлять огнем

«Расчетная палатка» Вюстера стоит в тихой лощине, поросшей дубами и дикими цветами

15-см гаубица s.F.H.18 стреляла фугасными, бетонобойными, бронебойными и дымовыми снарядами, каждый весил около 43 кг. Заряд состоял из восьми картузов с порохом, заряд 8 давал максимальную дульную скорость 50 м/с. Максимальная дальность превышала 13 км. Как видно из трех пустых бутылок, этот расчет только что отметил прибытие на новую позицию

Артиллерийская колонна продолжает марш где-то между реками Оскол и Айдар, 10 июля 1942 г. После выхода перед рассветом в полдень делался короткий привал. Расчет отдыхает на повозке со стволом

После того, как мы, кажется, достаточно намахались лопатами, попытка с восемью ослабевшими лошадьми провалилась: прицеп уже нельзя было вытащить. Солдаты тоже были измучены. И я позволил им перекусить — я тоже был рад поесть, потому что ничего полезного мне в голову не приходило. Мимо прошел пехотный батальон с командиром в голове колонны. Это был батальон, у которого мой радист «захватил» Т-34 несколько дней назад.

— Что вы тут мучаетесь со своими хромыми клячами? Так вы никуда не попадете. Но если вы клянетесь святой Барбарой (считается покровительницей артиллеристов. — *Примеч. пер* .), что в следующий раз не будете экономить снаряды, я поставлю вам пушку на ноги. Договорились?

Веревки и цепи были привязаны к ободьям больших колес повозки так, чтобы они давали крутящий момент. Было важно вытащить повозку с первого рывка. Мы впрягли лошадей, но они могли начать тянуть, лишь когда двинутся колеса. На каждой веревке стояла цепочка из 10–14 человек. За лошадьми встали артиллеристы с кнутами и палками. Я встал за стволом и дал команду: «Тяниииии!» Рывок, колеса двинулись, лошади потянули, и ствол снова стоял на твердой земле.

— Ну вот, и что вы не сделали так с самого начала? — сказал майор, используя обычные клише. — А теперь доставайте бутыль шнапса, которая у вас наверняка где-то завалялась, и вам даже не

придется нас благодарить.

Должный запас водки мы везли с собой, и артиллеристы время от времени к нему прикладывались, пили, но не увлекались. Жара сдерживала желание выпить.

Уже под вечер я добрался до батальона, вставшего на отдых у колхоза. Бальтазар скрыл удивление: он не ждал меня так рано. Я не упомянул о пехоте.

В другой раз мимо пыльной, неторопливо движущейся батареи проехал наш командир дивизии, генерал-майор фон Хартман. Я доложил ему в обычной манере.

— Там на фронте заваривается каша. Как быстро вы сможете туда добраться? — спросил он, показав мне место на карте.

— С обычной скоростью марша это займет 6–7 часов. Лошади держатся из последних сил.

— А если у вас будут ваши Т-34 и танки, вы рванете вперед и возьмете лишь самое необходимое? А телеги могут идти следом со своей скоростью. Что тогда?

— Тогда 2–3 часов будет достаточно, если все будет нормально. Но подвеске передков настанет капут, вот почему нам запрещено двигаться с высокой скоростью.

— Сейчас мне на это плевать, на фронте все плохо. Двигайте, полный вперед!

Ну, что я и сделал, после того как мы набили танк снарядами до предела. Мы шли на хорошей скорости, делая 30 км/ч, и никого не оставили по дороге. Нас встретили с радостью и ввели в курс дела. Подвеска на двух передках сломалась, как и стоило ожидать, и это означало, что предстоит масса тяжелой работы еще до того, как орудия смогут открыть огонь.

Для каждой повозки со стволом нужна упряжка из 8 лошадей. Лошади с трудом справляются с темпом марша: сегодня, 10 июля, температура 40 градусов в тени, а на небе ни облачка

Вплотную за пушками следует колонна снабжения. Монотонность бесконечной степи до горизонта заставляла все немецкие войска скучать по дому

10 шюля одна из повозок со стволом провалилась сквозь дорожное полотно в промоину и застряла по ступицы. Чтобы высвободить повозку, Бальтазар дал Вюстеру всего 8 лошадей и 8 человек

Пройдя почти 30 км, длинные колонны под вечер 10 шюля пришли в Новопсков. 4-й батальон Бальтазара занял дома на окраине деревни. Вюстер и повозка со стволом прибыли позже

Рано утром 11 июля батарея покидает ночлег в колхозе у Новопскова. Снова используется возможность применить советский трактор в роли тягача. Немцы еще не знают, что советские окруженцы заняли позиции на холмах на заднем плане

Упряжки с телегами движутся по пыльным дорогам сквозь облака пыли в сторону восходящего солнца, Новопсков, 11 июля 1942 г. Людям Вюстера повезло не попасть в засаду с остальными частями

На коротком отрезке дороги между Новопсковом и рекой Айдар стоят бесконечные колонны брошенной сельскохозяйственной техники. По разным сообщениям, дорогу забили от 200 до 500 тракторов и молотилок

Унтер-офицер 10-й батареи берет на себя роль водителя свежереквизированного трактора СТЗ-1. Ему помогает хиви (справа). Колеса этих тракторов повреждали дорогу и деревянные мосты, поэтому, где возможно, их пускали по обочине

Мост через Айдар, восточнее Новопскова, был взят 10 июля 1942 г. Артиллерийские части переправились на следующий день. С высот за мостом советские части и поймали в засаду маршевые колонны

Советский Т-34 производства Сталинградского тракторного завода бесцеремонно сброшен с подъездного пути к мосту через Айдар. Повозка за танком не несет ствол, что говорит о том, что он водружен на лафет из-за близости противника в ожидании неминуемого столкновения

Когда Бальтазар добрался до меня, было не так просто избежать нового наказания за сломанную подвеску.

— Генерал, конечно, не знал, с кем связался, ты… — Я был

удивлен, что он не сказал «идиот». Наверное, Шаренберг поговорил с ним о моей жалобе?

Наступление продолжалось. Однажды длинную, растянутую колонну обстреляли русские окруженцы, прячущиеся в поле качающихся подсолнухов. Такое происходило сплошь и рядом, ничего особенного. Обычно им отвечала только двуствольная установка на пулеметной повозке, а мы даже не останавливались. На этот раз Бальтазар — который был тут — решил, что все будет иначе. Он приказал разгрузить один безбашенный Т-34, взял пулемет и рванул навстречу врагу в подсолнуховом поле, который оставался невидимым.

— Надеюсь, наш тягач не накроется, — сказали артиллеристы, оставленные на дороге. Так и случилось. Из танка поднялись пламя и клубы дыма. Наверное, попали в 200-литровую бочку топлива, стоящую на танке сзади. Артиллеристы смогли увидеть, откуда им придется спасать команду танка. Довольно большая группа побежала к месту происшествия, стреляя в воздух из винтовок для устрашения. Танкисты были еще живы, успев выпрыгнуть из горящего танка, и укрылись неподалеку. Некоторые из них серьезно пострадали. У оберст-лейтенанта Бальтазара серьезно пострадали лицо и обе руки. Он скрипел зубами. Теперь он надолго окажется в госпитале.

Ничего этого не случилось бы — вся затея была глупостью с самого начала. Как можно разъезжать с бочкой топлива? Я был рад, что уничтоженный Т-34 принадлежал 11-й батарее, а не моей 10-й. Было непросто найти новый тягач. Теперь Бальтазар какое-то время не сможет меня донимать. Но я не чувствовал злорадства. Я не отозвал свою жалобу, даже когда командир полка мимоходом поговорил со мной о ней, ссылаясь на ожоги Бальтазара.

Генерал-майор Александр фон Хартман, командир 71-й пехотной дивизии, вскоре после начала операции «Барбаросса». В стальном шлеме — майор Герхард Фридрих, командир 171-го саперного батальона. Оба еще встретятся в Сталинграде

Подполковник фон Штрумпф движется в штабной машине (конфискованный кабриолет «Вандерер» W-50). Отметьте треугольный флажок командира батальона с эмблемой 71-й пехотной дивизии

Пулеметная телега батареи, легко поврежденная близким попаданием бомбы. Как ни странно, никто не был ранен. Спаренный пулемет лежит под брезентом задней тележки

30-л/с сельскохозяйственные тракторы СТЗ-1, каждый имел тяговую мощность 15 л/с и был способен на низкой передаче тянуть до 1200 кг. Два трактора сцеплены вместе, чтобы обеспечить нужную силу для буксировки телеги со стволом

Пейзаж Миллерово, городка, взятого в середине июля. За предшествующие дни дивизия понесла ощутимые потери, в основном от неожиданных стычек с советскими окруженцами и отрезанными частями

Колонна снабжения встала в небольшой деревушке. Ливень 18 июля превратил «дороги» в грязь. Русские дороги имели знаменательную способность всего за несколько часов дождя превращаться в траншею с грязью, но снова становиться твердой и пыльной спустя всего пару дней солнечного неба и свежего ветра

Советский штурмовик Ил-2, после вынужденной посадки у дороги, привлек внимание любопытных немецких солдат. Он все еще вооружен ракетами РС-82. Каждая пушка ВЯ-23 (по одной в каждом крыле) имела боекомплект 150 патронов, ее лента свисает под крылом

Охотник за сувенирами уже срезал половину красной звезды с хвостового оперения. Отсутствует и 12,7-мм пулемет Березина УБТ в кабине стрелка. Большинство немцев еще не видели неповрежденным этот самолет, который они уважительно называли «фляйшер» (мясник), так что нет нужды напоминать, что этот самолет стал объектом острейшего любопытства

Четыре главных тягача 10-й батареи. Слева дизельный «Сталинец» С-65, в середине гусеничный ХТЗ-НАТИ (СТЗ-3), справа два сельскохозяйственных трактора СТЗ-ХТЗ (СТЗ-1). Два последних типа ездили на керосине и были построены на Сталинградском (СТЗ) и Харьковском (ХТЗ) тракторных заводах

Батарея Вюстера владела множеством тягачей. Кроме своих верных лошадей, они широко использовали советские тракторы, что снимало с лошадей большую часть нагрузки. Тракторы были и более мощной тяговой силой: С-65 давал 75 л/с, СТЗ-3 — 52, а меньшего размера СТЗ-1 — 30 л/с. Все три модели производились в огромных количествах

После бесконечных дней наступления по бескрайним равнинам в летнее пекло люди и лошади укрылись в тени деревьев в колхозе в районе Миллерово. 16 июля 1942 г.

Полевая кухня пришла. За короткое время «гуляшканноне» («гуляш-пушка») раздала усталым артиллеристам теплую еду

Короткая передышка приносит с собой еще одну работу для офицеров — «бумажную войну». Количество бумажной работы доводило некоторых офицеров до изнеможения, так что хороший клерк был подарком судьбы. На снимке, «Шрайбштунденваген» с делами 10-й батареи — военный дневник, приказы, рапорты, личные дела, — вставший под деревом, чтобы унтер-офицер Бурбат смог приступить к своим обязанностям

К августу тракторы батареи исчерпали запас топлива или сломались. В тот же период дивизия двигалась через кладбище советской бронетехники, загромождавшей поле боя к западу от Калача. Всегда в поиске новых тягачей, батарея исследовала многочисленные остатки и нашла КВ-1, брошенный из-за технических неполадок. Даже при том, что большинство артиллеристов, включая Вюстера, были больше знакомы с лошадьми, нашлись технически мыслящие специалисты, которые смогли заставить этого зверя сдвинуться с места. Появился план починить КВ и сделать из него тягач, сняв для этого башню. Такая конверсия была популярна и ценилась в IV батальоне 171-го артполка из-за их 150-мм гаубиц — гораздо более тяжелых, чем 105-мм пушки остальных трех батальонов, — тянуть которые

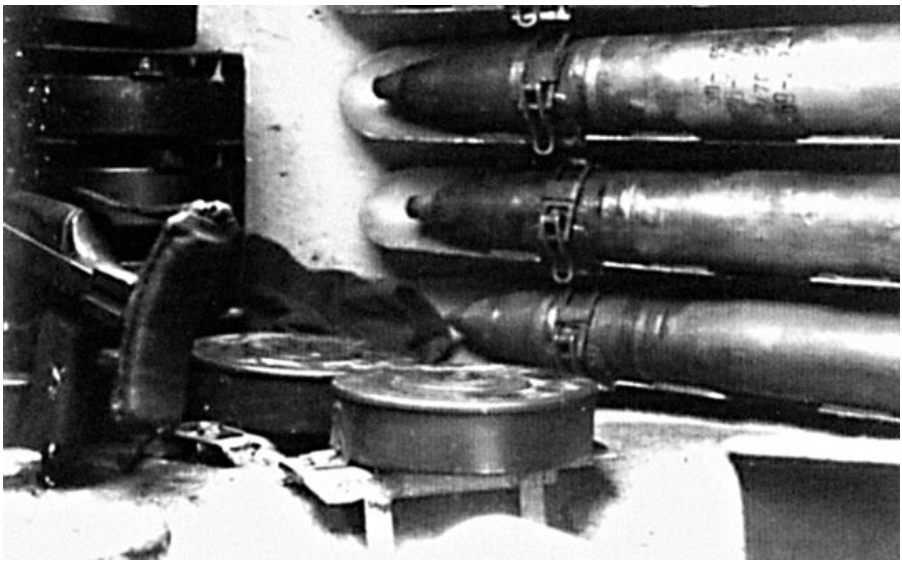
нужна была бóльшая сила.

Сняв крышку моторного отсека, механики приступают к работе в моторном отделении. КВ-1 был оснащен тем же двигателем, что и гораздо более легкий Т-34. В любом случае, у него было достаточно мощности, чтобы удовлетворить потребности батареи Вюстера

Подполковник фон Штрумпф позирует у другого КВ-1, подбитого во время битвы на окружение в районе Дона к западу от Калача. Экипаж в последней попытке спасти машину пытался завести буксировочные тросы

Танк был моделью образца 1941 года. Он весил 45 тонн. Его бронирование было усилено плитами толщиной 25–35 мм на

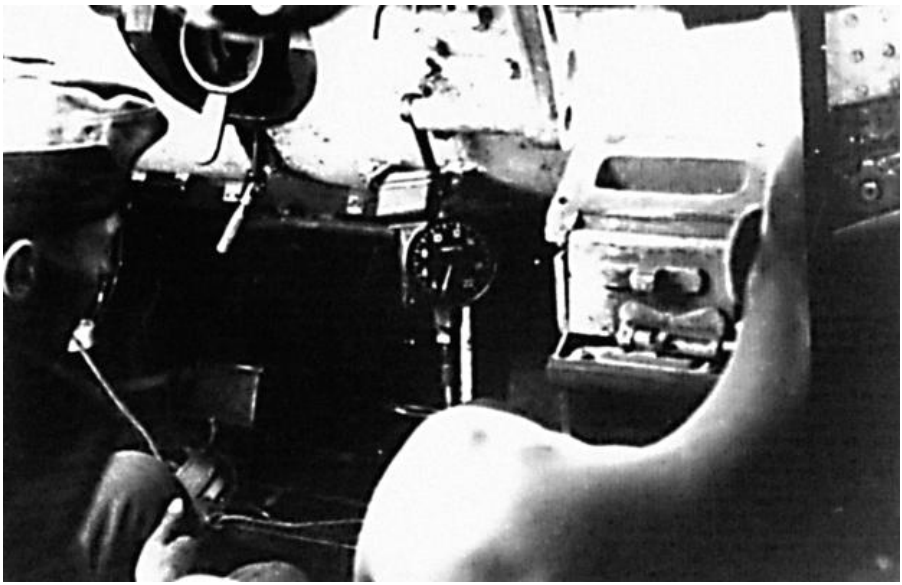
башне, лобовой и боковой сторонах корпуса. 600-литровый топливный бак давал танку запас хода в 250 км



Вид кормовой ниши башни изнутри. По стенкам по обе стороны от кормового пулемета, 7,62-мм ДТ (слева), строились укладки 76,2-мм снарядов для пушки Ф-34. Боекомплект состоял из 114 снарядов и 3024 патронов для трех пулеметов в дисковых магазинах

Большой 12-цилиндровый В-2К развивал 600 л.с. и давал танку максимальную скорость 35 км/ч. 65-см гусеницы обеспечивали хорошее сцепление с мягким грунтом, но в целом танк был

медленным, трудным в управлении и имел ненадежную трансмиссию



Механики забрались на место водителя, чтобы запустить двигатель. Но несмотря на все их усилия, восстановление этого КВ-1 так ни к чему и не привело. Отметьте, что курсовой пулемет танка (слева) отсутствует

Глава 2 Марш к Волге

Дивизия подошла к Дону. У Нижнечирской и на станции Чир шли тяжелые бои, в том числе и для нашего тяжелого батальона. Из-за постоянной смены места главного удара по приказу командования мы часто ездили туда-сюда за линией фронта, как правило, так ни разу и не выстрелив. Нам был не в новинку этот загадочный метод, эти хитрые господа так ничему и не научились.

Дальше на север уже началась битва на переправе через Дон. Вновь сформированная 384-я пехотная дивизия, первый раз вступившая в бой в 1942 г. под Харьковом — и уже понесшая там тяжелые потери, истекала кровью. Когда русские позже окружили Сталинград, соединение было наконец растащено по частям и расформировано. Его командир, ставший расходным материалом, должно быть, вовремя улетел. За добрых полгода вся дивизия будет уничтожена.

Группа хиви, принадлежавших 71-й пехотной дивизии. Иногда им давали немецкую форму, но чаще всего они просто донашивали свою старую красноармейскую форму

Когда русские неожиданно стали бомбить мою 10-ю батарею, наши хиви — до сих пор дружелюбные и надежные — просто исчезли. Нам нужно было внимательнее относиться к ним. Пока что было легко найти замену среди новых пленных. Оглядываясь назад, могу сказать, что мы были слишком беспечны. Мы редко выставляли на ночь часовых: часто бодрствовали лишь связисты, чтобы получать приказы или целеуказания. Имея нескольких

надежных солдат, противник легко мог застать нашу батарею врасплох. К счастью, в нашем секторе такого не случалось. Как бы просто ни показалось это сделать, но пробраться через линию фронта для такого рейда было определенно нелегко. Кроме решимости требовался высочайший уровень подготовки. Такие «игры в индейцев» годились только для кино. Так что потери в батальоне тяжелой артиллерии держались на минимальном уровне даже в 1942 г. Мы чаще думали о тяготах марша, чем о реальных опасностях.

Ночью 9 августа 1942 г. батарея двигалась по широкой песчаной дороге вдоль крутого берега Дона. Мы должны были переправиться через реку где-нибудь дальше к северу. Мне было неизвестно, в каком порядке мы двигались, но некоторые части батальона, должно быть, шли впереди. Я получил указания по движению и выполнял их без карт и без знания общей ситуации. О мерах безопасности не приказывали, так что они казались ненужными.

К 03.00 утра мы вызвали на себя огонь спереди-справа, с той стороны Дона. Он велся почти исключительно из ручного оружия. Никого из нас он не встревожил. Эта сонная идиллия резко оборвалась, когда галопом подскакал конный делегат связи и сообщил, что русские перешли Дон и напали на 11-ю батарею на дороге перед нами. А где штабная батарея и 12-я? Без малейшего понятия. Что нам делать? Было слишком рискованно двигаться дальше. Нужно ли нам развернуться и убегать? Ни один из этих вариантов не имел смысла. Они могли привести к фатальным последствиям, потому что русские могли перейти через Дон и за нами.

Между Доном и дорогой наших войск больше не было. Нужно ли мне дожидаться приказов командира? Невозможно, ведь мы не знали, где он. Бальтазар вернулся из госпиталя. Я подумал: «Подождем». Так что я приказал всему транспорту укрыться в кустах и приготовил четыре замаскированные гаубицы к стрельбе в сторону Дона. Этим решением я отрезал возможность быстрого отступления, но если появятся русские, я смогу пустить орудия в ход.

Я послал наблюдателей вперед по дороге и всеми имеющимися людьми стал оборудовать позиции для ближнего оборонительного боя, куда выставил два зенитных пулемета, снятых с машин. Потом я послал лейтенанта Лохмана и двух радистов вперед, чтобы мы могли стрелять по противнику, когда рассветет.

Дорога оставалась пустой. Никто не шел с фронта, никто не ехал с тыла. На открытом месте мы чувствовали себя одинокими

и забытыми. Мы слышали нарастающий огонь ручного оружия. Мы стояли там, уставшие и замерзшие.

После рассвета Лохман вызвал нас по радио. У него не было надежной информации о положении, но он засек русскую переправу на лодках и плотах. Мы выстрелили, так что с нашей стороны хоть что-то происходило.

Наш огонь стал для 11-й батареи знаком надежды. На позиции пришли несколько солдат верхом и артиллеристов пешком и доложили, что русские застали батарею врасплох во время ночного марша и разогнали ее. Пушки и другие машины были брошены и еще стояли на дороге. Они, должно быть, едва успели спастись сами. Командир батареи начал воевать с приближавшимися русскими, используя своих артиллеристов как пехоту. Где остальная часть батальона?

Огонь ручного оружия приближался, и наконец к нам побежал наш связной, крича: «Русские идут!»

Мы оказались в деликатной ситуации. Я дал указания командирам орудий вести огонь прямой наводкой, распределил подносчиков снарядов и составил «стрелковую часть» под командованием двух вахмистров, которая сможет как можно быстрее открыть огонь из винтовок. Только ездовые остались в укрытии с лошадьми. Они смогут бежать, если опасность будет слишком близко.

Когда на дороге показались первые фигуры, силуэтами на фоне утреннего неба, я заколебался, желая быть абсолютно уверенным, что это и вправду русские, а не наши отступающие солдаты. И отдал приказ, который много раз слышал командиром орудия в Польше: «Командирам орудий — дистанция тысяча метров — огонь!»

Оцепенение спало; ком в горле исчез. Четыре снаряда вышли из четырех стволов плотно, как один выстрел. Еще до того, как их успели перезарядить, мои стрелки и пулеметчики открыли огонь. Русские явно не рассчитывали наткнуться на нашу батарею.

Они опешили и стали отступать, ведя яростный ответный огонь. На их правом фланге явно шла стрельба из личного оружия. Это наверняка были остатки 11-й батареи. Мои стрелки перешли в атаку, выскочив на открытое место и ведя огонь стоя в полный рост. Лохман приказал им вернуться. Он заметил отступающих русских и подавил их — а также переправу, — стреляя с закрытых позиций.

Подполковник фон Штрумпф и офицеры его штаба за едой у командирской палатки

Подполковник фон Штрумпф 3 августа 1942 г. был награжден Германским крестом в золоте. Представление за действия в предыдущий год было подано в марте 1942 г.

Фон Штрумпф и его адъютант обер-лейтенант Герд Хоффман перекусывают и перекуривают на наблюдательном пункте (редкий кадр, фон Штрумпф носит шлем). Но передышка не продлится долго… звонит телефон, Хоффман отвечает, и они снова на войне

* * *

Для нашей 10-й все снова закончилось хорошо. Я гордился

моими артиллеристами, которые раньше ни разу не были в ближнем бою. Несмотря ни на что, солдаты спокойно выполняли свою работу, хотя стрелкам следовало держаться пониже, чтобы не становиться мишенями. Им бы дать заранее более подробное объяснение, что и как надо делать. Ни один из них не проходил общевойскового курса обучения, как и я. Хотя у каждого был шанс сбежать, все остались.

Чуть погодя приехал оберст-лейтенант Бальтазар. Я составил жалобу на него из-за несправедливого дисциплинарного взыскания. Теперь я впервые встретил его после того, как он получил ожоги, впрочем, уже вполне зажившие. Он был в бодром расположении духа. Машины 11-й батареи и штабной батареи удалось отбить. Они все еще стояли на дороге, получив лишь незначительные повреждения, о которых не стоило и говорить. Благодаря нашему артиллерийскому огню — который также грозил переправе противника — русские потеряли голову. Они даже бежали от наших артиллеристов, сделавших вид, что они пехота.

С юга для подстраховки подошла моторизованная стрелковая рота из 24-й танковой дивизии. Бальтазар поблагодарил их за предложение, но отверг их помощь, поскольку чувствовал, что контролирует ситуацию. Я не был так уверен, но держал рот на замке. Я бы с радостью позволил пехоте прочесать тут все вместо наших импровизаций.

Но русские быстро обрели уверенность, как только до них дошло, что они бежали от «пехотинцев-любителей». Они быстро перегруппировались и снова начали атаку, все, что мы успели, — снять часть машин с дороги.

Пока моя батарея снова готовилась к огню прямой наводкой, из кустов со стороны, где мы оставили наши передки, показалась дружественная пехота. Это оказался целый батальон из нашей дивизии в полноценной атаке на противника. Чувство неуверенности исчезло. Наша пехота двигалась вперед в манере опытных профессиональных солдат, развернула минометы и пулеметы и была практически невидима на открытой местности, в то время как чуть раньше наши люди стояли тут и там плотными группами.

Когда мои «стрелки» вернули себе мужество и попытались присоединиться к пехоте, их завернули обратно дружелюбным взмахом руки одного из ротных командиров. Любое содействие наших «шлахтенбуммлеров» (буквально «воин, живущий от битвы к битве») было больше обузой, чем помощью. Солдаты из артиллерии могут без проблем обращаться с винтовкой, но у них нет никакой тактической подготовки пехотинца. Как следствие, у

нас часто были проблемы, когда начинался ближний бой.

Но честно говоря, о моих людях стоит сказать, что они всегда профессионально работали с пушками, даже под сильнейшим огнем противника. Каждый солдат до подносчика боеприпасов стоял до конца.

Лейтенант Лохман все время действовал безукоризненно. Еще раз он вмешался в бой, корректируя наш огонь по отступающим русским, и особенно по их переправе, которую они хотели использовать для отступления.

Огневые позиции 10-й батареи стали сборным пунктом для рассеянных элементов батальона. 12-ю батарею, кажется, бой обошел стороной (но командир батареи, обер-лейтенант Козловски, был ранен). Они, скорее всего, ушли вперед, когда начался этот ужасный эпизод. В 11-й и штабной батареях потери были тяжелые, особенно во время второй фазы боя, когда русские возобновили атаку. Командир батареи и старший офицер батареи были убиты, а батальонный адъютант Шмидт был тяжело ранен.

Я поговорил накоротке с Петером Шмидтом, который, терпя огромную боль, высказал разочарование Бальтазаром. Он умер на перевязочном пункте.

Командир дальномерной части — молодой, но давно служащий в своем чине лейтенант Варенхольц — тоже был убит. Другие офицеры вышли из этой катавасии с ранениями, в то время как у унтер-офицеров и рядовых потерь было сравнительно мало. Главной причиной этого было то, что наши офицеры — неопытные в общевойсковом смысле слова — слишком много времени бегали туда-сюда, руководя своими солдатами. Никто на самом деле не имел представления, что делать. Сначала они бежали вперед плотными группами, стреляя стоя, — но потом по-настоящему испугались. Солдаты стали отползать, а потом в панике побежали.

В нашей 10-й тоже было несколько потерь. Медик, верхнесилезец, говоривший на польском лучше, чем на немецком, вырвался вперед, и русские срезали его, когда он направлялся к раненому солдату. Этот солдат доказал свою храбрость во многих переделках. Он был чувствителен и обижался, когда другие смеялись над его слегка заикающимся говором.

Теперь для нашего IV батальона все выглядело плохо. Какого черта Бальтазар завернул обратно мотопехоту? Разве не его дело отправлять вперед пехоту, даже если никто не знает точную численность переправившихся русских? Наши потери были в основном заслугой Бальтазара, но никто не осмеливался об этом заговорить.

Я принял командование 11-й батареей, поскольку офицеров у

них больше не было. 10-й придется обходиться двумя оставшимися лейтенантами.

Наступление продолжалось в сторону Калача и реки Дон. Было нелегко перегруппировать батарею, в которой я не знал солдат. Шпис и унтер-офицеры были лояльны, но оставались себе на уме и далеко не в первую очередь думали о функциональности всего батальона.

Погибший командир, кадровый офицер обер-лейтенант Бартельс, который был на несколько лет старше меня, оставил очень хорошего ездового коня, мощного, черного по кличке Тойфель (нем. «черт» или «дьявол»). У меня наконец есть приличная лошадь! После Пантеры и Петры на 10-й батарее мне пришлось обходиться Зигфридом. У него был хороший экстерьер, но слабоватые передние ноги. Было многое, чего этот зверь сделать не мог. Он был слабоват для прыжков. Правда, это для меня было более не важно, поскольку с начала русской кампании в 1941-м я участвовал в считаных конных состязаниях. Тойфель недолго был со мной. Несколько дней я с удовольствием ездил на нем, и мы бы привыкли друг к другу, если бы однажды он не сбежал. Лошади всегда теряются. Но его так и не нашли. Кто откажется от хорошей бродячей лошади? Может быть, Тойфеля даже украли. Конокрадство было популярным спортом.

Подходы к Калачу были загромождены уничтоженными советскими танками. На снимке — три Т-60 беспомощно стоят, пока рядом колонна фургонов с лошадьми ждет своей очереди на паром

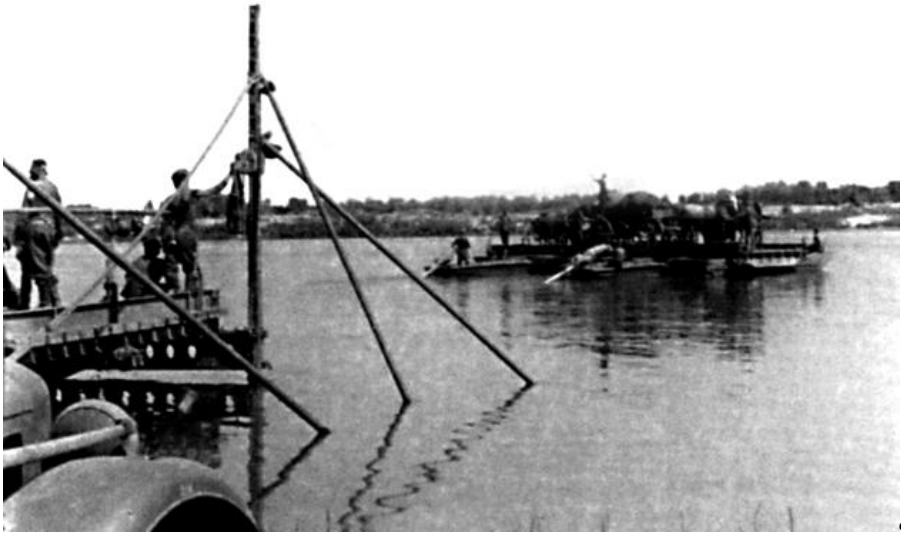
Полдень, 25 августа 1942 г., кипучая деятельность на берегу: саперные части переправляют войска на пароме и строят мост. Кроме 71-го саперного батальона, поддержанного 912-й командой штурмовых лодок, в утреннем штурме принимали участие и солдаты из 45-го саперного батальона. Работе на мосту помогает 134-я мостовая колонна. Все оборудование сложено вдоль берега, включая понтонную платформу справа и прицеп для штурмовых лодок слева. За лошадьми видна одна из лодок

Платформа от «Моторбоот» — моторной лодки, предназначенной для толкания и буксировки плотов и мостовых секций при устройстве переправы. Специальная двухколесная платформа оборудована всем необходимым для спуска и подъема 2-тонной лодки: раздвижной стапель, транспортировочные гнезда, лебедка и

15 метров троса

Две штурмовые лодки 912-й команды. Утренняя атака через реку проходила у Березового острова севернее Калача. После захвата и расширения плацдарма в 04.30 началась работа на мосту чуть дальше по реке. К полудню плацдарм был 5 км в глубину и 6 км по фронту. Высокий западный берег господствовал над рекой

Переправа на пароме началась, когда мост в 50 м выше по течению еще строился. Была построена пристань для въезда машин и упряжек прямо на паром. Одновременная работа обеспечила бесперебойный поток движения за реку. Мост был закончен в 19.00 25 августа



8-тонный паром, сделанный из мостовой секции, отплывает от «пристани». Ее грузоподъемность подняли с 8 до 12 тонн, добавив по паре стоек под каждую опору. Во время переправы вмешательство противника было незначительным

Паром отходит от пристани, управляемый командой моторных лодок, оснащенных шестицилиндровыми двигателями «Майбах» в 100 л.с. Широкие лодки со стальной обшивкой с медно-никелевыми заклепками могли толкать паром на скорости около 6 узлов и двигаться в течение 6 часов на одной заправке. На нижнем фото вдали виден старый мост — давно разрушенный. Батарея Вюстера пересекала Дон ночью

Ужасные зрелища настолько часто встречались на Восточном фронте, что солдаты постепенно привыкли не обращать на них внимания. На снимке Вюстер запечатлел обожженное тело советского солдата. Но чуть позже немецкий офицер испытает моральное потрясение от необходимости самому решить судьбу сильно обгоревшего советского танкиста

* * *

Калач взят немецкими войсками. Плацдарм на восточном берегу Дона тоже достаточно укреплен. Германские танковые части уже пробиваются к Сталинграду, а наша батарея чуть южнее пересекает реку на пароме под покровом темноты. Переправа проходила под беспокоящим огнем. Так называемые швейные машинки (низколетящие русские бипланы) бросали на нас ракеты, а затем — бомбы. Несмотря на это, переправа шла без задержек. На восточном берегу царило легкое замешательство. На разных направлениях возникали стычки. На песчаном грунте было трудно разворачиваться орудиям. Затем до нас дошли слухи, что немецкие танки уже дошли до Волги севернее Сталинграда. Мы нашли несколько листовок, на которых был изображен Сталинград, уже окруженный немецкими танками. Мы ничего подобного не заметили, поскольку русские яростно сопротивлялись. Мы не видели ни немецких, ни русских танков.

Впервые мы столкнулись с большим количеством русских самолетов, даже в течение одного дня. Их современные одномоторные истребители пикировали на нас с низкой высоты, стреляли из пулеметов и пускали ракеты по нашей медленно движущейся колонне. Они также бросали бомбы. Маленькие пчелоподобные «Раты» (истребители И-16. — *Примеч. пер* .) теперь остались в прошлом.

Когда самолет атаковал нас сбоку, ущерба не было почти никакого. Правда, однажды, когда два «мясника», стреляя из пушек, зашли по оси нашего движения, я ожидал тяжелых потерь. Скатившись с лошади, чтобы обнять землю, я почувствовал шум, разрывы, клубы пыли и беспорядок. Через несколько секунд все закончилось, больше ничего не происходило. На некоторых машинах были пробоины от осколков. Топка полевой кухни превратилась в решето. По счастью, никто не пострадал, лошади тоже были целы.

Позже в тот же день, во время полуденного привала в советском колхозе, нашу батарею жестоко потрепало, когда наши собственные бомбардировщики Хе-111 стали аварийно сбрасывать бомбы. Никто не обращал внимания на медлительные низколетящие самолеты, как вдруг стали падать бомбы, разрываясь между плотно составленными машинами и повозками. Я видел, как три летчика выпрыгнули из падающего самолета, но их парашюты не раскрылись вовремя. Потом самолет врезался в землю и взорвался. Никто не обратил внимания на горящие обломки. Там мы ничего не могли сделать. Все наше внимание заняли пораженные солдаты и лошади.

Несколько зарядов в грузовике с боеприпасами загорелись. Пламя било из картузов с порохом, как вода из прорванного шланга. Их нужно было выбросить из грузовика, чтобы они спокойно выгорели и не подняли все на воздух. Самым важным было убрать их от снарядов.

Нашему водителю оторвало предплечье, он потерял сознание. Поскольку я не мог пережать поток крови из разорванной артерии пальцем, я наступил на его обрубок, пока кто-то наконец не наложил жгут и мы не остановили кровь. Несколько лошадей пришлось пристрелить. Материальные потери были сравнительно низкими.

Мы направили всю злость на летчиков. Они что, не могли сбросить свои бомбы раньше или позже, если уж это обязательно нужно было сделать? И был ли смысл сбрасывать бомбы, если уж их самолет и так был на грани крушения? Когда мы осмотрели место крушения, мы не нашли ничего, кроме горелых обломков. Трое летчиков лежали на земле в гротескных позах с неоткрытыми парашютами. Они должны были мгновенно погибнуть от удара о землю. Мы похоронили их с нашими солдатами в саду колхоза.

Мы сняли их именные жетоны, собрали часы и другие личные вещи и сдали их, приложив короткий рапорт. Теперь у меня была незавидная задача написать письма родственникам. Это нужно было сделать, но найти нужные слова было непросто.

Более объективная картина происшедшего лишь частично владела мной. Что можно требовать от летчиков в беде? Что им нужно было делать, когда самолет не держится в воздухе? Они могли бы попытаться сделать посадку на брюхо, но лишь избавившись от взведенных бомб. Оставшееся топливо само по себе было угрозой. Справедливо ли ожидать хладного рассудка от человека в такой ситуации?

Ночью мы двигались вперед по узкому коридору в сторону Сталинграда, который пробили танковые дивизии. Вдоль дороги мы видели немецкие колонны, раздолбанные в куски, со множеством еще не погребенных тел. По вспышкам орудийных выстрелов справа и слева от нас было видно, что коридор не может быть широким. Разрывы вражеских снарядов к нам не приближались. Это был, вероятно, лишь беспокоящий огонь.

На близком привале мы обнаружили тяжелораненого русского — он наполовину обгорел и постоянно дрожал — в уничтоженном танке. Он, наверное, пришел в себя от холода ночи, но не производил шума. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что помогать ему бесполезно. Я отвернулся, пытаясь понять, что с ним делать. «Кто-нибудь, пристрелите

его, — услышал я чей-то голос. — Покончите с этим!» Затем раздался пистолетный выстрел, и я почувствовал облегчение. Я не хотел знать, кто из жалости добил его. Все, что я знаю, — я не смог бы сделать этого сам, даже при том, что разум говорил мне, что добить его было бы гуманнее.

* * *

Однажды ранним утром мы ехали через балку. Это сильно размытые овраги, неожиданно открывающиеся в степи, обычно сухие как порох. Их постоянно размывает ливнями и тающим снегом. Голова батареи прокладывала путь через эти буераки, когда вдруг танковые снаряды стали рваться вокруг наших повозок. Мы увидели Т-34 у дальнего конца основной балки, стоящий значительно выше нас, он быстро стрелял по нашей батарее из своей 76,2-мм пушки. Не было и речи о том, чтобы развернуться в этой теснине, не было возможности и развернуть гаубицу для стрельбы. Так что мы пошли вперед, оставляя больший интервал между повозками, молясь о том, чтобы проскочить. Русский стрелял без устали. Он в любой момент мог попасть, потому что мы двигались со скоростью пешехода. Мне казалось, что снаряды буквально пролетают между ног у лошадей. Доля секунды между слышимым выстрелом и разрывом лишь усугубляла ощущение безнадежности. Я бы давно ускакал прочь, но об этом не было и речи. Танк явно стрелял бронебойными, иначе было бы больше ущерба от осколков. То, что нас ни разу не задело, было выше нашего понимания. Батарея прошла овраг нетронутой, хотя мне казалось, что время остановилось. Наконец танк исчез из поля зрения.

Позже наша батарея пришла на огневую позицию в мелкой ложбине. Поскольку местность была под обстрелом, для расчетов незамедлительно стали копать щели. Я оставался рядом с «лисьими норами» телефониста и радиста, и несколько раз мне приходилось искать там укрытия. Общая ситуация была запутанной, и ход линии фронта — если она вообще была четко проведена — был мне неизвестен. Я даже не знал, кто развернут справа и слева от нас. Время от времени я получал противоречащие друг другу приказы на марш и на боевые действия, которые только усугубляли неразбериху. В качестве меры предосторожности я поставил наблюдательный пункт на ближайшей высоте и провел туда телефонную линию с батареи.

Мимо наших позиций в сторону фронта проехало 88-мм зенитное орудие. С наблюдательного пункта я осмотрелся в

сторону станции Гумрак, рядом с которой 88-мм пушка заняла позицию, весьма незащищенную. Когда она открыла огонь по настильной траектории с железнодорожной насыпи, я заметил за ней башни нескольких Т-34, которые вели ответный огонь. Началась жестокая дуэль, из которой «фляк» вышел победителем. Несколько танков горело.

Я осторожно, чтобы не поставить зенитную пушку в опасное положение, открыл огонь по насыпи. 15-см снаряды сделали свое дело. Танки вскоре исчезли. Зенитка собралась и уехала. Она казалась неповрежденной, хотя с моего «приставного стула» иногда ее положение казалось отчаянным.

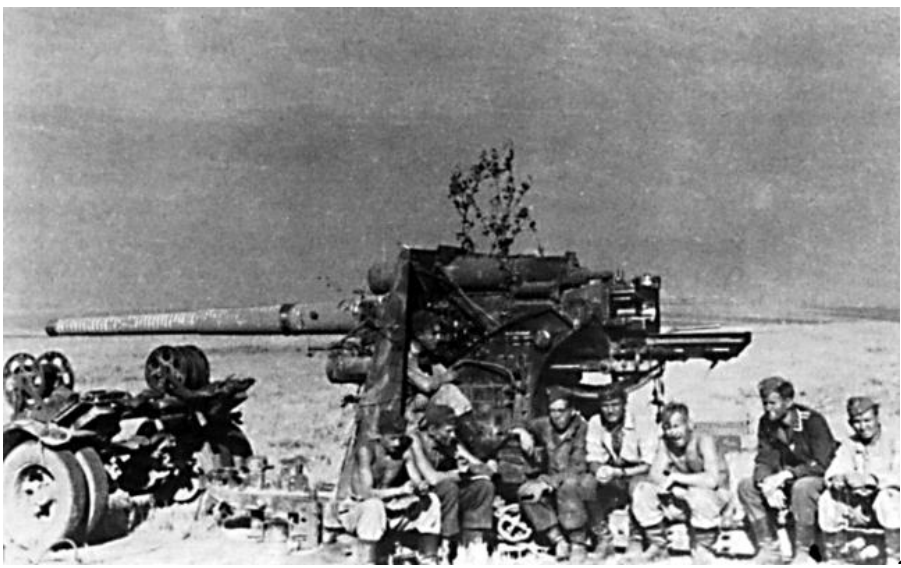
Все снова стихло. Я вернулся на орудийные позиции, сел на край окопа, свесив ноги. Я начал что-то есть, больше от скуки. Солнечные лучи грели меня, я устал, но не мог найти спокойной минуты поспать. Внезапно совсем рядом со мной упал снаряд. Я почувствовал сильную боль в левом бицепсе. Инстинктивно я упал в щель и увидел, что рядом стоявший передок получил прямое попадание. Он был разорван на куски, на месте остались лишь нетронутые колеса и обрывки металла. Я с трудом мог двигать рукой. На этот раз все серьезно, подумал я — не царапина, как обычно. Мне слишком долго везло. Рукав кителя был не поврежден и на нем не было видно крови. Прибежавшие артиллеристы помогли мне снять китель и рубашку. От каждого движения рука болела как черт знает что. Не перелом ли это? Оказалось, это очень неприятный ушиб, который на глазах темнел и распухал. Наверное, в меня угодил ровный кусок металла от передка.

Когда снова начался беспокоящий огонь, я реагировал на него более нервно, чем обычно. Коренастый командир орудия пошутил насчет моего поведения и стоял на открытом месте, сверкая загорелым телом, играя в героя. Пока я советовал ему перейти ближе к укрытию на время обстрела (а у нас не было приказа открывать огонь), взрыв бросил его на землю. В груди его была дыра размером в кулак. Оставаясь в сознании, он понимал, что у него нет ни единого шанса. Было чудом само по себе, что он еще оставался в сознании с таким ранением. «Это не должно было случиться. Старших по званию нужно слушаться, особенно когда они говорят из лучших побуждений», — сказал он почти про себя. Потом он в последний раз рассмеялся. Он умер быстро, явно не испытывая особой боли. Может быть, с тяжелыми ранами всегда так. Все это случилось 4 сентября 1942 г. Позже я узнал, что в тот же день убили брата моей будущей невесты.

Подполковник фон Штрумпф говорит по телефону на своем НП на высоте 151, господствующей высоте на западной окраине Сталинграда, начало сентября 1942 г. Отметьте хорошо замаскированную стереотрубу справа

Фон Штрумпф у штабной землянки на высоте 151. Хотя сейчас тихо и фон Штрумпф не носит шлем, опасность везде. Со времени наступления от Дона к Сталинграду установился устойчивый поток потерь офицеров-артиллеристов

Подполковник фон Штрумпф раздает медали своим солдатам, 3 сентября 1942 г., передышка в боях в степи между Доном и Сталинградом

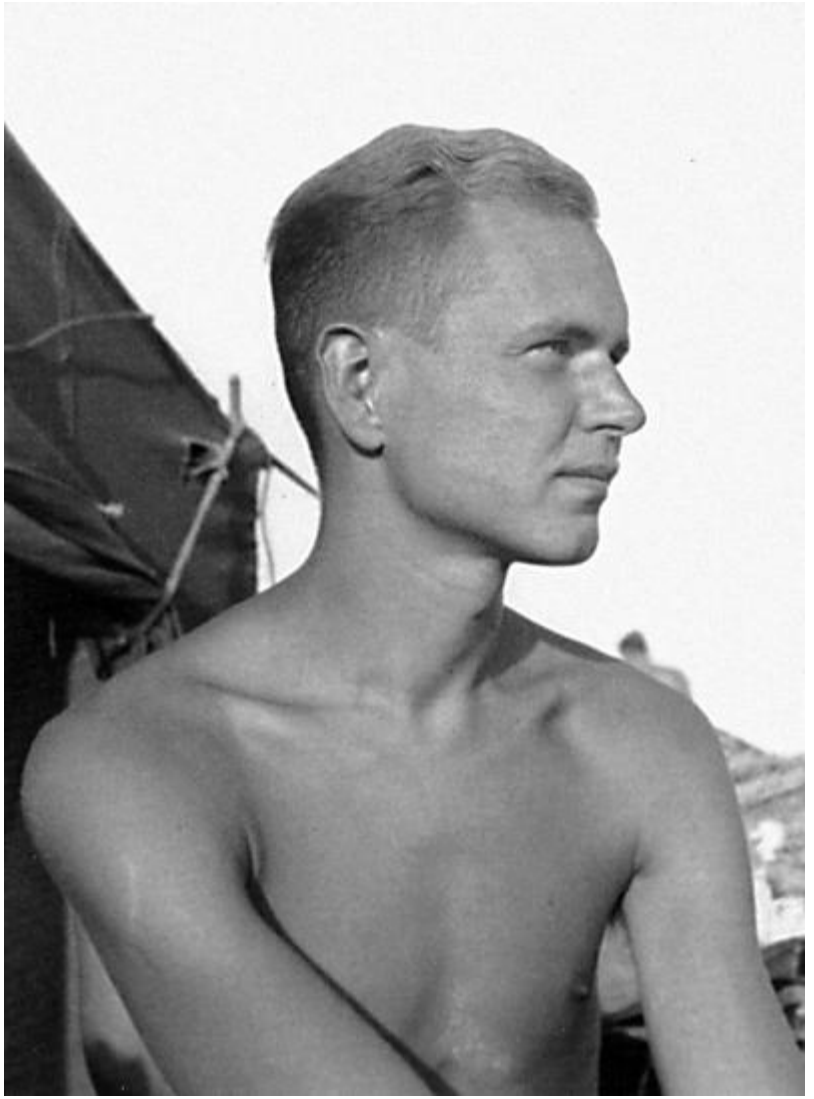


2-е орудие («Берта») 1-й батареи первого батальона 9-го зенитного полка «Легиона Кондор», которой командует обер-лейтенант Паузе. Орудия этой батареи — а также 2-й батареи обер-лейтенанта Гесса и 3-й батареи обер-лейтенанта Мекеля — поддержали атаку 71-й пехотной дивизии 4 сентября и одержали несколько побед: у железной дороги северо-западнее Гумрака 1-я батарея подбила Т-34, а также 3 легких танка Т-60; 2-я батарея уничтожила 4 танка; 3-я батарея была самой успешной, выбив 8 Т-34 и один КВ-1. Кроме того, все батареи подавляли орудийные

позиции противника и прямой наводкой выбивали наблюдательные пункты и пулеметные гнезда. Позже в тот же день начальник штаба I зенитного корпуса подполковник Эрих Греплер встретился с орудийными расчетами и отметил их отличные действия. Он также выдал им по бутылке шампанского за каждый подбитый танк с предшествующих дней — жест, который обрадовал усталых солдат

Командиры орудий четырех 88-мм зенитных пушек 1-го батальона 9-го зенитного полка позируют на уничтоженном Т-34 у железной дороги северо-западнее Гумрака. 4 сентября 1942 г. На заднем плане видна железнодорожная насыпь

Прямое попадание в передок едва не стоило Вюстеру жизни, когда кусок металла плашмя угодил ему в плечо. Если бы крупный обломок ударил его под другим углом, его бы убило, или по крайней мере причинило тяжелые травмы. Снимок сделан с той точки, где сидел Вюстер, когда прилетел вражеский снаряд



Обер-лейтенант Вюстер ждет снаружи палатки медика. При росте потерь среди людей Вюстера росло беспокойство, и он был не столь уверен в себе, как выглядел перед солдатами. Тем не менее он научился не показывать чувств

Другой вид на разбитый передок. У радиста справа свеженаклеенный пластырь на шее и подбородке. Он также чудом избежал смерти

150-мм гаубица IV батальона на позиции в степи. Ствол направлен на Сталинград. Непрерывное наступление означало, что орудия редко окапывали, но расчеты всегда копали себе «лисьи норы»

Столбы черного дыма на горизонте от горящих советских танков. 11-я батарея Вюстера ждет приказа открыть огонь. Попыток маскировать пушки не делается.

С 10 августа, когда мы дрались на дороге у реки Дон, события неслись с головокружительной скоростью. Бои стали брать свою дань с IV батальона. Мы постоянно несли потери. Как ни странно это может прозвучать, я смог спокойно заснуть. Несмотря на это, я чувствовал себя не так расслабленно и уверенно, как казалось остальным. Со школьных лет я научился не показывать своих чувств. Синяк на руке еще болел, но я не хотел получать значка о ранении, потому что у меня было нехорошее чувство, что тогда со мной случится что-то действительно плохое. Нам приказали сменить позиции. К тому времени линия фронта снова обрела четкость. Все три батареи тяжелого батальона — 12 мощных орудий — стояли совсем рядом. Как обычно, я был на главном наблюдательном пункте, откуда был виден западный край растянувшегося в длину Сталинграда.

Глава 3 Битва в городе

Несколько ближе, спереди и слева, стоял комплекс зданий городской летной школы. Дивизия в ближайшие дни начнет наступление. У нас были прекрасные карты и утвержденные задачи на каждый день. Сможет ли наша все более редеющая дивизия ответить этим ожиданиям? Наблюдательные пункты и огневые позиции были доработаны, и каждое орудие было окружено земляным валом, чтобы лучше защитить его от вражеского огня.

Пехоте нужно было перегруппироваться. Им отчаянно нужна была передышка. Моложавый оберст Роске, недавно прибывший в дивизию, был единственным, кто сделал логичное заключение: он расформировал один батальон и несколько рот и сформировал два почти полноценных батальона, в которые включил конный взвод, телефонистов и саперов. Перед перегруппировкой роты уже имели численный состав неполных взводов. Лишь численность обозов оставалась прежней. Их доля в общей численности была чрезмерной, и пополнения для фронта можно было брать оттуда. Те, кого это коснулось, не были испуганы ни на грамм.

Методы Роске устраивали оставшихся офицеров и унтер-офицеров. Однако оставался тот факт, что молодые и амбициозные пехотные лейтенанты жили не дольше, чем все остальные. Лучшее, что для них могло случиться, — это получить «хайматшусс» (буквально — «домашняя рана», ранение достаточно серьезное, чтобы быть отправленным домой). Конечно, никто об этом не заговаривал.

Поскольку полк Роске на бумаге выглядел слабее, чем на самом деле, ему выделили более узкий сектор ответственности. Это противоречило всей логике, ведь остальные полки были на самом деле еще слабее.

* * *

Сталинград находился под непрерывными немецкими воздушными налетами. Сильные эскадрильи бомбардировщиков и пикировщиков «Ю-87» действовали непрерывно, несмотря на яростный русский зенитный огонь. Русские «Сталинские органы», которые мы знали с 1941 г., но редко с ними встречались, в Сталинграде применялись с огромной плотностью. Во многих отношениях их можно было сравнить с нашим собственным «Небельверфером» (шестиствольный реактивный миномет. —

Примеч. пер .). Русские ставили свои пусковые установки на грузовики, что давало возможность быстро менять позицию. Эта оружейная система производила на нас очень глубокое впечатление. Ужасный шум, производимый во время их огня, имел акустическое действие, сравнимое с сиренами на наших «штуках». В пыли, земле и огне, поднятых в воздух после залпа «Сталинского органа», казалось, никто не может выжить.

Обер-медик Ганс-Герхардт Фридендорф делает артиллеристам прививки. Доктор и его помощник (справа) — пехотинцы

Вермахт время от времени проводил программы прививок, которые вписывались в солдатскую расчетную книжку, но многие оказались подвержены распространяющимися среди осаждающих Сталинград войск болезням. Наиболее уязвимыми были возрастные группы самых молодых и самых старых

Полковник Эберхард Шаренберг, командир 171-го артполка, в сентябре 1942 г. переведен в артиллерийское училище.

Подполковник фон Штрумпф, командир III батальона 171-го артполка, принял полк 14 сентября. Он уже временно командовал полком с 30 июня по 20 августа

В середине сентября батарея Вюстера перешла на позиции в городской черте. Это первое фото города, сделанное Вюстером у боковой ветки Царицынской балки. На этой ранней стадии битвы, многие из домов стоят неповрежденными. Постепенно они падут жертвой огня, взрывов или германской потребности в дереве

В стереотрубу можно было различить на окраинах Сталинграда многочисленные бункеры из земли и дерева. Наша пехота медленно и осторожно прокладывала себе путь через эту линию укреплений. Когда они подбирались достаточно близко, появлялись штурмовые пушки, подъезжая к бункерам и размолачивая им амбразуры. «Штурмгешютц-III», тяжело бронированные спереди, без башни, так что имели низкий профиль, вооружались мощной 75-мм пушкой. Штурмовые орудия были также успешными истребителями танков. Поэтому было неправильно, когда их использовали вместо танков.

Штурмовые орудия заставили замолчать большинство бункеров. Там, где это не удавалось, работу довершала пехота с огнеметами и подрывными зарядами. С безопасной дистанции моего наблюдательного пункта раскалывание бункеров выглядело очень профессиональным и естественным. Мне лишь приходилось вспоминать русские бункеры в лесу Вета, с которыми нам пришлось столкнуться год назад, чтобы сполна оценить, насколько опасен этот вид боя.

Едва приканчивался один бункер, как начиналась подготовка к уничтожению следующего. Та же процедура со штурмовыми пушками и огнеметами повторялась снова и снова. Впечатляло, насколько спокойно наша пехота занималась своим тяжелым делом, несмотря на потери и напряжение. Это был нерушимый боевой дух, без излишнего патриотизма с флагами. Шовинизм

был для нас в ту войну редким чувством. В конце концов, от нас его вряд ли стоило ожидать. Мы твердо верили, что исполняем свой долг, считали, что драка неизбежна, и не считали эту войну войной Гитлера. Может быть, это не столь исторически верно, когда всю вину за ту войну и ее ужасы возлагают исключительно на Гитлера.

В частности, американский президент Рузвельт хотел уничтожения Германии с середины 1930-х. Черчилль хотел того же. Американские просионистские еврейские организации были сравнительно равнодушны к судьбе европейских евреев. Серьезных попыток спасти евреев не делалось, потому что они больше заботились о своем финансовом мире бизнеса. Сталин, для того чтобы поставить европейских коммунистов под советский контроль, должен был ослабить гитлеровскую Германию как мощный фактор влияния. Рузвельт так этого до конца и не понял, а Черчилль понял слишком поздно. Если бы не боевой дух рядового германского солдата, независимо от любой национал-социалистской идеологии, наш дух был бы слаб и ни один суровый офицер не погнал бы нас вперед.

На этот раз простой солдат на фронте верил в необходимость этой войны. Привыкнув к постоянному риску и образу мышления наемника, он все еще полагал, что лучший шанс на выживание дает не очень серьезная рана, потому что вряд ли стоит рассчитывать долго оставаться целым и невредимым.

Нашего командира полка, оберста Шаренберга, перевели в артиллерийскую школу. Его сменил фон Штрумпф, старый седой солдат, ранее командовавший 3-м батальоном в чине майора. Его уважали во всем полку, и совсем недавно он получил чин подполковника. Странно, что фон Штрумпф должен был стать преемником Бальтазара, который был оберст-лейтенантом значительно дольше. (Примечание издателя: фон Штрумпф был произведен в майоры 1 января 1939 г., а в подполковники — 1 января 1942 г., в то время как Бальтазар был повышен до подполковника лишь 1 апреля 1942 г. Неудивительно, что фон Штрумпф принял командование полком — он был старшим батальонным командиром.) Я воспользовался возможностью, предоставленной сменой командиров, чтобы сделать запрос о своей жалобе, и получил ответ, что вопрос скоро будет рассмотрен.

13 сентября несколько пехотных дивизий начали наступление на Сталинград. После короткой артподготовки, подкрепленной несколькими залпами «Небельверферов» разного калибра, наша пехота в сопровождении нескольких штурмовых орудий пошла в наступление. Когда солдаты дошли до окраины города и исчезли

среди деревянных домов и садов, настоящий ад, устроенный залпами ракет «Сталинских орга́нов», заставил целый поселок исчезнуть в огне и дыме.

Вскоре я получил запрос стать корректировщиком в передовых частях, связываться с пехотой и пытаться оказывать им огневую поддержку в уличных боях. С основного наблюдательного пункта больше ничего не было видно. Мы двинулись в сторону города через летную школу. Слева и справа были поврежденные самолетные ангары и современные казармы, построенные в сельском стиле. Передо мной, но на безопасном расстоянии, вспыхивали бесконечные разрывы «Сталинских органов».

Я как-то сумел пройти через все это со своими радистами. Фургон телефонистов на лошадиной тяге проехал мимо нас в сторону города, укладывая кабель, чтобы обеспечить надежную связь. Когда мы дошли до первых paling заборов вокруг небольших садиков домов городской окраины — часто это были примитивные плетеные заборы вокруг хижин, — мы увидели отчаявшихся женщин в белых головных повязках, пытавшихся защитить своих маленьких детей, пока они пытались вырваться из города. Мужчин нигде не было видно. По виду ближайших районов город выглядел брошенным. Впереди фургон телефонистов встал на разбитой, ухабистой, частично заасфальтированной улице.

Вюстер вошел в двухэтажный дом на пересечении Карской улицы и главной дороги из летной школы, чтобы осмотреть местность. Хотя здание снаружи не выглядело сильно пострадавшим, внутри картина другая: ударная волна от бомб и снарядов выбила стекла и двери, обрушила штукатурку потолка. Здесь Вюстер оборудовал наблюдательный пункт

С этого места Вюстер лучше видел город. Снимок сделан строго на восток. Слева идет дорога из летной школы, справа Карская улица. Подбитый Т-34 стоит на перекрестке. Большие здания на заднем плане — спиртзавод, известный немцам как «водочный завод». Четыре месяца спустя в его подвале закончится история 171-го артиллерийского полка. Темная полоса на обочине — грунт, выброшенный из большой траншеи, идущей слева направо, под дорогой и дальше

Из другого окна Вюстер глядит на юг. На горизонте — мощное здание элеватора. Горизонтальная темная линия на переднем плане — продолжение траншеи, показанной на предыдущем снимке

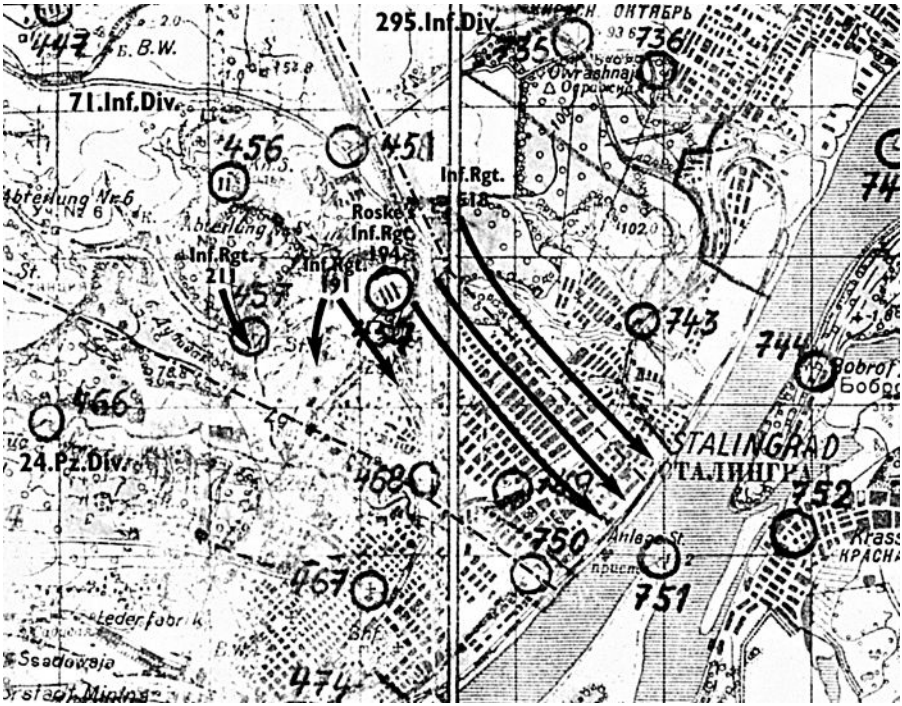
Страшный шум заставил нас укрыться. Затем на дорогу обрушился залп «Сталинских органов». Фургон исчез в облаке огня. Он был в самой его середине. «Прямое попадание», — сказал радист с состраданием в голосе, тоном, выдающим облегчение от того, что пережил этот налет. Это напоминало принцип святого Флориана — «спаси мой дом, сожги другие». К нашему абсолютному удивлению, ничего не случилось. Люди, лошади и фургон остались целыми. Переводя дыхание, солдат выдавил шутку, чтобы скрыть страх: «Больше грязи и шума, чем оно того стоит».

Я не мог полностью с ним согласиться. Продолжая двигаться вперед, мы постоянно попадали между разрывавшимися ракетами «Сталинских орга́нов», одновременно покрывавших большую площадь. Они производили подавляющее действие. Без какого-то укрытия на дороге мы лежали среди разрывов, но с нами ничего не происходило. Поскольку заряд располагался на самом конце ракеты, осколки разлетались конусом вверх и не рассыпали осколков вокруг, как обычные артиллерийские снаряды с ударным взрывателем. Самыми опасными были рикошеты, отлетавшие в воздух перед разрывом.

Вид огня и дыма от снарядов «Сталинских органов» показывал, как они работали. Но и при этом их общее действие ужасало, хотя и было слабее, чем казалось на первый взгляд. Мы, собственно, к ним привыкли. (Согласно личному делу, оберст-лейтенант Бальтазар был ранен в затылок 13 сентября 1942 г. осколком снаряда, но остался в батальоне. Два дня спустя, 15 сентября, он был награжден знаком за ранение в серебре.)

С высоты южнее Царицы подполковник фон Штрумпф тоже запечатлел первый взгляд на город и реку за ним. Центр города на этом снимке слева. На Волге горит грузовое судно

Вюстер осторожно приближается к другому Т-34. Хотя он кажется брошенным, рисковать не стоит. Осторожность буквально чувствуется в нижнем снимке. Движение по открытому месту может быстро окончиться смертью от снайперской пули или спорадического минометного, артиллерийского или ракетного огня



Продвижение 71-й пехотной дивизии в городе, 14 сентября 1942 г. По часовой от левого края фото: 24-я т. д., 71-я п.д., 295-я п.д., 211-й п.п., 191-й п.п., 194-й п.п. Роске, 518-й п.п.

С левой стороны дороги стоял довольно крепкий одноэтажный кирпичный дом, в котором мы нашли штаб батальона. В одной из комнат батальонный доктор с несколькими санитарами делал что мог для помощи раненым. Все было довольно хаотично. Здание когда-то было баней со множеством душевых и ванных, у него была крепкая бетонная крыша, которая могла выдержать ракеты «Сталинских органов». Здесь мы могли чувствовать себя в безопасности. Было уже темно, и мы решили остаться.

Снаружи ярко горели деревянные дома, как в Польше в 39-м, оставляя после себя только кирпичные печи. Сараи рушились в пламени, а многоэтажные кирпичные дома полностью выгорали. Русские продолжали стрельбу всю ночь. «Швейные машинки» бросали маленькие бомбы, крупные самолеты — бомбы побольше. Огромные кратеры от бомб сделали дорогу непроходимой.

В то время никто не мог знать, что эта самая баня будет моим последним бункером в Сталинграде и что вокруг этого здания я буду последний раз сражаться за Адольфа Гитлера, человека, который предпочел принести в жертву целую армию, но не сдать город. С потерей Сталинграда мир, который я знал, рухнул. Я больше думал о мире, открывшемся мне после этого, и теперь я

смотрю на него критическим взором. Я всегда был изрядным скептиком. Никогда не считал «суперменом» никого из тех, за кем приходилось безоговорочно следовать. Конечно, гораздо легче и проще идти с «духом времени», даже если это делается из оппортунизма.

Призрачным утром, освещенным пожарами, наш дух оставался бодрым. Под вечер полк Роске первым рывком дошел до Волги, прямо через центр города. Эта позиция держалась до последнего дня. Наши потери были сравнительно низкими.

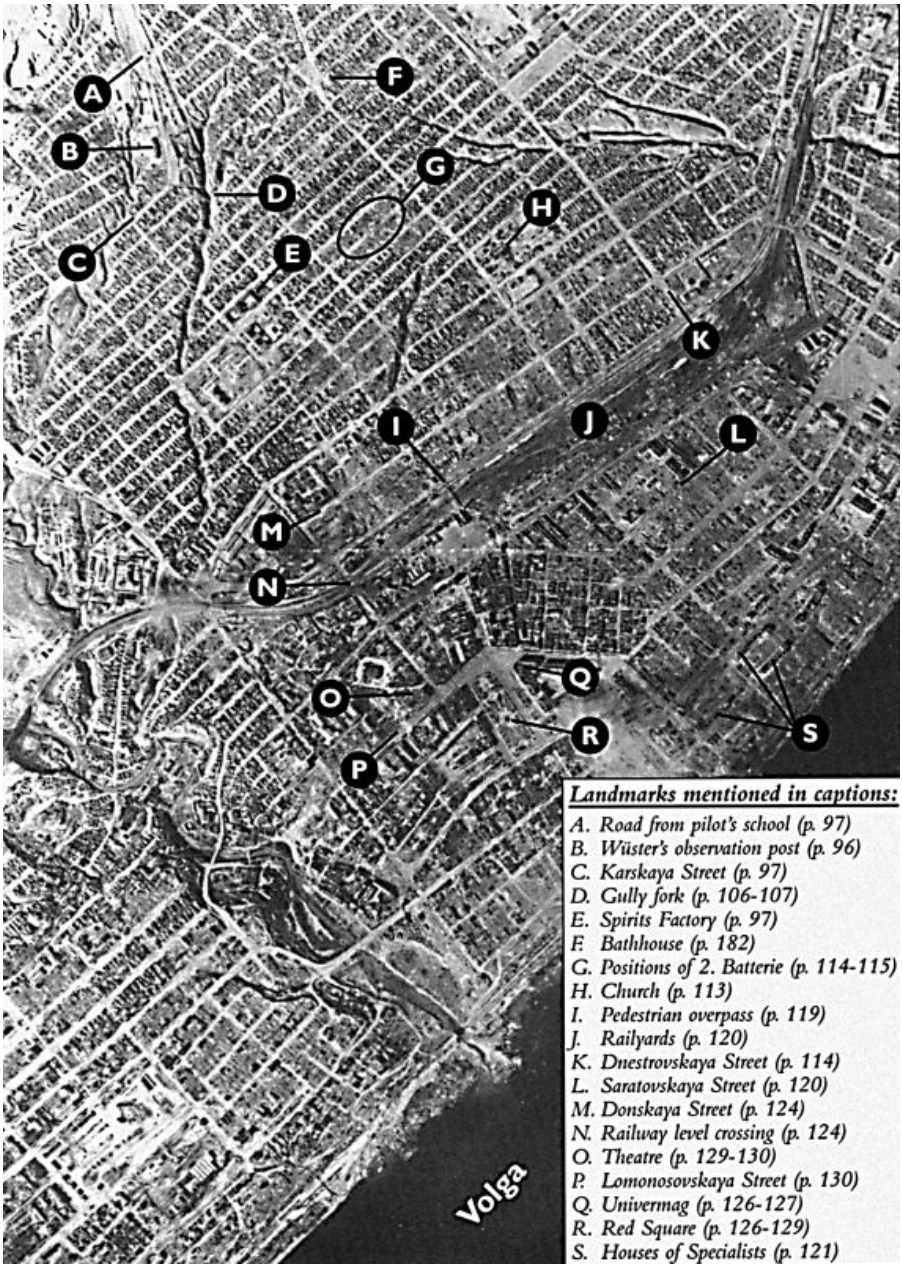
Соседние дивизии не хотели оставаться на хвосте отступающих русских, превышая задачи дня. Дивизии к югу выдержали тяжелейшие бои до того, как смогли в конце концов выйти к Волге, в то время как дивизии, соседствующие с нами к северу, так и не вышли к реке, несмотря на все более яростные атаки. Для начала 71-я пехотная дивизия держала сравнительно узкий коридор, доходящий до Волги, при флангах, по большей части не защищенных. Т-34 ездили поперек улиц, и различные жилые здания еще занимали русские.

Рано утром мы последовали за связными, уже разведавшими среди развалин достаточно безопасные маршруты. Что самое важное, они знали, какие улицы были у русских под наблюдением. Эти улицы нужно было пробегать на одном дыхании, по одному. Это было для артиллеристов в новинку, но не так опасно, как мы сначала думали. Не давая русским времени увидеть, прицелиться и выстрелить в бегущего одиночку, солдат уже перебегал улицу и исчезал в безопасном месте.

В здании школы, стоящем на верхнем конце улицы, спускавшейся к Волге, я увидел место для приличного наблюдательного пункта. Я видел Волгу и остров с позициями русских зениток, которые я мог успешно подавить. На дальней стороне реки были разбросаны дома деревни Красная Слобода. Я не видел своего берега реки. В городе шли жестокие бои за каждый дом. На юге, за Царицынской балкой, до Волги еще не дошли. Над окрестностями там возвышался огромный элеватор.

Я никак не мог вмешаться со своей батареей в бои в домах. Так что кроме обстрела позиций русских зениток, я взял под обстрел и колонны снабжения и пристань у Красной Слободы. Потом мы перенесли батарею ближе к городской черте, чтобы легче обстреливать русский тыл. Нас поддерживали «штуки», но, к сожалению, они не всегда могли поразить противника в лабиринте улиц и неясной линии фронта. Это было основной причиной, почему я не нацеливал наших орудий на отдельные дома. Из-за разлета снарядов требовалось соблюдать зону безопасности в 200 метров. Ночь еще принадлежала русским,

продолжавшим стрелять и бросать снаряды. Улицы и площади освещали пожары.



Зона действий в Сталинграде обер-лейтенанта Вюстера как командира 11-й батареи и позже 2-й батареи

* * *

По случайности я столкнулся в городе с обер-лейтенантами Хоффманом и Фосфельдтом, которые оба были переведены вместе со мной из 19-го артиллерийского полка в 171-й. От них я узнал о гибели Фридриха Ноймана, с которым я был очень близок. Он был передовым наблюдателем и упал мертвым в окопе. Ран на теле не обнаружили. Был это тепловой удар или стресс? Фридрих был стройным, атлетичным парнем, не такой «рабочей лошадью», как я. При этом он был нервным и легковозбудимым. Ему к тому же совершенно не удалось объездить мою лошадь Пантеру. Обер-лейтенант Фосфельдт был человеком немногословным, и у него было мало что мне сказать. Хоффмана недавно выписали из госпиталя. Небольшой осколок прошел сквозь его торс, не причинив больших повреждений. Было трудно поверить, что он пережил ранение без каких-либо осложнений. Он пришил на китель небольшие заплатки, прикрывающие входное и выходное отверстия осколка. Это напомнило мне об отметине на спине Зигфрида (этот герой сказания о Нибелунгах выкупался в крови дракона и стал неуязвим — весь, кроме того места, где к спине прилип березовый листок. — *Примеч. пер* .).

Герд Хоффман казался очень отстраненным, сонным, совершенно не дружелюбным, как-то смирившимся с судьбой. Его брат погиб во время вахты на подводной лодке, и теперь все выглядело так, словно и он готовился к смерти. Герд был амбициозным, всегда старался делать все как можно лучше, был точен и никогда не критиковал начальство. В то же время он был добрым другом и, в своей отстраненной манере, хорошим командиром. Он добровольно пошел на штабную работу, в то время как я отчаянно желал командовать и нести ответственность за свою часть.

Командный пункт III батальона 171-го артполка. Слева направо: лейтенант Краузе, обер-лейтенант Герд Хоффман и оберст-лейтенант (подполковник) фон Штрумпф

Командир дивизии генерал-майор фон Хартман наносит визит на КП фон Штрумпфа, расположенный в одном из множества глубоких оврагов, идущих через Сталинград и пригороды

Подполковник фон Штрумпф окунает голову в ведро с водой после стрижки, а его адъютант, обер-лейтенант Хоффман, занимает его место в кресле парикмахера

Мощные балки, изрезавшие Сталинград, были важной частью местности, широко использовавшейся во время битвы. Они давали прекрасные оборонительные возможности, скрытые маршруты подхода и служили убежищем многочисленным гражданским, выгнанным из домов. Эта балка, боковая ветвь Царицы, находилась недалеко от командного пункта Вюстера. Бездомные жители рыли пещеры в стенах балки

Вюстер расположился на пешеходном мостике, пересекавшем балку, и сделал еще один снимок в позднем свете дня. Восточные склоны были сравнительно безопасны от советского артиллерийского огня, бьющего с другого берега

У меня, однако, не было никакого желания умирать. Что я испытал в своей короткой жизни? У меня были большие планы на будущее, и я хотел насладиться тем почетом, который я получу с чином офицера. Военная форма выделяла меня из гражданского населения и коричневых рубашек партийных организаций. А владение хорошей ездовой лошадью давало дополнительное чувство удовлетворения и престижа. В те дни было очень модным быть профессиональным солдатом.

Я видел, что война — это зло, которое нам надо выдержать в

бодрости духа, но по возможности остаться при этом целыми. Это могло показаться наивным, но я не хотел просить врачей подать меня на знак о ранении из-за небольшой царапины. Я думал, что это будет искушать судьбу, ранение для меня было серьезным делом. Знак о ранении был, конечно, доказательством самопожертвования. Из-за этого солдаты, которые не подвергались большому риску, в нем и бывали заинтересованы.

При моем фатализме я полностью игнорировал все мысли о своей собственной смерти или ранении. Таким образом я избегал чувства тревоги и долгих периодов беспокойства. Тогда я верил, что война — часть жизни профессионального солдата и что быть солдатом означает не только участвовать в парадах. Так что я чувствовал, что все правильно, когда я принял крещение огнем в начале военной карьеры, а не позже, когда у меня была семья.

* * *

Теперь моей батарее приказали оказать помощь — в форме артиллерийской поддержки — нашим северным соседям, чтобы они тоже смогли успешно пробиться к Волге. Мне пришлось перенести наблюдательный пункт, и в районе сплошных сожженных деревянных домов я смог найти несколько подземных помещений с бетонными потолками, которые усилили несколькими слоями шпал из ближайшего депо. Тяжелый физический труд исполняли хиви (добровольные помощники, в основном русские). Неподалеку, отчаянно пытаясь выжить, обитало несколько русских семей без мужчин призывного возраста. Они ужасно страдали от непрерывных русских обстрелов. Всегда тяжело было видеть их смерти или ранения. Мы пытались помочь им чем могли. Наши врачи и санитары старались как можно лучше. Таким образом постепенно они начали нам доверять. Конечно, мы были виноваты в их судьбе, потому что мы подвергли их большей опасности, заняв их безопасные подвалы. Несмотря на это, прошло какое-то время, пока они приняли предложение немецкой стороны, и их вывезли из города с колоннами снабжения.

Нам пришлось оборудовать наблюдательный пункт в балках разрушенного дома, который мы тоже постарались усилить железнодорожными шпалами. Это была верхотура, на которую было трудно забраться. Темный подвал выглядел странно, и туда мало кому нравилось заходить. Хиви избегали подвала и несли потери. Нам было их жаль, потому что их убивали свои же

сограждане, и это после того, как всего чуть раньше они избежали смерти от огня немцев.

Они, конечно, предлагали нам свою службу добровольно, но не потому что очень нас любили. Если они и шли на такой риск, то делали это лишь чтобы избежать мрачной участи пленного — судьбы, которую они уже испытали, по крайней мере, ненадолго — со всеми мучениями и голодом, когда их гнали по степи, почти как скот. Как хиви они были в каком-то смысле «полусвободны», получали достаточно еды с полевых кухонь, чтобы набить живот, и неплохо снабжались в других отношениях. Они жили среди нас не так уж и плохо. Некоторые из них наверняка подумывали бежать. Было множество возможностей это сделать, но мало кто исчезал из расположения. Большинство было дружелюбно, трудолюбиво и лояльно к нам сверх всяких ожиданий.

Наша артиллерийская поддержка немногим помогла соседней дивизии. Мы не могли вмешиваться в уличные бои. Там всю работу делали гранаты и автоматы, с одной стороны улицы на другую, с этажа на этаж и даже из комнаты в комнату.

Русские упорно дрались за городские развалины — с упорством, превышавшим их и без того впечатляющий боевой дух. Они делали это так успешно, что мы едва могли двинуться вперед. Вряд ли дело было в их системе политического руководства. Как бы оно помогало им в рукопашном бою?

Лишь теперь мы поняли, как нам повезло с первого удара глубоко пробиться в центр города и взять широкий кусок волжского берега.

Я наконец смог направлять снаряды на крупный промышленный комплекс в секторе нашего соседа. После тщательной наводки снарядов наши 15-сантиметровки прорывали дыры в кирпичных стенах. Тем не менее снести здание не получалось. Лишь с нескольких попыток наши соседи смогли ворваться на завод — перед тем как русские защитники контратаковали после артподготовки. Рукопашный бой на заводском комплексе тянулся целыми днями, но артиллерийскую поддержку пришлось сократить — наши войска были уже внутри.

* * *

Мне приказали явиться к командиру полка фон Штрумпфу. Мое дисциплинарное взыскание отменили. Доказать пресловутый «недолет» было невозможно, — следовательно, все обвинения с меня были сняты. Командир батальона, куда упал снаряд (командир I батальона 171-го артполка был майор Герхард

Вагнер. 25 сентября 1942 г. он заболел и передал командование гауптману Виссману), лишь высказал подозрение и никогда не выражал уверенности, что это был немецкий снаряд.

Он лишь хотел привлечь к нему внимание, потому что снаряд редко падает сам. А из-за этого происшествия Бальтазар попытался избавиться от меня — его действия отдавали патетикой. И не подыграл ли ему Кульман?

Меня спросили, настаиваю ли я на присутствии других офицеров, если Бальтазар готов взять назад свои оскорбительные высказывания. Я отказался. Петер Шмидт был убит у Дона. По-моему, он был жертвой Бальтазара. Других офицеров не было. Фон Штрумпфа, кажется, обрадовал мой жест, и он вызвал Бальтазара, который находился неподалеку. После очень сухого и формального извинения он вышел. Я облегченно вздохнул и вернулся на свой КП.

Через несколько дней меня вызвали к Бальтазару, который показал мне мою письменную характеристику. Она буквально исходила желчью: «высокомерен, ненадежен, незрел, негоден командовать батареей…» Эти слова воспринимались с трудом. Я кипел от бессильной злости. Я прилагал все усилия, чтобы сдержаться. На его вопрос «Можете вы что-то сказать?» я сказал, что нет, и вышел. Бальтазар наслаждался ситуацией. Все вокруг казалось бессмысленным.

Нужно ли было сказать, что после жалобы я руководил 10-й, а теперь и 11-й батареями уже долгие месяцы? Не вышел ли мне боком мой отказ? Не была ли злобная, необъективная и нечестная характеристика куда хуже мелкого взыскания? Как отреагирует командир полка? Буду ли я, по крайней мере, переведен от Бальтазара? После мимолетного удовольствия от получения извинений этот удар казался действительно чувствительным.

И что теперь? Что я мог сделать против такой характеристики? У кого спросить совета? Был обер-лейтенант Окер, служивший в 10-й батарее в 1940-м, а теперь служивший юристом в 71-й пехотной дивизии. И все же я знал его недостаточно хорошо, чтобы искать сейчас его совета.

Звонок командира полка вырвал меня из мрачных дум:

— Вы должны немедленно принять 2-ю легкую батарею. Недавно убит обер-лейтенант Вакерманн, и с тех пор там нет порядка. Вы наведете там порядок. Кроме того, вас нужно перевести из IV батальона. Вы это понимаете, после того, что случилось?

— Конечно, герр оберст-лейтенант! Но разве герр оберст-лейтенант… — я осекся.

— Что еще? Что значит это «но»?

— Согласно характеристике, которую вы явно еще не видели, я полностью негоден к командованию батареей, — ответил я.

— Ваша характеристика лежит передо мной. Я с ее выводом не согласен, так что принимайте 2-ю батарею. С этим все! — ответил он. (В личном деле Вюстера нет никаких следов отрицательной характеристики, так что, похоже, фон Штрумпф не передал ее в армейское управление кадров. Несмотря на низость действий Бальтазара, фон Штрумпф считал его прекрасным командиром батальона и дал ему прекрасную характеристику.)

Это было прекрасным решением, и я был переполнен радостью. Однако мне пришлось скрывать радость, чтобы не оскорбить чувств солдат 11-й батареи, остававшихся верными мне. В любом случае я был также рад уйти от «тяжеловесов». Легкая артиллерия казалась мне более благородной, более кавалерийской по духу и не требующей такого тяжелого труда.

Здесь в моих мыслях обнаружилась некоторая непоследовательность, потому что я собирался поступить в академию и заняться конструированием орудий и развитием вооружений. В любом случае научно-технический аспект артиллерии был важнее, чем дух наездника, существовавший в легких батальонах, потому что о плохом качестве лошадей напоминать не приходилось. Мне нужно было стремиться в армейскую артиллерию, чтобы изучить более тяжелые пушки. Я бы приобрел более широкий практический опыт для дальнейшей учебы. Я переписывался с начальником материально-технической части армии оберстом Карлом. Он присылал мне учебные материалы по математике. Его всегда интересовали офицеры с образованием и способностями к научной работе. Однако вступительный экзамен далеко превышал мой уровень знаний. Мне понадобится время, чтобы изучить присланный материал, но пока его у меня не было.

В счастливом и уверенном расположении духа я отправился на располагавшийся неподалеку наблюдательный пункт 2-й батареи, удобно расположившийся в здании какого-то учреждения. Чердак был изрешечен, в бетонном потолке над ним были многочисленные дыры, но остальные перекрытия — включая толстое над подвалом — давали надежное убежище. Главная комната в подвале была дополнительно усилена деревянными балками и подпорками. Все было выкрашено масляной краской. Здесь, наверное, располагался русский штаб высокого уровня. Стены были выкрашены белой краской, пол был деревянный, и даже имелись деревянные нары. Была в подвале и печь. Через световые колодцы проходил дневной свет. Это было хорошее место. В крепком световом колодце поставили

стереотрубу. В стене, обращенной к Волге, артиллеристы пробили наблюдательную щель. Они хорошо поработали над ней, и она окупала все труды. У нас был самый фантастический панорамный вид на центральный вокзал, на центр города и весь путь через Волгу до Красной Слободы — наблюдательный пункт лучший, чем в бункере 11-й батареи. Единственным недостатком была невозможность наблюдать сектор соседней дивизии, но нашей 2-й батарее это было неважно.

В тот же день я посетил артиллерийские позиции. Мимо церкви из красного кирпича в общем направлении летной школы шла широкая улица. К моему огромному удивлению, я увидел, что орудийные позиции были очень близко к бане, где я провел свою первую ночь в Сталинграде. Артиллеристы обжились на этом месте и даже сделали деревянные бункеры и вырыли землянки для хранения снарядов для каждого из четырех орудий. Они уже думали о приближающейся зиме и хотели обосноваться здесь как следует.

Пригороды, идущие к западу от делового района Сталинграда, в основном избежали ужаса бомбежек 23 августа и выдержали первые стадии немецкого штурма — в основном из-за быстрого продвижения к реке 14 сентября, что означало малое количество боев среди деревянных построек. Но со временем советские обстрелы в попытке ослабить немецкие части опустошили местность, при этом постепенно превратили пригород в свалку обожженного дерева, листового металла и обугленной земли. Для бесперебойного подвоза припасов немцы расчищали дороги от мусора и обломков

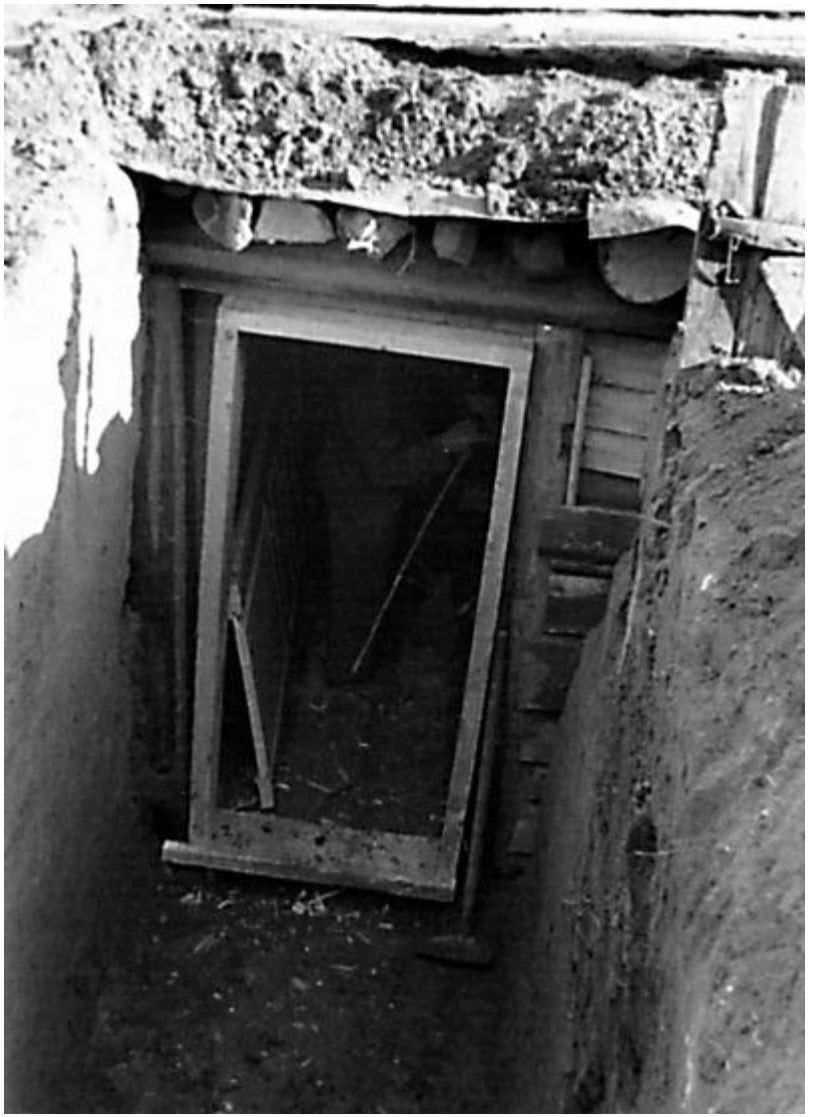
Краснокирпичная церковь на Двинской улице была местом, которое привлекало любого немецкого солдата в центре Сталинграда. Она имела и символическое значение, потому что солдаты соседней 295-й пехотной дивизии выбрали ее местом, где был поднят германский флаг, что было запечатлено на пленку. Но ясно различимое здание служило ориентиром для крупных калибров артиллерии Красной Армии, так что артиллерийские налеты на эту часть города были частыми

Трамвайная линия на Днестровской улице уходит за горизонт на востоке. Позже на этом участке дороги появится знак: Achtung: Feindbesicht und Beschuss (Внимание: находится под вражеским обзором и обстрелом)

Прекрасно замаскированные орудийные позиции 2-й батареи Вюстера. 105-мм пушки едва видны, даже с близкого расстояния. Кроме орудия справа, на заднем плане есть еще одно, с левого края церкви. На переднем плане видна укладка снарядов. Хотя позиция находится в пределах досягаемости советской артиллерии, гаубицы Вюстера ни разу не были обнаружены и его люди понесли очень малые потери, в отличие от других батарей, расположенных глубже в тылу

Узкие ходы сообщения связывали каждый орудийный дворик с соседним (на снимке гаубица — темная тень в середине). Для расчетов и снарядов были выкопаны глубокие блиндажи, один из которых находится сразу за поворотом хода. Расположившись так далеко впереди, Вюстер мог обстреливать цели, недоступные другим

Один из блиндажей, построенных солдатами Вюстера у орудийных двориков. Нужно было приложить много труда, чтобы сделать убежища как можно удобнее. Для обшивки стен брались доски из деревянных домов, а для обстановки использовалась брошенная мебель



Готовый блиндаж с последней недостающей деталью — дверью. Солдаты 71-й пехотной дивизии тратили столько сил, потому что они знали, что эти убежища надолго станут их домом

В начале октября, когда стало ясно, что дивизия будет удерживать зимние позиции по Волге, были выстроены более постоянные убежища. На снимке: в гребень широкой Дубовой балки, в 6 км от центра Сталинграда, встраиваются блиндажи. Для земляных работ в основном использовались хиви. Блиндажи перекрывались деревом, взятым в пригороде. Остатки этих блиндажей можно видеть и сегодня

Однажды в октябре Вюстер взял свой фотоаппарат на наблюдательный пункт на Волге. Его первым объектом съемки была центральная железнодорожная станция. Справа пешеходный мостик, идущий к главному зданию вокзала и Железнодорожной площади. Два больших здания на заднем плане заняты немецкими частями

Перейдя мостик, Вюстер и его проводник срезали путь в центральные районы через разбитое депо. Нужно было пересекать открытое место с осторожностью, потому что советская артиллерия могла начать обстрел в любой момент

Перейдя пути, двое подошли ближе к реке, ненадолго задержавшись, чтобы сделать этот снимок Саратовской улицы, идущей на север в сторону площади 9 января. В отдалении за молодыми деревьями находятся советские «крепости», включая «Дом Павлова» и мельницу

Вюстер и его проводник в глубокой траншее, идущей по верху волжского берега. Река всего в 50 метрах справа. Большое здание на переднем плане — самое южное из трех «Домов специалистов». Из окон и с балконов этого комплекса немецкие пулеметчики и корректировщики обрушивали разрушительный огонь на любую лодку, пересекавшую реку

Мутноватый снимок центра Сталинграда, сделанный через несколько дней после бомбежек 23 августа, ясно показывает различные позиции Вюстера в пригороде и близость батареи к деловому району города: 1) площадь 9 января, 2) площадь Павших героев, 3) церковь, 4) позиции 2-й батареи, 5) баня, 6) спиртзавод, 7) наблюдательный пункт Вюстера в жилом доме

На обратном пути Вюстер снова фотографирует опустошенную станцию. На горизонте видна колокольня церкви, иногда называемой немецкими солдатами «кафедральный собор»

Последний снимок дня, сделанный на Донской улице в южную сторону, показывает две разбитые «Катюши» на шасси Т-60, попавшие на острие немецкого наступления. Знак на переднем плане — zum Bahnübergang — указывает направление к железнодорожному переезду

Стоящие среди разрушенных деревянных и глинобитных домов орудия окружал кольцевой бруствер, и их было трудно обнаружить. Нужно было подобраться почти вплотную, чтобы их заметить. Никогда раньше я не видел столь отлично оборудованных позиций и не мог чувствовать себя более довольным. Эти позиции находились в пределах досягаемости вражеских минометов. Мы думали перенести их чуть дальше к западу, но было бы много сложностей со снабжением. С другой стороны, только наша легкая батарея могла обстреливать большой участок Волги. Поскольку ее ни разу не обстреливали, — возможно, потому что русские не ждали здесь встретить батарею, вынесенную так далеко вперед, — она так и оставалась здесь до конца.

Дерево для строительства и оборудования блиндажей можно было легко раздобыть в развалинах по округе. Здесь было легко обустроиться. Мы знали, что нам придется жить здесь, на Волге, в наступающую зиму. Мы надеялись, что летом 1943-го нас сменят и переведут во Францию, чтобы полностью измотанная 71-я дивизия наконец была переформирована.

В других батареях дела шли похуже. Их позиции были на западной окраине города. Русские подозревали, что они находятся там, и подвергали их непрерывному обстрелу. Дерево для строительства блиндажей нужно было искать в самом городе,

а потом с трудом доставлять на позиции.

1-й батальон был мне совершенно неизвестен. Когда я пришел с рапортом о прибытии к своему новому командиру, я наткнулся на молодого гауптмана, который раньше служил в 31-м артиллерийском полку. Он тепло меня поприветствовал. Его батальонный командный пункт находился у водочного завода. Производство было в основном разрушено. Не считая пустых водочных бутылок, в основном сплавленных в слитки стекла, здесь больше ничего не напоминало об алкоголе. Но и здесь были крепкие подвалы, позволяющие безопасное укрытие.

Оттуда я прошел к Волге. Мне навстречу вышел мой проводник. Это был передовой наблюдатель нашей батареи, стоявший на посту у Волги. Там стояли два захваченных русских 76,2-мм орудия, которые охраняли берег и должны были стрелять по любым кораблям на реке.

Мы называли эти современные орудия «ратш-бум» (по-русски было бы «взрыв-бум» — сначала звук разрыва, а потом звук выстрела. — *Примеч. ред* .). Звуки выстрела и попадания разделяла лишь доля секунды. Пушки стреляли унитарными снарядами и были очень скорострельны. Полуавтоматический затвор при отдаче выбрасывал пустую гильзу. Эти небольшие орудия прекрасно справлялись и с ролью противотанковых.

Единственным недостатком этой интересной пушки был ее сравнительно малый калибр. 76, 2-мм снаряд вызывал лишь небольшие повреждения, а шрапнельные снаряды, которыми русские любили стрелять, были еще менее эффективны. Может быть, нам стоило чему-нибудь научиться у удивительно простой и легкой конструкции пушки? Наши пушки хотя и были очень надежными, но были слишком сложны и тяжелы для своего калибра и огневой мощи.

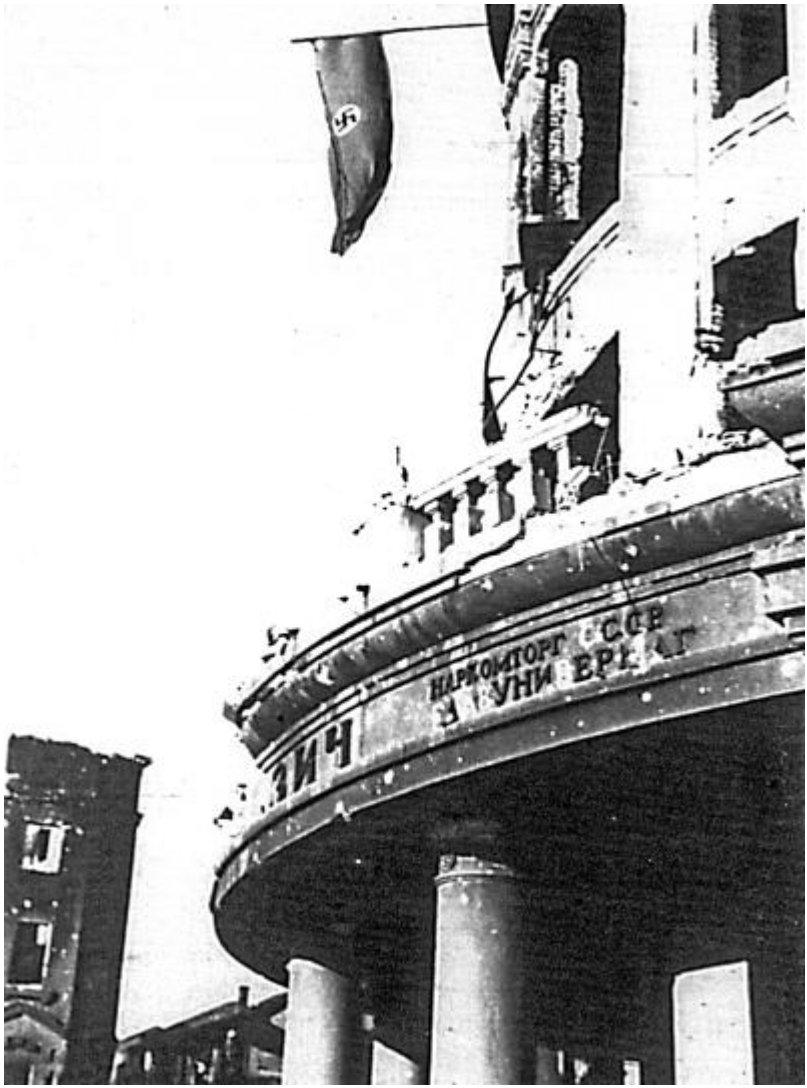
Обращенные к Волге полбатареи были хорошо расположены в развалинах высоких зданий у крутого берега реки. Командой руководил унтер-офицер, живший со своими людьми в подвале. Пост передового наблюдателя стоял недалеко от нас, на лестничной клетке жилого дома. Приходилось быть чрезвычайно осторожными, потому что русские со снайперскими винтовками или даже с противотанковыми ружьями шныряли тут и там, подстреливая множество солдат-одиночек. Только когда ты знал, какие районы под наблюдением у русских, ты чувствовал себя в развалинах в сравнительной безопасности. Со временем для повышения безопасности было сделано многое — появились предупреждающие таблички, были развешаны экраны, перекрывавшие снайперам поле зрения. Иногда даже рылись глубокие траншеи для пересекающих определенные улицы,

находящиеся под наблюдением. Тем не менее нужно было пробираться с осторожностью или — что даже лучше — иметь при себе солдат, которые хорошо разбирались в местности.

* * *

Позже на моей новой батарее развернули 105-мм гаубицу, чтобы стрелять по отдельным зданиям в городе к востоку от района вокзала. К месту, где она расположилась, можно было безопасно подойти только в темноте. Орудие несколько раз побывало в серьезном деле, и каждый раз расчет нес потери. Такие задачи можно было выполнять только днем, иначе было невозможно навести орудие на цель. Перед первым выстрелом тоже проходило слишком много времени, потому что гаубицу нужно было силами расчета выкатить из укрытия на огневую позицию. Два артиллериста толкали каждый свое колесо, а другие двое упирались плечами в станины. Пятый член расчета и командир орудия тоже старались как могли, тянули и толкали. До того как первый снаряд выходил из ствола, эти солдаты оказывались легкой мишенью. Русские, которые издали видели, что происходит, стреляли из всего, что у них было. Даже когда, казалось, все в порядке и русским приходилось залечь, они продолжали стрелять из минометов. Обычной практикой было как можно быстрее выпустить 30–40 снарядов по домам, занятым русскими, чтобы быстро втащить гаубицу обратно в укрытие.

Во время перестрелки расчет не слышал противника, потому что сам изрядно шумел. Если вражеские минометы точно пристреливались, расчеты замечали это слишком поздно. Вообще, мы мало что могли сделать своими легкими гаубицами. При стрельбе по толстым кирпичным стенам даже наши снаряды с взрывателем замедленного действия их не пробивали.



Универмаг (Univermag), в немецких сводках проходящий как «партийное здание», был местом, где 71-я дивизия объявила о победе: в полдень 26 сентября командир 191-го пехотного полка поднял над зданием германский флаг. В комплексе зданий находился Наркомторг СССР и Главунивермаг

Универмаг вскоре после его взятия. Фотография сделана адъютантом подполковника фон Штрумфа во время инспекторской поездки командира полка в город. Тяжелые бои продолжались в нескольких кварталах восточнее

Вюстер и его фотоаппарат тоже вернулись к деловому кварталу, на этот раз — на «Красную площадь», как она была известна немцам, но точное ее название — «площадь Павших борцов». На снимке — внутренний двор комплекса Универмаг. Справа в кадр не вошла рампа, ведущая в подвал универмага, — место исторической важности, где четыре месяца спустя сдастся Паулюс

Похожие на кинжал остатки дома в северо-западном углу площади стали легко различимым ориентиром и стоят безмолвным свидетельством разрушительной силы, выпущенной на свободу Люфтваффе во время ужаса 23 августа 1942 г.

Адъютант фон Штрумпфа сфотографировал те же развалины с другой стороны площади Павших героев

И снова площадь Павших героев глазами Вюстера. На заднем плане между двумя большими зданиями виден театр. Отметьте, что дорожки очищены от обломков

Театр с более близкого расстояния. Здание перешло в немецкие руки только после того, как солдаты 171-го разведбатальона перебили красноармейцев, стреляющих с галерей, и выкурили защитников подвала, устроив на подвальной лестнице костер из сброшенных вниз театральных кресел

Глядя вдоль по «театерштрассе» (Ломоносовская улица) в сторону видной вдали площади Павших героев

Снаряды с взрывателем, поставленным на удар, только сбивали со стен штукатурку. (По концепции артиллерийского вооружения вермахта, для выполнения боевых задач пехоте нужны не пушки с высокой пробивной способностью — что было едва ли не самым важным критерием для артиллерии советской, — а гаубицы и пушки с ослабленной баллистикой — чтобы снаряд, летящий по довольно крутой дуге, мог сверху поражать любую ямку, где залегла пехота. А по танкам стреляли пушки ПТО, которые служили только для борьбы с танками. Здесь автор описывает тот редкий случай, когда гаубицы немецкой пехоте помочь не могли — чтобы пробить стену, нужно что-то более противотанковое. — *Примеч. пер* .) Мы стреляли половина на половину — снарядами мгновенного подрыва и с задержкой. Когда нам везло, мы поражали амбразуру или через дыру в стене слали снаряд внутрь дома. Мы не рассчитывали серьезно повредить здания. Противнику приходилось укрыться от обстрела, так что с последним снарядом, пока защитники не вернулись на свои позиции, наша пехота могла войти в здание. Как бы то ни было, по этой теории мы и действовали. В реальности из этих дорогостоящих действий мало что выходило.

Понятно, что пехота просила артиллерийской поддержки, и мы все знали, что находимся в большей безопасности, чем они. Думаю, поэтому наше начальство соглашалось помочь, даже если наша помощь мало что меняла. Почему бы пехотным полкам не применить гораздо более мощные 15-см пехотные орудия,

которые давали значительно больший результат, даже стреляя с закрытых позиций? По-моему, у пехоты не хватало воображения на то, чтобы как следует занять свою тяжелую артиллерию.

Когда я под покровом темноты пошел на передовые позиции наших пушек, то застал солдат в подавленном настроении. На следующий день были запланированы такие же действия, и они боялись, что опять что-то случится. Как «новый рекрут на батарее», я почувствовал, что должен принять участие в действиях, и пошел изучать район цели. Я искал самую безопасную позицию для орудия. Я нашел гараж с бетонной крышей. Сбоку туда можно было закатить орудие. Тогда можно было стрелять через отверстие на месте двери. Множество всякого мусора свисало и стояло по дороге, маскируя нашу позицию, но и мешая полету снарядов. И все же позиция показалась мне многообещающей.

Наутро я попытался категорически разубедить моего нового командира от использования орудий в боях за каждый дом. Он согласился — в принципе, — но беспокоился, что это произведет плохое впечатление на пехоту. Никто не хотел показаться сачком или трусом, оставившим все рискованное дело пехоте. Он тоже, и безуспешно, пытался уговорить пехоту использовать их собственные тяжелые пушки. Но, как ни странно, пехота была склонна использовать свои пушки как артиллерийскую батарею, а не сосредоточивая ее для поражения отдельных целей. Это по идее было ее главным делом, поддерживать свои полки во время независимых действий. То и дело получая прозвище «цыганской артиллерии», артиллерия пехоты не понимала своего главного предназначения — подавления точечных целей.

«Вы можете не идти туда, если не хотите», — сказал в конце концов командир. Я был честен и сказал, что не хожу искать опасности, если могу делать свою работу с расстояния, — но особенно тогда, когда не вижу шансов на успех. Конечно, я не обязан быть там все время, но в первой операции в качестве командира-новичка я очень хочу, чтобы меня видели там, на передовой. Я указал, что подготовка к будущей атаке была проведена очень хорошо.

Без особой серьезности я сказал: «Герр гауптман, вы можете все оценить сами. На этот раз все условия хороши, потому что мы можем незамеченными вкатить орудие на позицию, и вы увидите, как мало мы сможем изменить». Он согласился, и мы договорились о том, где мы встретимся.

На КП батальона я узнал, что Бальтазара перевели в артиллерийскую школу. Интересно, приложил ли руку к этому переводу его добрый друг Шаренберг? Вполне возможно — если

вспомнить, как медленно рассматривался мой рапорт. Фон Штрумпф был произведен в оберст-лейтенанты после Бальтазара, что делало мое предположение менее вероятным. Почему столь всеми уважаемый офицер получил производство так поздно? Он был лучшим командиром, чем его предшественник, чей стиль командования был едва виден.

Встреча с командиром сработала. Мы дошли до гаража. Все было тихо. Все приготовления тоже были сделаны, но сейчас у меня было неприятное ощущение в животе. Штурмовая группа пехоты стояла готовая захватить назначенный дом. Мы последний раз все обсудили с их лейтенантом. Атака должна была начаться на закате. Первый выстрел был нацелен спокойно и точно. Мы как следует постарались закрепить сошники станин, чтобы орудие не откатилось по бетонному полу. Иначе каждый выстрел превратился бы в каторгу. Из-за опасности получить при первом выстреле обвал мусора мы удлинили спусковой шнур куском веревки.

«Ладно, давайте, — крикнул я. — Огонь!»

Выстрел — и поднялась прорва пыли, все остальное было в порядке. Орудие стояло на месте. Пока его перезаряжали, я снова взглянул в панораму. После этого мы начали быструю стрельбу. Из-за всей этой пыли и разрывов в здании, по которому мы стреляли, я почти ничего не видел. Нос и глаза были забиты пылью. Через несколько снарядов русские ответили минометным огнем, но для нас это была не угроза благодаря бетонному потолку. Адский грохот, который мы создали, разбавили сухие разрывы мин.

— Пошли, никакого толку, — сказал гауптман.

— Почему? — спросил командир орудия. — Мы никогда не выстреливали 40 снарядов быстрее, чем сегодня.

Наш огонь на самом деле почти не повредил здание.

— Давайте закончим то, зачем мы сюда пришли, — сказал я.

И мы так и сделали.

Еще один снаряд отправляется в камору 150-мм пушки s.I.G.33 пехотного полка. Орудие стоит в здании на южной стороне Железнодорожной площади. Хотя это не одно из орудий Вюстера, снимок дает хорошее представление о тяжелых условиях работы артиллеристов в городе

Отстреляв последний снаряд, мы вытащили гаубицу из здания на другую безопасную позицию. Русские теперь знают, откуда мы стреляем, и завтра определенно уничтожат эту позицию. Мы наконец могли отдохнуть, глотнуть водки и покурить под защитой подвала. Я почти не курил, не получал от этого удовольствия, вдобавок курение не помогало отвлечься или расслабиться. В нем было больше социального, это было составной частью солдатской жизни. Для многих солдат сигарета до или после боя была важнее всего. Для них это было большим, чем просто привычка.

В этот раз атака на дом, занятый русскими, провалилась. Чуть позже второпях подготовленная атака без артподготовки оказалась более успешной. Для нас это был последний раз, когда мы применяли гаубицу в уличных боях в Сталинграде. Теперь нам нужно было оттянуть гаубицу обратно на позиции у бани. Ночью к ней подцепят передок, в который запряжено шесть лошадей. Русским, если получится, не дадут ничего узнать. Первым делом мы поставили орудие за домами, чтобы можно было при свете фонариков прицепить передок. Сначала все шло по плану, но в депо орудие застряло на стрелке.

Лошади спотыкались о рельсы. Скоро мы справились с этой проблемой, но она стоила нам драгоценного времени. С гораздо более неповоротливой тяжелой гаубицей возиться пришлось бы куда больше. Опыт всех застреваний, полученный за время

службы в 10-й батарее, теперь оправдался: теперь солдаты видели во мне эксперта.

После депо местность резко пошла в гору, а силы у лошадей не хватало. Нам пришлось делать короткие передышки, подпирать колеса и начинать впрягаться в тросы. К первым лучам рассвета мы наконец закончили подъем и оставили орудие на холме среди домов вне поля зрения русских, чтобы позже наконец поставить его на позицию. Если бы у нас не получилось все это сделать с первого раза, орудие пришлось бы бросить. Наконец передок, лошади и солдаты уехали, чтобы прийти снова следующей ночью. Конечно, если русские не обнаружат тем временем наше орудие и не уничтожат его огнем артиллерии. На войне приходится надеяться на удачу.

Две мои русские пушки у Волги заработали четкое очко на свой счет. Почти каждый день на закате русские посылали вниз по реке канонерскую лодку, оборудованную двумя башнями от Т-34 — быстро засыпать снарядами наши позиции. Хотя особого ущерба она не наносила, но была источником беспокойства. Мои артиллеристы много раз ее обстреливали. На этот раз мы пристрелялись по определенной точке, через которую всегда проходил «монитор». В этот день лодка дошла до нужной точки, оба орудия одновременно открыли огонь и попали.

Поврежденная лодка встала у волжского острова и смогла открыть ответный огонь. Пушки мгновенно ответили. Лодка быстро затонула.

Из-за примечательности этой, в общем-то, обычной дуэли она была упомянута в «Вермахтсберихт» 10 октября 1942 г. Несколько человек из моей «береговой обороны» получили Железные кресты, чему, они, конечно, обрадовались. Солдату тоже нужна удача — и считается только успех. Достижения невезучих в счет не идут.

В то время как в секторе нашей дивизии ситуация постепенно улучшилась, когда последние здания и улицы с высокими потерями были взяты, к северу от нас все выглядело куда более бледно. В частности, за крупные промышленные комплексы — тракторный завод «Дзержинский», оружейный завод «Красные баррикады» и сталелитейный завод «Красный октябрь» и другие — русские сражались безжалостно, и взять их не удавалось. И наступающие, и защитники были безнадежно заперты вместе в разрушенных цехах, где русские, лучше знающие обстановку, имели преимущество. Даже специальные саперные части, пущенные в ход, не могли переломить ситуацию.

Однако Гитлер уже хвастался: Сталинград взят. Чтобы взять город полностью, нужны были крупные свежие силы, но таких у нас больше не было. Мы откусили больше, чем могли прожевать.

На Кавказском фронте события шли тоже не так, как мы планировали. Германия дошла до предела своих возможностей, а враг еще не ослабел — напротив, благодаря американской и союзной помощи он становился сильнее.

Семьдесят первая пехотная дивизия готовилась к позиционной войне вдоль Волги и готовилась к надвигающейся зиме. Мы надеялись, что в наступающем году нас сменят свежие части. Было очевидно, что нашим малочисленным дивизиям требовалась передышка и переформирование. Все, кто еще был жив, были бодры и мечтали провести лето во Франции. Снова заработала система отпусков, приостановленная на время кампании.

Глава 4 Отпуск домой

В ближайшее же время должен был подойти мой отпуск, потому что позже, к Рождеству, отпуска давали отцам семейств. Меня это устраивало. Нельзя откладывать отпуск во время войны. Пользуйся возможностью, когда она есть, иначе можешь ее не дождаться.

Моя переписка с девушкой по имени Руфь развивалась в положительную сторону. Конечно, я хотел с ней увидеться еще раз. К несчастью, ее брат Манфред, молодой пехотный лейтенант, 4 сентября 1942 г. был убит подо Ржевом. Я думал о гибели моего командира орудия 4 сентября и о том, как мне в тот же день невообразимо повезло. Совпадение или судьба — кто знает?

Эта утрата, конечно, сильно сказалась на Руфи и ее семье. Письма от нее стали короткими и сдержанными. Но все равно я начал серьезнее относиться к своим отношениям с Руфью. Переписка с другими девушками, которая велась «на всякий случай», постепенно сошла на нет. Я не хотел никого обижать.

Шестнадцатого ноября я проехался на полевой кухне на позиции, где стояли передки, к западу от города. Она удобно расположилась в узком овраге. Землянки и конюшни были врезаны в его крутые стены. Только войдя в овраг, можно было увидеть саму «деревню Передок». Я редко сюда попадал. Место командира батареи было на командном пункте, откуда можно было за считаные минуты дойти до орудийных позиций в Сталинграде. А визит на эту позицию стоил бы мне целого дня.

Абсолютным патриархом в мире передков и лошадей был шпис, вместе с фуражиром, который был столь же самостоятелен в делах своего лошадиного семейства. Когда приходилось подписывать сводки численности или другие бумаги, на КП приходил рехнунгсфюрер (казначей), он же передавал мои распоряжения. Лишь изредка шпис приходил на передовую. Рехнунгсфюрером сейчас был штабс-ефрейтор Эйкман, после гибели его предшественника, которого я знал. Эйкман был наводчиком, но теперь получил квалификацию клерка. Он хорошо делал свое дело и был крепким и сильным парнем, приятным и надежным.

Почему он не выслужился до бóльших чинов? Было в этом что-то неправильное. В отношении шписа я не был так уверен. Он был профессиональным солдатом, который знает, как иметь дело с вышестоящим начальством любого ранга. Он точно знал, как себя вести с молодым обер-лейтенантом вроде меня. Единственной его проблемой было то, что я видел его насквозь.

Лейтенантом я кое-чему научился, пока служил под командованием Кульмана, чей хитрый шпис пытался обвести меня вокруг пальца, а Кульман ему не препятствовал. Я быстро узнал, что в защите своих интересов можно полагаться только на себя. Это непросто, когда тебе 19–20 лет. Шпис на 2-й батарее явно разочаровался во мне с первой встречи. Я не выказал никакой благодарности за лишнее вино и сигары на обеденном столе. Напротив, я отклонил все предложенные добавки. Я жил на стандартном пайке обычного солдата на батарее. То же относилось к бакалейным товарам. Солдаты у передков имели возможность дополнить свой рацион — личный или групповой, — когда бы им ни хотелось. И это при том, что в степи вокруг Сталинграда ничего нельзя было найти, кроме пары дынь, да и то не в это время года.

17 ноября меня подвезли на телеге в Гумрак, где забирали почту. Ноги в кожаных сапогах замерзли. Земля почти промерзла, и ночью падал первый снег.

Там, у станции, в сентябре я и увидел, как зенитка ведет поединок с танками Т-34. В тот день у меня перед глазами взорвался передок. Я бы давно забыл о контуженной тогда руке, если бы не чувствительная липома, развившаяся в месте удара. На этот раз я ехал в Гумрак в счастливом расположении духа. Я ехал домой и, конечно, надеялся увидеть Руфь.

Поезд из двух пассажирских вагонов и нескольких товарных, запряженных в грузовик, уже стоял на погрузке. Вместо резиновых покрышек грузовик был обут в вагонные колеса. Таким образом, его можно было использовать как локомотив. Поезд отъехал со станции не сразу, было чертовски холодно. В купе не было отопления. Наконец, мы поехали черепашьим шагом, часто делая остановки, в Калач-на-Дону. Там нас переписали, выдали дорожные пайки и в ночь на 19 ноября отправили автобусом на станцию Чир. Автобус ехал по дороге вдоль западного берега Дона, где атаковал IV батальон. Больше всего пострадала 11-я батарея, и в высоких потерях был виноват Бальтазар.

Глядя в темноту, я не видел, где мы едем, но в мыслях был уже дома.

По контрасту с Калачом на станции Чир царил хаос. Никто ничего не знал. «Все поезда идут на запад. Найдите себе место сами!»

На рельсах стояло несколько поездов с крытыми товарными вагонами и несколькими пассажирскими, спереди у каждого был паровоз. Ни один машинист не знал, в каком порядке они отправятся. Пассажирские вагоны были переполнены солдатами, и места в них не было. Другие солдаты стояли в промерзших

товарных вагонах. Я наконец смог найти стоячее место в первом отходящем поезде.

Поезд медленно отошел от станции. День клонился к полудню. Острый ледяной ветер заставлял нас топать ногами и махать руками, чтобы согреться. В такой холод нельзя было заснуть, многие ругались. Что оставалось делать? Поезд часто вставал безо всякой причины. На одной из первых остановок я поговорил с несколькими офицерами и смог найти себе место в пассажирском вагоне. Там смогли потесниться и пригласить нескольких человек внутрь. От тепла тел в купе было теплее. «Лучше вонь, чем холод» всегда было девизом немецкого солдата.

Все более сильный холодный ветер, свистевший в каждой щели, заставил слишком длинный поезд остановиться из-за заносов. Попытки пробиться рывками взад и вперед были тщетны. Паровозу просто не хватало сил. Прошли часы, пока не прибыл более мощный паровоз.

Поезда, идущие следом, не могли обогнать нас на одноколейном пути. Когда мы наконец доехали до огромной станции в Ясиноватой, я смертельно устал, промерз до костей и был в скверном расположении духа. Оттуда поезда шли по стандартной германской колее. Ясиноватая была пересадочным узлом в широкой сети русских одноколейных железных дорог. При обшарпанной станции, оставшейся с царских времен, не было никакого жилья, но подавали горячую и холодную еду, и можно было немного обогреться. Каждый стал рыскать по окрестностям в поисках чего-нибудь, что можно взять домой. Можно было переночевать в одном из деревянных зданий неподалеку. Я решил так и сделать в компании с несколькими незнакомыми офицерами. Я испытывал непреодолимое желание спать, а следующий поезд должен был отойти не раньше полудня на следующий день.

В деревянном доме жила большая семья русских. Они потеснились и предложили нам постели. Они, кажется, были готовы к приему «гостей» и нашли нам чистое постельное белье. Нам показалось, что риск подхватить клопов и вшей слишком велик. Мы устроились на полу перед печкой. Один из нас заснул даже на столе. «Управляющие отелем» счастливо согласились с нашим выбором.

Во многих русских домах в центре стояла большая кирпичная печь, проходящая через несколько этажей, обогревающая прилегающие комнаты и используемая для готовки пищи.

Окна, на зиму оборудованные дополнительным стеклом, не открывались. Между слоями стекла для теплоизоляции были насыпаны опилки. В комнаты доходил лишь слабый дневной свет.

Были проблемы и с гигиеной. В сильные холода воды было мало. Стирка и личная гигиена сокращались до минимума. Тем не менее обитатели дома показались нам чистыми. Они делали для нас все что могли и были дружелюбны.

Они сделали вкусную еду из наших припасов, так что хватило и им самим. В основном их интересовал наш «коммисброт» и консервы. Мы завоевали доверие русских детей шоколадом и конфетами. Когда мы проснулись на следующее утро, солнце уже светило и ярко блестел снег, отражая свет в нашу комнату через небольшое окно. Только одного из нас кусали клопы — того, кто спал на столе. Мы решили, что это справедливо — он и так занял лучшее место.

После легкого завтрака мы вернулись на станцию. Там уже стояло несколько отпускных поездов, которые шли и на север, и на юг. Дорога на запад, через Киев и Ковель, вела нас в Германию. Наш поезд был оборудован деревянными сиденьями, и с каждого конца вагона было по печке, так что внутри было замечательно тепло. Еще перед отправлением поздним утром поезд был полон. Стояло 20 ноября 1942 г. Русские еще 19-го начали крупное наступление на окружение Сталинграда, о чем я узнал позже.

Еще в нашем вагоне ехало несколько железнодорожных служащих в темно-синей форме с белыми нарукавными повязками с надписью «Германский вермахт». Эти повязки должны были подтверждать их статус комбатантов в случае захвата в плен, согласно требованиям международных конвенций. В противном случае с ними обошлись бы как с наемниками, имей они оружие в руках или нет.

В Ясиноватой все железнодорожные перевозки осуществлялись железной дорогой рейха, в то время как ближе к фронту это делали саперы-железнодорожники. Путешествие по заснеженной местности было скучным. Слева и справа были видны кусты, посаженные, чтобы у дороги не скапливался снег. Он, однако, загораживал весь обзор справа и слева. Иногда мы проезжали мимо плохо различимых деревень. Поезд часто вставал на обгонном пути, чтобы пропустить встречные. На каждой железнодорожной станции мы видели собранный военный металлолом, в основном танки, идущие на переплавку на немецких заводах. Большую часть времени мы проводили за разговорами.

Железнодорожники много где бывали и много болтали. Они явно гордились тем, что знают о русском контрнаступлении, направленном на румынский и итальянский секторы фронта. Как союзники они должны были обезопасить тыл сталинградского фронта.

Повод для беспокойства был. Почему бы русским не использовать свое знание зимней войны и не атаковать нас в слабых местах, что они сделали прошлой зимой? «Кабинетная стратегия» железнодорожников, которые ничего не знали наверняка, нас не интересовала. Мы не видели под Сталинградом непосредственной опасности. Мы лишь жалели, что русских не выгнали с западного берега Волги.

Железнодорожники были настроены скептически. Везде всего не хватало, а войну нельзя выиграть одними импровизациями. Не хватало паровозов, а также угля для них. Еще хуже был недостаток подвижного состава. Отчаянно не хватало эксплуатационных и ремонтных мощностей, а нужные запчасти редко оказывались там, где они были нужны. Нужно было прокладывать дополнительные пути.

Британо-американские воздушные налеты были ощутимым ударом, больше, чем это официально признавалось. Без новых поставок запас уловок и хитростей скоро кончится. Без новых ресурсов даже самые смелые не смогут ничего сделать…

Дальше они и вовсе впали в брюзжание и пораженческие разговоры. Нас не трогало их штатское нытье. Пусть радуются, что не на фронте, где все гораздо хуже. С другой стороны, мы спрашивали себя, куда делись боеприпасы и почему мы все еще торчим в Сталинграде, вместо того чтобы послать пару свежих дивизий и выбить наконец русских из промышленных комплексов как пробку из бутылки. Работа уже почти сделана.

Потом мы сменили тему на более приятную — Франция. Да и железнодорожникам хотелось бы туда попасть. Там хорошо. Другие служебные обязанности, развлечения и маленькие магазинчики на каждом шагу.

Ездить через Югославию не нравилось никому. Там все время что-то происходило. Наемники и так называемые бандиты устраивали засады и подрывали мосты и туннели. Макаронникам нельзя было доверять по-настоящему. Иногда они даже крутили какие-то дела с балканцами. Только хорваты были достаточно тверды, чтобы сохранять порядок и пресекать любое сопротивление.

Солдаты, направляющиеся домой с фронта («фронтурлаубер») получают «фюрергешенк» (подарок от фюрера) — пакет с продуктами, которые дома стали редкостью, такими как кофе, сахар, сухофрукты, а также с другими вещами для личного пользования

Немцы редко использовали слово «партизан». Мы чувствовали, что это возвышающий эвфемизм, придуманный Советами для оправдания своей жестокой войны банд, противоречащей международным законам и чаще всего бьющей по мирному населению. Мы на юге редко имели дело с партизанами. Но в центральном секторе они были крупной проблемой.

Железнодорожники снова стали драматизировать события. «Да, там, на севере, у литовцев и эстонцев, все под контролем. Там их безжалостно наказывают при любом намеке на сопротивление».

Тема разговора сменилась на подвиги наших солдат, на бомбежки железнодорожной системы и другие более приятные и интересные темы — в основном на рассказы о женщинах. Я ничего не мог добавить в разговор, потому что в этой области мой опыт был невелик.

Поезд наконец прошел по большому мосту, идущему через Днепр, в Киев. На платформах кипела бурная деятельность. Там было множество замерзших итальянцев, бегающих туда и сюда в своих тонких шинелях. Видно было и их офицеров в мундирах, почти сплошь покрытых золотым шитьем. Все они выглядели подавленными. Наверное, как следует получили на русском фронте. В своих смешных головных уборах — шляпах с перьями и

«ночных колпаках» — итальянцы ярким и красочным зрелищем выделялись из всего окружения. По контрасту мы, немцы, были, конечно, зрелищем серым и суровым.

По отбытии из Киева я внимательно смотрел из окна, пытаясь понять, узнаю ли что-нибудь из виденного осенью 1941-го.

Как ни странно, поезд прошел через курортный город Будаевка, где я когда-то провел с шестой батареей несколько дней отдыха, еще до появления Бальтазара. Если бы я только остался во втором батальоне. Меня вызвал бы майор Нойман, и я бы избавился от большого беспокойства.

Петер Шмидт из лучших побуждений добился моего возвращения в IV батальон. Записали ли его бессмысленную смерть у Дона на счет глупости Бальтазара? В потрясениях военного времени я уже давно забыл его лицо. В Ковеле мы, казалось, вернулись во времена казарменного бытья: санобработка, еда, получение продуктовых посылок, объявление благодарности фюрера войскам, печать на отпускном свидетельстве — и мы покатили дальше.

Теперь дата на наших бумагах обозначила начало отпуска, а заканчивался он в тот день, когда там, на родине, мы сядем в поезд, идущий в сторону фронта. Весь остаток пути мы ехали на нормальном курьерском поезде. Паровоз подавал тепло в вагоны. Спереди был вагон-кухня, где продавали горячую пищу и напитки.

Обязательную санобработку в Ковеле пришлось принять как есть, хотя вшей у меня никогда не было. Поезд был не полон. Я делил купе первого класса с незнакомым офицером. Поезд останавливался всего несколько раз, и мы смогли проспать почти всю дорогу. У меня накопился огромный недосып, и стоило отоспаться впрок. Несколько дней отпуска были слишком драгоценны, чтобы тратить их на сон.

Слухи гуляли туда и сюда, сосредоточившись на одном: Сталинград, кажется, окружен русскими, которые прорвались через румын и итальянцев. Их оборона просто растворилась. Я и другие военные, едущие из Сталинграда, яростно спорили, поскольку город твердо удерживался в немецких руках, кроме узкой полоски вдоль Волги на северной окраине.

Бои слегка притихли, и зимой будет спокойнее. Нет, у нас не было никакого беспокойства за Сталинград.

До Эйхенберга я ехал без пересадок, и, проехав несколько километров дальше, я был дома, в Геттингене. Прием был, конечно, теплый. Оказались кстати продуктовая посылка и другие подарки, хотя о голоде речи и близко не шло. Дома все осталось без изменений. Город был практически не тронут бомбежками.

Конечно, доставляли беспокойство пайки и продуктовые карточки, но в теперешних условиях жить было можно. Национал-социалисты были хорошими организаторами. Если бы в 1945-м победители и их немецкие помощники оставили бы действовать уже существующую систему распределения, было бы меньше голода и страданий. Однако в то самое время все, связанное с национал-социализмом, было «фу» и должно было исчезнуть.

Мне редко попадались мужчины призывного возраста. В Геттингене уже многие погибли или были ранены.

Первым делом надо было нанести самый важный визит — к моей Руфи. Она жила в Идар-Оберштайне. Вскоре после приезда домой я поехал к ней. Доехав до Идар-Оберштайна и поселившись в отеле, я позвонил Руфи. Ее голос в телефонной трубке показался больным. Она уверяла, что у нее болит горло и она не сможет прийти. Автобусы во время войны не ходили, и мне пришлось бы садиться на поезд, чтобы возвратиться через Фишбах. Оттуда в девять утра отходила почтовая машина на Херштайн, а остальную часть пути пришлось бы пройти пешком. Машина брала максимум троих. Так что шанс попасть на нее был невелик. Я ожидал от Руфи более радостного приема, меня охватило разочарование.

Руфи недавно исполнилось 19, и, надеюсь, она потеряла хотя бы часть застенчивости. Приехав в Идар-Оберштайн, я просто не мог повернуться и уехать. Почтовая машина стояла у почты в Фишбах-Вайербахе. Пассажирские места в желтом фургоне уже были заняты пожилыми женщинами, но никто не оставил бы снаружи солдата, приехавшего в отпуск. Они нерешительно подвинулись и переставили свои корзины в багажное отделение, куда я тоже запихал свой чемодан и саблю.

Мы ехали через деревни, привозя одни мешки с почтой и забирая другие. Поездка закончилась в Херштайне, маленьком городишке, построенном в Средние века, город до сих пор окружала крепостная стена. К несчастью, никто из женщин не вышел раньше, теснота и неудобство продолжались до самого конца.

Спросив дорогу, я двинулся в путь и вскоре догнал женщин, идущих туда же. Я хотел по-быстрому обогнать их, но они разговорились и задержали меня. Это были «хомячихи», женщины, которые шли от фермы к ферме, покупая столько еды, сколько могли унести. Может быть, не только для своих нужд, но и, скорее всего, на продажу.

Офицер в отпуске обычно ходит с пустыми руками и не тащит на себе ничего. Мой чемодан был не тяжел, но, вместе с саблей, создавал некоторое неудобство. Женщинам с пустыми корзинами

и сумками было намного легче. Но, по крайней мере, местность вокруг была очаровательна. Наконец, я смог отделаться от «своих» женщин, вдруг сорвавшихся к отдельно стоящей ферме.

Идти в одиночку было скучно, и меня раздражал чемодан. Дорога шла через еловые посадки вверх по крутому склону. На горизонте я заметил стройный женский силуэт, движущийся мне навстречу. Не Руфь ли это? Это было бы здорово, но она же простудилась. Двигаясь навстречу друг другу, мы вскоре сошлись, это и вправду была моя Руфь, рядом с которой шла жесткошерстная такса. Руфь дружелюбно, но слегка застенчиво улыбнулась мне. Мы мимолетно поцеловались. Я стал чаще перекладывать чемодан из одной руки в другую, потому что это давало возможность еще раз обнять и поцеловать Руфь.

Я был счастлив и умиротворен — кажется, теперь отпуск пройдет хорошо. Простуда Руфи чудесным образом исчезла. Она свободно и естественно болтала со мной, пока мы шли к старому зданию школы в Викенродте, в котором она жила. Руфь вела меня напрямик, по лугу, чтобы избежать пересудов в деревне. Сначала я встретил в коридоре ее мать. Она носила черное и выглядела опечаленной. Недавно в России убили ее единственного сына.

Как и все остальные, после окончания школы он пошел служить. Кроме прочего, его привлекли рассказы офицеров, приезжавших в школу во время французской кампании и говоривших о победах на западе.

В 1942-м брат Руфи попал на фронт в чине пехотного лейтенанта и был убит во время минометного обстрела в одном из своих самых первых боев.

Чтобы не усугублять ее горя, я не стал говорить о своем военном житье. Это было просто — я хотел провести отпуск в мирном месте, подальше от войны. Мне удалось выбросить из головы весь жесткий опыт последних месяцев. Форма не напоминала мне о войне. Я гордо носил ее и надеялся как-то впечатлить ею Руфь. Как бы я хотел проехаться перед ней верхом!

Носить штатское я не хотел. Я давно вырос из школьной одежды. Форму я носил с весны тридцать восьмого. У меня были прекрасные костюмы, сшитые для меня в Бельгии и Франции, но они были черными, вечерними. Светлых тканей теперь не было.

Из-за войны отец Руфи стал директором школы в большой соседской деревне и снял там комнату, чтобы не делать каждый день долгих переходов. Общественного транспорта там не было, а ездить на своей машине он не мог из-за скудных карточек на бензин. В тот день он сделал исключение и приехал домой после обеда, чтобы взглянуть на меня. Он был крепким, приветливым и живым человеком. В разговоре я узнал, что в Викенродте жили

протестанты, в то время как в Бунденбахе, где он теперь работал, католики, и эта разница с самого начала добавила сложностей ему как директору. Еще католики были скептически настроены к национал-социализму. Как все учителя, он был членом партии и занимал в деревне важный пост ортсгруппенляйтера (политический руководитель крупнейшей административной единицы в крейсе (районе), состоящей из нескольких деревень или малых городов, или части крупного города, в которой проживает 1500–3000 семей) в ранге блоквартса (квартального надзирателя). После 1945 г. его посадили в тюрьму, но потом освободили как явного оппортуниста, а не ревностного наци.

Нет, он никогда не был злобным наци. Он даже участвовал в делах местного церковного прихода, что не нравилось НСДАП. В деревне люди обычно не задумываются о политике — если только она сама не влезет в ссору между соседями. Во вскяком случае, теперь я знал, что и Руфь была протестанткой и религия не могла встать между нами.

В школе было тепло и уютно. Я избаловался на хорошей еде, которую в деревне тогда еще можно было найти. Я гулял с Руфью по красивым окрестностям, не для того, чтобы нагулять аппетит, а ради того, чтобы поцеловаться с ней или поговорить о пустяках. В гостиной мы редко бывали одни, даже если хотели.

Мать Руфи все время работала в примыкавшей к гостиной кухне и то и дело высовывала голову в дверь, чтобы о чем-то спросить или вставить свою реплику. Многочисленные комнаты на первом этаже, над большим залом, не отапливались. Так что у нас было немного возможностей оказаться друг с другом так близко, как нам хотелось. Приходилось остановиться на бесконечных поцелуях. Но нам и этого хватало, чтобы сблизиться насколько возможно, и мы говорили о помолвке и свадьбе. Это было как раз то, о чем я не мог не думать. Ранняя женитьба положила бы конец моему вынужденному воздержанию. В те времена идеал в виде невесты-девственницы, которая выходит замуж за человека, способного ее содержать, был возможен экономически, лишь если муж успевал получить образование. Имея чин обер-лейтенанта, я соответствовал этому критерию — до определенной степени. Так что мужские добрачные упражнения приходилось отложить.

Руфь казалась мне привлекательной и прекрасной женщиной во всех отношениях, не только своими длинными темными волосами и приятной внешностью, но и ее нежной душой. Естественно, она встрепенулась, когда я произнес слово «помолвка». Когда отец Руфи вернулся в Викенродт на выходные, я попросил у него руки его дочери, довольно формально и

зажато. У меня не было твердого представления, как себя вести в такой ситуации. Так что, следуя своей офицерской привычке, я взял быка за рога, чтобы покончить с неопределенностью.

Ответ отца был довольно неуклюжим: «Ну, что я на это скажу? Руфи едва исполнилось 19, она еще слишком молода. Я должен посоветоваться с женой. А что сама Руфь думает по этому поводу?» Мы еще поговорили о каких-то неважных вещах, а потом он позвал Руфь. Ее мать тоже сказала пару фраз. Руфь засмущалась и покраснела, но сказала ему простое и однозначное «да». На этом вопрос был решен. Мы устроили небольшое празднество в узком семейном кругу, хотя было трудно сделать что-то сверх того гостеприимства, которым я и так пользовался. Теперь я хотел как можно скорее добраться до дома, представить родителям свою невесту.

Я позвонил им и рассказал о помолвке и сказал, когда мы у них будем. Следующие несколько дней в доме Бёкелей пролетели как миг. Во всей округе выпал первый снег. Отец Руфи убедил сельского старосту отвезти молодую пару на станцию в Кирн на своей коляске. Это было романтичное путешествие по заснеженным лесам и долинам.

Поезд до Франкфурта был переполнен. Место было только в купе первого класса. Безо всякого смущения мы вошли и сели. Остальные пассажиры, должно быть, заметили, насколько мы любим друг друга. Начался старательно направляемый разговор, который Руфи совсем не понравился. К тому времени, как у нас стали проверять билеты, ей хотелось взять и исчезнуть. Кондуктор отпустил меня безнаказанным, а за ее билет первого класса пришлось доплачивать. До Франкфурта это было дорого. Там мы надеялись найти место в купе второго класса. Руфь чувствовала себя так, словно ее поймали на воровстве.

Во Франкфурте была долгая стоянка, которую я не хотел проводить в зале ожидания на станции. Помахав отпускными бумагами, я купил нам обед в большом отеле через дорогу от вокзала.

Потом, сидя в экспрессе, идущем из Франкфурта, я обнаружил, что наше купе — первого класса, пониженное до второго. Соответствующая табличка была довольно слабо приделана на сдвижную стеклянную дверь купе, так что я ее снял и сунул на полку для багажа. Теперь купе было только нашим, мало кто в те времена ездил первым классом. В поезде было мало народу, места хватало всем. Купе было нашим. Только на остановках, когда сходящие и севшие пассажиры ходили по коридору, мы вели себя прилично. Мы почти не видели пейзажа за окном. Поцелуи и объятия заставили время поездки пролететь

незаметно.

В Геттингене нас встречала моя сестра. Ей за пару дней до того исполнилось 18, и я был потрясен тем, как она превратилась из младшей сестренки в женщину. Она была очень приветлива и даже держала в руках несколько цветов. Родителям понравился мой выбор, и они встретили нас тепло как никогда. В качестве меры предосторожности отец нанял детективное агентство разузнать о семье Бёкелей. Результаты его успокоили. Узнал я об этом уже позже, совершенно случайно. Может быть, родители хотели, чтобы я женился позже, из-за смутных времен, в которые мы жили, но они видели, как я был влюблен. Кроме этого, им понравилась Руфь.

Но теперь люди открыто стали говорить о превосходстве русских в искусстве зимней войны и о большом наступлении, которое замкнуло в окружении нашу армию в Сталинграде. Военные сводки по радио почти все были о Сталинграде. Я не мог в это поверить. Когда я уезжал, ситуация казалась устойчивой. Родители мои, однако, сомневались. Чему верить? Я не хотел, чтобы что-то омрачало время, проведенное с Руфью. Узнаю, что произошло, когда вернусь в Сталинград. Так что я не тратил времени на раздумья о войне — я жил сегодняшним днем и был более счастлив, чем когда-либо раньше. Объявления о помолвке, которые мы разослали, были написаны в самом традиционном стиле, но — по случаю ограничений военного времени — на мягкой газетной бумаге. Отец думал, что сначала помолвку должен одобрить мой командир полка. В общем, он был прав.

Но я об этом не знал и колебался: «Помолвки случаются неожиданно, как буря, потому что ничего нельзя предсказать, так как я могу просить разрешения, если я не знаю, когда состоится свадьба? До нее еще много времени — и, кроме того, мне вряд ли откажут в отпуске для свадьбы, когда у меня отец — государственный служащий и партийный функционер. Что еще им может быть нужно?»

Я тщетно надеялся, что в родительском доме мы сможем сойтись ближе, — этого не случилось. Мать все время была рядом с нами, или сознательно, или из любопытства, или из материнской заботы. Мы так и не продвинулись дальше поцелуев и объятий.

В те дни родителей могли наказать за «купеляй» (сводничество. — *Примеч. пер* .), если бы они позволили помолвленной паре спать вместе. Такие уж были законы, хотя их то и дело нарушали.

В госпитале в Геттингене я навестил одного-двух старых школьных друзей. Один из них, будучи пехотинцем, сильно

обморозил пятки зимой 1941—1942-го, и ему несколько раз проводили ампутации. Война для него кончилась. Я еще не дошел до того, чтобы ему завидовать. Мы были еще молоды и не могли представить себе жизни инвалида. Другой мой друг был серьезно ранен в горло, но уже выздоравливал. Поскольку запасная часть нашего полка стояла в Геттингене, я зашел и туда. Я встретил множество товарищей по оружию, которые ждали назначения на фронт после выздоровления. Остальные так и не попадут на фронт. Они обучали молодых рекрутов. Мой однорукий радист теперь служил в чине унтер-офицера. Его, кажется, все любили. Мой старый командир, майор Футтиг, тяжело раненный в плечо под Киевом, был рад, когда я, проходя мимо, задержался около него. Я не стал говорить ему о проблемах с его преемником.

Там был и Кульман. Он был в прекрасном расположении духа и не торопился на войну. С другой стороны, Футтигу не терпелось обратно на фронт. Кульман днем муштровал новобранцев, а вечером любил ходить в старом Геттингене по многочисленным барам. Он получал от войны наслаждение и чувствовал себя в военной форме важной персоной. Как бывший госслужащий, он всегда чувствовал свою малозначительность, а теперь все было по-другому. Он был слишком милитаризован, хотя и не всегда в плохом смысле слова.

Конечно, я с ними выпивал, и мы были лучшими друзьями. Я больше их не видел. Футтиг был убит в Польше незадолго до конца войны, Кульман умер до того, как я вернулся из плена.

Мой добрый друг Клаус Петерс был в отпуске по ранению после легкой раны. Как же я был доволен, что могу с ним посудачить о своей прекрасной невесте. Клауса я тоже больше не видел. В 1944-м он погиб в России в чине пехотного лейтенанта. Родители его были старыми, а Клаус у них был единственным. Мать так и не оправилась от потери и ни с кем не хотела разговаривать об этом.

Последние дни отпуска, к сожалению, пролетели очень быстро, но это были лучшие дни моей жизни. Может быть, на будущий год мы поженимся. Многие молодые офицеры-фронтовики женились рано и оставляли молодых вдов, с детьми или без. На станции я поцеловал Руфь на прощание, и она исчезла… на годы. На долгое, долгое время все, что мне оставалось, — это воспоминания о ней.

Глава 5 Возвращение в «котел»

На следующий день я пустился в обратный путь на фронт, выбрав дорогу через Ганновер. В Ганновере я смог переночевать у бабушки и дедушки. За ночь несколько раз объявляли воздушную тревогу, но этого было недостаточно, чтобы заставить меня выбраться из теплой постели. Без остановки грохотали зенитки. На Ганновер британские самолеты налетали часто, много домов было разрушено, много людей погибло, особенно в промышленных районах. А позже начался настоящий воздушный террор. Бабушка была очень встревожена.

Дедушка был в больнице с анемией, — возможно от плохого питания. Он был крупным мужчиной с округлой фигурой, привыкшим много есть. В городах это было уже невозможно. Он был счастлив увидеть меня и ждал возможности познакомиться с Руфью.

Эта встреча была, пожалуй, последней. Больше я дедушку не видел. Он снова поднялся на ноги, но умер летом 43-го, когда меня объявили пропавшим в Сталинграде без вести и дома все были уверены, что я погиб. Дедушка был бы рад увидеть меня во главе семьи.

В поезде до Берлина я сидел напротив моложавого оберст-лейтенанта из генерального штаба. Услышав о том, что я собираюсь вернуться в Сталинград, он сказал: «Вы не вернетесь оттуда целым. Сталинград окружен, и там нехорошо».

Это была первая достоверная информация. Пресса и радио в изобилии кормили нас чушью. Сплошные подвиги, совершенные несмотря ни на что.

— Знаете что? Лучше идите в свою запасную часть и доложитесь там. Так приказано сделать всем, чьи части теперь заперты в Сталинграде.

Я ответил:

— Как я могу это сделать, если у меня из документов только отпускное свидетельство? Появись я там, меня тут же обвинят в пренебрежении долгом. Я лучше положусь на бумаги, и посмотрим, куда они меня заведут. Может быть, к тому времени откроется дорога на Сталинград.

— Боюсь, что нет, — сказал офицер. — Вам нет смысла двигаться дальше. Вы можете сказать, что я разрешил вам остаться.

Он уже начал набрасывать на какой-то бумажке строчку за строчкой, но остановился, когда я ясно объяснил, что хочу вернуться на свою батарею. После этого мы успели поговорить на

разные темы, и снова и снова генштабовский офицер озвучивал свой скепсис относительно шансов Германии выиграть войну. «Будьте здоровы и — удачи, она вам понадобится» — с этими словами он сошел в Берлине.

Дорога до Сталино прошла гладко. Там нас, отпускников, возвращающихся в Сталинград, на несколько дней собрали в казармах. Сталино — скучный серый город, но там были кино, музыка, фронтовые театры и вечера развлечений для солдат, пышащие натужной жизнерадостностью.

«Все кончится, все проходит, за каждым декабрем придет свой май», как пелось в популярной тогда песенке. Она была как никогда кстати. Сейчас стоял ужасный декабрь, и к маю — по крайней мере к лету 1943 года — я надеялся, что мою дивизию сменят на передовой другие части и дальше будет тихое и спокойное время в Западной Европе. Я думал о Руфи и нашей свадьбе.

Украинские актеры, которых я видел в Харькове в начале года, больше впечатляли импровизационным талантом. Здесь же чисто германская труппа производила слишком много шума, пытаясь развлечь. По Сталино бегало множество итальянцев. Во многих местах висели фотографии Муссолини и недоразвитого итальянского короля. Фотографий Гитлера я нигде не увидел.

Вскоре после Рождества меня перевели в Ростов, в центр распределения личного состава. В сутолоке входящих и выходящих людей я столкнулся там с ефрейтором Боде моей батареи, он тоже возвращался из отпуска. Мы решили держаться вместе.

В Ростове мы располагались в казармах офицерского резерва армейской группы «Сталинград — Дон». Место было сравнительно хорошим. Ростов был более крупным городом, довольно потрепанным, но не растерявшим всего очарования широких проспектов и фасадов XIX в.

Несмотря на неподходящее время года, русские усердно трудились, стирая след большевистской ненависти к религии с большой церкви в центре города. Меня это впечатлило. Несмотря на годы, прожитые под Лениным и Сталиным, религиозная вера русских оказалась глубже, чем ожидалось. Даже при том, что люди жили в очень смутные времена, они изо всех сил старались возобновить церковную службу. Почему влияние идеологий и тоталитарных режимов так легко сходит на нет? Будут ли однажды столь же легко стерты следы германских нацистов? Мы не считали Адольфа Гитлера преступником, потому что надеялись на сильную, единую Германию, свободную от идеологии, способную занять достойное место среди других

народов.

Как и в Харькове, в Ростове тоже был театр, где пытались ставить оперы и оперетты. Мне нравилось бывать там. При том что я совершенно не понимал языка, это было лучше, чем немцы-конферансье, рассказывающие безвкусные бородатые анекдоты на развлекательных представлениях для немцев.

В уютном «зольдатенхайме» (буквально: «солдатский дом», место отдыха проезжающих солдат или солдат в увольнении; там было радио, книги, газеты и игры, персонал часто набирался из сотрудников Красного Креста) всем управляли сестры из Красного Креста. Они смогли устроить у себя мирную и безоблачную рождественскую атмосферу, чтобы помочь нам избавиться от тревог и тягостного долгого ожидания. Они мало что могли подарить нам, ведь всего не хватало.

Каждый день устраивалась поверка. Для начала на ней выбирали офицеров из пехотных, саперных и противотанковых частей и приказывали отбыть во вновь сформированные «аларменхайтен» («пожарные части»). Эти части формировались из выздоровевших и прибывших из отпуска. На фронте все было плохо. Русские пробивались к району Ростова. Румынские и итальянские части были разгромлены и бежали. Полевые дивизии люфтваффе показали себя не лучше. Это была одна из идей рейхсмаршала Геринга: из-за недостатка топлива и самолетов и общей ситуации на фронте молодой, годный к бою персонал люфтваффе, в основном наземные части, собирался и отправлялся на фронт. Однако Геринг с самого начала не собирался отдавать армии руководство этими частями. Его части отдавались в армейские части по кускам как пополнение. Он хотел иметь свои собственные дивизии, как Ваффен СС у Гиммлера, чтобы он мог показать армии, как надо воевать.

Эти неопытные войска на фронте показали себя с худшей стороны. Их уровень потерь был кошмарен. Только зенитные расчеты были знакомы со своим оружием, потому что уже имели некоторый опыт в наземных боях и показали себя в борьбе с танками. Они были успешнее, но часто истекали кровью, прикрывая отход своих бесполезных дивизий.

Мне было легко догадаться, что как артиллерист я могу попасть в одну из этих наспех сформированных сбродных частей и быть посланным на самоубийственное задание. При этом, не имея ни одного шанса на успех, останется только проиграть. И потом, вполне возможно, придется отвечать за этот проигрыш.

Мне не хватало чувства уверенности в своих — в моей старой батарее. Возможность того, что оборона Сталинграда падет, никогда не приходила мне в голову. В Ростове ни один из

молодых офицеров не мог себе представить исчезновения дивизий, окруженных в «котле». В Сталинграде и вокруг было слишком много закаленных в боях войск. Я думал, что летом я уже не буду на передовой, а, возможно, уже гауптманом женюсь на своей невесте. Но до того мне снова придется «насладиться» войной. Я думал о Бельгии и Франции и о лете в этих странах. Мои мысли крутились вокруг Руфи, которой почти каждый день я писал теплые письма — так часто, насколько хватало здравомыслия.

Теперь я понимал, что нужен в окружении и что на своей батарее я был единственным офицером. Наконец моим просьбам дали ход и выдали пакет курьерской почты для руководства армии в Гумраке.

Так что я получил билет на самолет и мог даже взять с собой Боде, который не хотел оставаться один. Любая разумная оценка ситуации в окружении привела бы к полному прекращению таких полетов, доставлявших в «котел» новые рты. Там уже было достаточно людей, которым приходилось терпеть недостаток еды и патронов.

У штабов высокого уровня не было картины происходящего и ясного представления о настоящем положении дел. Они издавали приказы, пожимали плечами, втыкали цветные булавки, отмечая постепенно ухудшающееся положение на фронте, и передвигали дивизии на бумаге: «сбор в районе XY… передвинуться на линию RQ… ликвидировать русский прорыв у R… оборонять железнодорожную насыпь у HC… ждать дальнейших указаний…» — все было на бумаге и ничего не стоило.

В то время я не знал, что группой армий, включая окруженную 6-ю армию Паулюса, командовал фельдмаршал фон Манштейн. После войны Манштейн в книге «Утерянные победы» изобразил себя великим военным вождем, которым, может быть, он и был, — но он едва упомянул Сталинград. Он старался во всем винить Паулюса, хотя сам он не дал никаких четких указаний, когда Паулюс его просил. Фон Манштейн «предложил», чтобы Паулюс пробивался наружу. Почему тогда он прямо этого не приказал? Гитлер был против прорыва. Он не хотел сдаваться, потому что уже «взял» город в сентябре и получил контроль над Волгой. Паулюс следовал за Гитлером. Он не был особенно смелым человеком. Манштейн, у которого было лучшее представление о ситуации, должен был вмешаться. Фельдмаршалу стоило бы проявить большее мужество, особенно когда речь идет о жизни и смерти его войск.

Жизнь солдат не была самой важной вещью для Гитлера, когда он думал о будущем. За катастрофу в Сталинграде во

многом стоило винить Геринга. Он не мог выполнить свое обещание перебрасывать по воздуху столько припасов, сколько было нужно, — и он это знал еще до того, как обещал. Он деградировал, превратившись в напыщенного пустомелю, накачанного наркотиками.

Забираясь вместе с Боде в транспортный самолет Ю-52 на ростовском аэродроме, я был вынужден протиснуться мимо большого, надежно принайтованного ящика с бумажной наклейкой «Рождественские поздравления командиру крепости Сталинград генерал-оберсту Паулюсу». Я счел надпись безвкусной и неуместной. По мне, крепость — тщательно выстроенная оборонительная позиция с безопасными убежищами и подходящим оборонительным вооружением, а также с достаточным количеством припасов. В Сталинграде ничего этого не было! В целом, Сталинград был бардаком, который стоило как можно быстрее привести в порядок.

Думаю, в ящике была выпивка и закуска для больших чинов… по вполне понятной причине. Теперь, когда войска в окружении голодали, этот широкий жест был не к месту, был непозволителен и даже провоцировал на неповиновение.

Несколько часов прошли в ожидании, приправленным опасливым любопытством. «Юнкерс» летел над заснеженными полями, медленно набирая высоту, потом падал вниз как лифт, повторяя все это снова и снова. Не могу сказать, что моему желудку это нравилось. Я не привык летать самолетом. Слева я видел горящие сараи, дома и густой дым от горящих нефтяных баков. «Тацинская, — сказал летчик. — Аэродром, откуда снабжается Сталинград. Мы его называем Таци. Русские недавно раскатали нас своими проклятыми танками — весь аэродром и все, что вокруг. Но теперь мы его отбили».

Вскоре мы приземлились в Морозовской, на другом аэродроме снабжения. Русские и здесь были близко. Был слышен артиллерийский огонь и лай танковых пушек. На летном поле к бомбардировщикам и истребителям подвешивали бомбы. Я слышал, как кто-то сказал: «Они сейчас быстренько подпрыгнут и разгрузятся вон там, на Ивана». В отдалении были слышны разрывы. Все вокруг нервничали.

Первым делом мы хотели согреться, найти что-нибудь поесть, а потом узнать, как нам попасть в Сталинград. Поскольку наши собирались оставить аэродром в Морозовской, можно было брать сколько хочешь зимней одежды и еды. Мы с Боде обеспечили себя зимней формой, войлочными сапогами и ранцами, которые мы набили хлебом и консервами, в качестве маленького подарка ребятам с нашей батареи.

— Все, что мы привезем, приведет товарищей в восторг, — заметил Бодеме (У немецких солдат было два слова «товарищ». Члены нацистской партии обращались друг к другу «геноссе». Это слово было официальным. А слово «камрад» было солдатским обычаем еще с первой мировой. — *Примеч. пер* .) В окружении, кажется, был настоящий голод. Вокруг стояло несколько самолетов Хе-111, в которые грузили припасы для окруженных. Туда же полетели оба наших ранца. Боде нашел где присесть у носовой турели. Мне пришлось забираться в другой самолет и устраиваться между ящиков и мешков. Вскоре после взлета самолет резко накренился влево. «Неправильно размещен груз, надо все быстро исправить, иначе мы не полетим!» Мы быстро сели обратно в Морозовской. Пока мы ждали в столовой, попивая шнапс, я наконец согрелся. На летном поле кипела работа. Кроме двухмоторных бомбардировщиков и нескольких Ю-52 стояли многочисленные одномоторные самолеты — «штуки» и истребители. Они непрерывно взлетали и летели бомбить близко подошедшего противника. Наводящее на нехорошие мысли множество никуда не летящих транспортных самолетов, в основном поврежденных, размещалось вдоль края летного поля. Летчик сказал, что их 60, из них всего 7 могут летать.

Я слышал, как кто-то сказал:

— Так у них со снабжением ничего не получится. Мы не можем нормально прогреть двигатель и заставить его работать на таком холоде. Всегда что-то ломается. Тацинская по уши в дерьме, и скоро тут будут русские. А тогда все, «спокойной ночи, камрад».

Второй взлет тоже оказался неудачным. «Старая кляча наконец получила свое, чертов утиль». И я снова должен был ждать. Я пошел прогуляться и оглядеть деревушку. Здесь стояла колонна из 6-й танковой дивизии, недавно прибывшей из Франции. Я вернулся в мыслях к Харькову, где прошлой весной точно так же завидовали нам, разгружавшим материальную часть. «Они еле могут двинуться от своей силы, все с иголочки — танки, машины и солдаты. Все готово к зимней войне и выкрашено в белый цвет. Они производят превосходное впечатление», — подумал я.

Вокруг снова зажужжали слухи: «Мы уже прорвали окружение. Русские бегут, как раньше…» Я хотел этому верить, особенно после того как увидел эти уверенные в себе войска. Моя вера в то, что этот кризис мы преодолеем, крепла.

Правда, неизвестная мне в то время, ввергла бы меня в уныние и, скорее всего, удержала бы меня от того, чтобы лететь в Сталинград. Я ждал, что 6-я танковая дивизия со своим отличным

вооружением войдет в танковую группу Гота для наступления на Сталинград. Но их вскоре превратили в «пожарную бригаду» для того, чтобы ликвидировать прорывы русских в районе Тацинской, направленные на Ростов. Вдоль Чира шли отчаянные бои. Танковый корпус генерал-полковника Гота, со сравнительно слабыми танковыми частями, пытался с юга прорвать кольцо окружения вокруг Сталинграда. Они смогли подойти к «котлу» на 48 километров. Затем у них закончилась движущая сила. Последняя надежда 6-й армии на освобождение была утеряна. Гибель стала неминуемой.

Танки Гота были все нужны на угрожающем юго-западном фронте. В сущности, Сталинград уже сдался бы еще до Рождества. Тогдашняя моя уверенность может показаться наивной, и, наверное, такой и была — но я всегда был оптимистом. Такой подход делал жизнь легче. Он позволил справиться с ужасами войны, со страхом быть убитым или искалеченным, и даже с ужасными годами советского плена.

После обеда мы попытались вылететь еще раз: на этот раз в составе трех Хе-111 мы под прикрытием облаков долетели до Дона. Над рекой облака неожиданно исчезли, и на нас сразу обрушились русские истребители. «Назад, в облака, и — на Морозовскую, хватит на сегодня!» — сказал летчик.

В тот день обнаружилась еще одна возможность улететь в Сталинград: началась заправка и дозагрузка большой группы Хе-111 с контейнерами снабжения под брюхом. Тем временем стемнело. На этот раз полет прошел без проблем. Я видел Дон, тут и там изредка поднимались сигнальные ракеты. Из-за артиллерийского огня было прекрасно видно, где проходит передовая у обеих сторон. После этого самолет начал снижение, включились посадочные огни, и шасси соприкоснулось с землей. Но самолет снова начал взлет, набрал скорость и развернулся. Я пролез через ящики к пилоту.

— Я думал, мы уже там, — сказал я ему.

— И слава богу, — ответил он.

Русский самолет прошмыгнул между снижающимися «Хейнкелями» и сбросил бомбы на посадочную полосу. Левое колесо моего «Хейнкеля» попало в воронку в мерзлой земле, и летчик с трудом смог снова поднять машину в воздух. Теперь речь шла о посадке на брюхо, но не здесь, на местном аэродроме Питомник внутри кольца окружения, а в Морозовской. Кто знает, что будет, если пытаться садиться здесь. Другое колесо, или, вернее, его стойку, заклинило. Вручную оно не выпускалось.

— Черт! — сказал летчик. — Лучше уж прыгать с парашютом! — Они обсудили возможность прыгать с парашютом.

Я, как пассажир, не был рад это слышать, потому что на меня парашюта не было. Я начал беспокоиться. Стоит ли мне лететь на свой страх и риск или проще застрелиться?

Ну, летчики тоже не представляли, как они будут прыгать — потому что раньше они этого ни разу не делали. Может быть, остается шанс безопасно проехаться по обледенелой полосе. Я даже отчасти успокоился. Когда мы садились в Морозовской, мне уже казалось, что все в порядке и меры предосторожности — только перестраховка. «Очистить нижнюю гондолу, стальной шлем надеть, спиной упереться во внешнюю стенку». Потом самолет накренился влево. Он ударился о землю и разломился. Я сидел в оцепенении, пока не почувствовал струю холодного воздуха, идущую в фюзеляж снаружи, и не услышал голоса: «Все в порядке? Выходите!»

Все левое крыло, включая двигатель, было оторвано, нижняя гондола была смята, а передний стеклянный купол — разбит. Я схватил свои вещи, включая курьерскую сумку с почтой, и вылез. Подлетели пожарная машина и «Скорая помощь», но мы были невредимы, а самолет не загорелся. Как и ожидалось, «Хейнкель» заскользил по льду и потом разломился. На мягком грунте такого бы не произошло. «Снова чертовски повезло», — подумал я, но на этот раз смерть прошла совсем близко.

Собственно, я был удивлен, что события дня не отразились на мне сильнее. Я всего лишь устал и лег спать на столе в комнате, смежной с пунктом управления полетами. Но до того мне предложили еду и много алкоголя — все лучшего качества. Летчики были само гостеприимство. «Когда у нас кончатся припасы, война кончится. С нашими связями жажда и голод нам не грозят…»

В середине ночи меня вырвали из сна. Беспокойство, крики, хлопающие двери, шум моторов: «Морозовскую эвакуируют! Русские на подходе!» Снаружи закипела бешеная активность. Все что можно увязывалось и бросалось в кузова грузовиков. Я подхватил немного деликатесов, включая французский коньяк, и начал расспрашивать о следующем вылете на Сталинград.

— Сталинград? Пошел ты со своим Сталинградом. Отсюда больше никто не полетит. У нас тут и без того хватает беспокойства. Какого черта тебе нужно в Сталинграде? — спросил один офицер.

— И что мне теперь делать?

— Или прыгай в грузовик, или поищи самолет, но самолеты все для летчиков, так что тебе, наверное, не повезет.

Кто-то еще наорал на меня:

— Куда? Все равно куда! Проваливай отсюда — или хочешь

устроить русским торжественную встречу?

Я бесцельно бегал туда и сюда, никого не узнавал и не нашел ни одного четкого ответа. Тут в пункте управления полетами доложился еще один пилот.

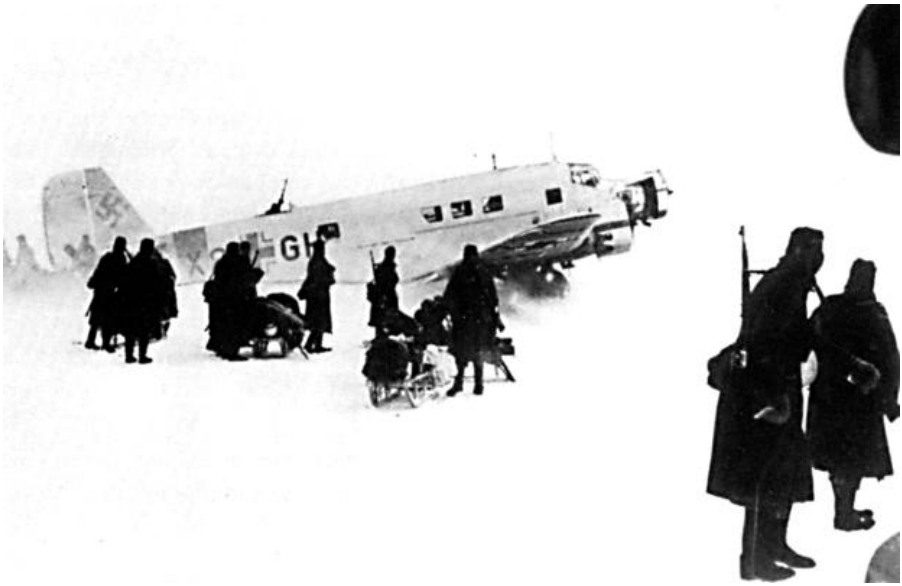
— У вас не найдется для меня место? — спросил я его, не надеясь на ответ.

— Если не боитесь холода, то я лечу на «клемме», у него открытая кабина.

«Клемм» был маленьким низконесущим монопланом с двумя сиденьями и открытой кабиной — спортивно-тренировочный самолет, — который использовали как курьерский. Мне это годилось. Я подхватил мешок с едой, забрался на сиденье перед летчиком и пристегнулся. Нам нужно было лететь в Ростов, потому что оттуда он и прилетел. В первом свете дня мы взлетели. Только два Хе-11 готовились взлететь следом. Первые русские снаряды стали рваться на периметре летного поля.

«Клемм» летел над степью очень низко, балки и деревушки были почти скрыты снегом. Холод особо не донимал. Я был в зимней форме, и войлочные сапоги пришлись очень кстати. Голове было тепло в меховой шапке с ушами, и я скорчился пониже, прячась за ветровым щитком. Мы приземлились в Ростове; опять Ростов.

Как теперь добраться до Сталинграда? Припасы теперь доставлялись через Сальск. Где находится этот Сальск? Как туда попасть? Антикварный Ю-86 с двигателями, конвертированными с дизельного топлива на бензин, вез в Сальск запчасти и мог забрать и меня. Куда девался Боде? Долетел ли он до Сталинграда? Вернулся ли он на батарею? Стоит ли батарея на старом месте?



Ю-52 с припасами приземляется в сталинградском «котле». Воздушный маршрут снабжения был ненадежным и легко прерывался плохой погодой, но даже в оптимальных условиях обеспечивал лишь долю минимальных потребностей армии

В Сальске базировались эскадрильи Ю-52. Большинство еще рассчитывало на «тетушку Ю». Мои путевые документы начали вызывать некоторые сомнения. Меня почти обвинили в том, что я брожу туда-сюда за линией фронта вместо того, чтобы вернуться к своим людям или присоединиться к пожарной части. Только сумка с курьерской почтой придала убедительности моим словам.

Когда я пытался найти место в большой казарме, чтобы согреться, один летчик сообщил мне, что хочет доставить меня в Питомник. Большая группа Ю-52 собиралась после наступления темноты прорваться внутрь кольца окружения. В одном из них, полном бочек с топливом, я нашел сидячее место за прозрачным колпаком, сбоку от места радиста. Я бросил рядом с собой свой мешок с продуктами, в котором была и курьерская сумка. Почта уже давно потеряла всякое отношение к последним новостям. Под нами появился Дон. Мы начали снижение к аэродрому Питомник.

Радист нервничал и указал на небольшую дырку в фюзеляже:

— Двухсантиметровая зенитка, наша… черт… ЧЕРТ!!! — крикнул он пилоту. — Один такой в бочку с топливом, и мы зажаримся! — ответил он.

— И что теперь? — спросил я, не надеясь, что мне ответят.

Самолет покатился по земле. Снова русские прошмыгнули сквозь наш строй и сбросили бомбы на посадочную полосу. Наши зенитки стреляли в промежутки между нами. Но в конце концов все обошлось.

Я наконец «счастливо прибыл» в сталинградский «котел». Самолет добежал до края аэродрома. Открылись люки, и экипаж стал сам выталкивать из самолета бочки с горючим. Я вылез на крыло, попрощался с ними и огляделся. Поперек полосы шли к нам, спотыкаясь, оборванные, плохо одетые раненые солдаты. Они отчаянно пытались попасть на самолет и улететь. Но летчики уже закрыли люки, и все три мотора заревели. Крики, команды, чьи-то слова «мы не хотим здесь остаться насовсем!» были последним, что я услышал от летчиков.

Двигатели взвыли, и самолет двинулся с места. Они взлетели по собственной инициативе, не имея никаких указаний и не связавшись с пунктом управления полетами. Самолет исчез в темноте, и кричащие раненые, которые не один раз пытались ухватиться за самолет, тоже исчезли. Несколько их ползало в снегу на четвереньках, ругаясь и хныча. Они были грязными, неопрятными, заросшими бородами, изнуренными, в пропитанных кровью повязках, обмотанными тряпками как цыгане и совершенно забывшими о дисциплине.

Вокруг, насколько хватало глаз, не было ни военной полиции, ни медиков. Никогда раньше не видел в вермахте подобного хаоса. Наверное, так выглядело разбитое войско Наполеона у Березины. Во мне проснулась смесь ужаса и сострадания. Я почувствовал себя брошенным и подумал: «Лучше бы тебе остаться снаружи, а не настаивать на том, чтобы попасть сюда». Если бы я пошел в запасную часть в Геттингене, я смог бы подождать развития событий.

Я побродил по округе и наконец нашел глубокий блиндаж со входом, завешенным плащ-палаткой. Вокруг были вспышки зенитного огня и разрывы бомб. Я вполз в блиндаж, где меня встретила вонь немытых тел и остатков еды. Встретили меня враждебно.

«Откуда? Куда?» Когда я описал свои приключения, надо мной посмеялись.

— Вы, наверное, совсем свихнулись, герр обер-лейтенант. Теперь, как и все мы, вы по уши в дерьме — по самые уши. Обратные билеты положены только раненым — без головы, без ноги и так далее, и при этом нужно еще найти себе самолет! — сказал один штабс-ефрейтор. В его словах не слышалось никакого нарушения субординации — скорее сожаление.

Это было просто катастрофическим завершением отпуска. Насколько все было хорошо в начале, настолько ужасно все было в конце. По крайней мере, в Питомнике царил абсолютный хаос. Никто никому не отдавал четких приказов, и беспомощные, отчаявшиеся раненые лежали и бродили где угодно.

— А как там наши танки, они уже пробились? — Это было ранним утром 29 декабря 1942 г. Наши танки намертво встали в колеях многими днями ранее. Наступление для прорыва сталинградского окружения с юга было слишком слабым с самого начала. Еще один случай, когда у наших войск оказалось недостаточно сил, чтобы достичь желаемого. Несмотря на это, разочарованные солдаты в бункере не ожидали падения 6-й армии.

Снаружи беспрерывно рвались бомбы. Я снова и снова спрашивал себя, умно ли было возвращаться в Сталинград. Я пытался избавиться от мрачных мыслей. Моя вера в руководство Германии еще не рухнула окончательно. Смертельно усталый, вскоре я заснул.

Глава 6 Последняя битва в «Крепости баня»

Когда на следующее утро я проснулся, солнце светило на степь с совершенно чистого неба. Блеск снега ослепил меня. Выйдя на свет из темного блиндажа, я с трудом мог открыть глаза. Жуткая ночь закончилась. В небе были немецкие истребители, а русских самолетов видно не было. Я попрощался с хозяевами и пошел к пункту диспетчерской службы. Там все передвигалось бегом.

Поскольку я вез курьерскую почту, до командного пункта 6-й армии в Гумраке мне вызвали машину. Командный пункт был кучкой встроенных в склон бревенчатых хижин. Там все было наполнено шумом управленческой работы и общим гвалтом — щелкали каблуки, резко вскидывались руки, отдавая честь. Почту приняли — но, думаю, она не имела никакой ценности. Мне сказали подождать. Слушая обрывки телефонных разговоров, я понял, что сейчас они пытаются создать из ничего новые «аларменхайтен». И туда им были нужны офицеры. Желай я такой карьеры, я пошел бы в «пожарную часть» еще в Харькове, где условия были куда лучше. Я тихо выскользнул наружу, не привлекая ничьего внимания. В перегретом блиндаже было душно. Снаружи лежал снег и было минус двадцать. Закинув ранец за плечо, я пошел по следу колес в сторону летной школы. Местность была мне знакома, даже теперь, когда везде лежал снег.

Проезжавший мимо грузовик подвез меня. Я шел почти по той же дороге, что и 14 сентября, во время первого визита в город. Орудийные позиции моей 2-й батареи были все на том же месте. Когда я появился в подвале бани — естественно, я был встречен множеством приветственных возгласов. Боде прибыл за много дней до меня. Он все сделал с первой попытки и рассказал остальным, что если «Старый» вскоре не приедет, то не появится вовсе. Это значит, он — все, он свое получил. Вспомните — мы взлетали в одно и то же время. Боде был всего на несколько лет младше моих двадцати двух, но для солдат я был «Старым».

Содержимое ранцев, которые привез Боде, давно поделили и съели. Их поделили честно, но с ними разошлись и мои личные вещи, оставшиеся на батарее, когда я уехал в отпуск. Было в этом какое-то смутное неудобство. Поскольку я «воскрес», то через ординарца мне все вернули. Я был им благодарен. В войну люди думают и поступают более практично. В любом случае я был даже

рад оказаться в «знакомом окружении».

Скоро я отправился на наблюдательный пункт, взяв свой ранец с продуктами, потому что там ничего не получили из ранцев Боде. Причиной для этого было названо то, что со времени моего отсутствия там и так получали специальные пайки, якобы за нахождение в большей опасности. На позиции для передков едят куда больше, подумал я, — до того, как еда попадает на передовую.

Я с самого начала счел это объяснение преувеличенным и пристрастным, но ничего не сказал, потому что сначала хотел услышать, что скажут мне. Собственно, мой заместитель, лейтенант с другой батареи, действительно назначил обильные пайки наблюдательному пункту — а значит, и себе. Во время обычных боевых действий от солдат на наблюдательном пункте требуют больше, чем на огневых позициях или даже в обозе. Но здесь, в Сталинграде, мой НП жил более комфортно. Чтобы избегать недовольства, нельзя заводить любимчиков, особенно когда припасы строго ограничены.

При том что я во время отпуска растолстел, с первого дня в окружении я сидел на здешнем голодном пайке. Солдаты на батарее жили так уже месяц. Я не отпускал от себя мешок с едой, потому что нужно было как следует подумать, как его разделить.

Первым моим приказом было абсолютно равное питание для всех солдат батареи. Дальше я доложил о вступлении в обязанности командиру батальона и также уведомил командира полка о своей помолвке. Хотя встречали меня с радостью, командир полка хотел знать, почему я не обратился к нему за разрешением жениться. В конце концов мне пришлось идти к нему на доклад, и я был слегка озадачен. Я извинился, но указал, что не знал об этом, и, кроме того, отправляясь в отпуск, не знал, что он закончится помолвкой. Это было спонтанное решение, случившееся потому, что подвернулась такая возможность.

Подполковник фон Штрумпф слегка подобрел и выслушал мою историю. Я рассказал о семье своей будущей жены и обещал, что обращусь к нему за разрешением жениться, когда будет планироваться день женитьбы. Так я собирался исправить свою оплошность, но командир сказал:

— Что случилось, то случилось, — кто знает, понадобится ли вам разрешение на женитьбу. При том, как тут идут дела, сомнительно, чтобы вы снова увидели свою невесту. В любом случае поздравляю.

Он глотнул из бутылки, и мне пришлось показать фотокарточку Руфи. Ее придирчиво рассмотрели.

— У него хороший вкус, будьте уверены… — я вздохнул с

облегчением. Все же меня угнетало, что старая военная лошадь, наш полковой командир, выражает такой пессимистический взгляд. Это было на него непохоже. Я бы, наверное, предпочел получить небольшую взбучку.

Положение дел в обозе было неудовлетворительным. Шпис слишком много думал о себе и своих дружках. Это уже попортило всем много крови. Шпис мне с самого начала не нравился, так что я поговорил с командиром батальона. Он был пожилой резервист с академическим образованием. Мы решили поменять часть личного состава. На замену моего шписа я получил оберфункмайстера из штабной батареи, который не сработался с адъютантом. Парень был ценным приобретением. Новый шпис был честен и храбр, уже был награжден Железным крестом первого класса и мог бы удержать батарею в грядущих трудных временах. Каждые несколько дней он появлялся на наблюдательном посту, а также ходил на Волгу, где стояли две 76,2-мм пушки. Он даже навещал корректировщика на его посту в развалинах. И это не входило в его обязанности. Когда я спросил его, зачем он это делает, он ответил: «Может быть, в этом мало смысла, но хорошо, когда время от времени шписа видят на передовой, потому что они тогда будут знать, что я не так легко праздную труса».

Положение на фронте дивизии по Волге оставалось сравнительно спокойным. Возможно, общее положение дел в окружении и было лучше, чем думали многие. Если бы только со снабжением было получше! За исключением пары больных желтухой, которые были сразу же эвакуированы на самолете, на батарее за время моего отсутствия потерь не было. Причина такой хорошей жизни на батарее была в том факте, что она стояла далеко на востоке, на безопасных позициях в городе. Большая часть лошадей и ездовых была даже не внутри «котла». Их отослали далеко, западнее Дона, в район содержания лошадей, потому что для позиционной войны они были не нужны. Прошлой зимой у нас было много неприятных моментов, связанных с лошадьми. Теперь за ними в колхозе хорошо смотрели и кормили.

На западной стороне города в балке расположился наш обоз, со шписом, полевой кухней и казначеем. Немногие имеющиеся здесь лошади использовались для подвоза боеприпасов или перемещения пушек.

После того, как меня в отпуске хорошо кормили, теперь я постоянно страдал от голода — как и все остальные. Свой мешок с едой я пожертвовал в пользу спонтанно собравшегося празднования Нового года, каждому на батарее досталось по чуть-

чуть. Этот жест был хорошо встречен, хотя каждому и досталось так мало. Всех свободных от службы пригласили в большой уютный подвал, где располагался командный пункт. Кофе и алкоголя еще хватало. Мы надеялись, что 1943-й будет к нам больше расположен.

Из-за разницы во времени русские прислали яростный «фейерверк» ровно в 23.00 по германскому времени (вермахт жил по берлинскому времени — «Москва минус один час», а Красная армия — по московскому. — *Примеч. пер .*), так сказать, поздравив нас с Новым годом. В качестве меры предосторожности я послал своих артиллеристов на позиции. Возможно, это еще не все. Поскольку снарядов не хватало, мы не ответили, но вечер в любом случае был испорчен.

Первого января командир батальона устроил офицерам прием со шнапсом. На этих празднествах другой выпивки не было. От нашей батареи на приеме был только я, потому что лейтенант после приглашения получил другие задачи. Пьянка была ужасная. В конце я был пьян просто в сосиску. Обычно в меня вмещается очень много. И куда тяжелее, чем пить, было наутро общаться с адъютантом — мои солдаты утром привезли меня к нему на ручных санках. Они никогда меня таким не видели. Но первое раздражение вскоре сменилось печалью, когда на следующий вечер в лестничную клетку на водочном заводе попала бомба. Штаб батальона был там, в подвале. Туда был приглашен дивизионный католический священник. Они как раз провожали его, когда его, командира батальона и адъютанта постигла эта участь. Все трое погибли.

На следующий день батальон принял молодой гауптман из дивизионной моторизованной артиллерии, мы его не знали. Когда я возвращался обратно на мой командный пункт после первой встречи с ним, мне в руку попал снарядный осколок. Я надеялся на хейматшус (ранение, служащее основанием для отправки домой), но это была лишь царапина. Мне даже не пришлось идти к медику.

Новый гауптман был приятным парнем, ровным в общении и дружелюбным, хотя, возможно, слегка наивным. Когда он вскоре посетил меня на моем чудесном КП, он пожаловался на то, что голоден, и без смущения попросил что-нибудь на завтрак к той порции водки, что я ему предложил. Я был ошеломлен: хотя в обычных обстоятельствах это было вполне в порядке вещей, в окружении, где все голодали, об этом не могло идти и речи. Из ниши у своего спального места я достал ему кусок колбасы и кусок хлеба и приказал вестовому накрыть нам стол. Этого было немного. Гауптман быстро и со здоровым аппетитом все это съел,

и, когда мы выпили еще немного водки, он спросил, почему я не ел с ним.

«Вы едите мою дневную пайку — и что после этого есть мне?» — был мой довольно невежливый ответ.

На второй батарее не было гостевых пайков. По дипломатическим причинам я в любом случае не мог есть с ним. Солдаты ждали, чем закончится дело. Наш новый командир не был грубияном. Он никак не отреагировал и доел то, что перед ним лежало. Мы немного поговорили о том о сем и расстались в довольно хорошем расположении духа. Той же ночью связной принес от него немного еды — ровно столько, сколько он съел утром. С тех пор он никогда не ел на батареях, ранее принимавших его со всем гостеприимством. Мои профессиональные отношения с ним из-за этого инцидента не пострадали. Он был хорошим парнем, просто не всегда думал как следует.

Почта еще работала. Я писал письма много и часто и получал письма из дома. Неожиданно на батарее начались волнения. До сих пор шли разговоры о прорыве. Эту идею обсуждали с самого начала окружения, когда я был еще в отпуске. Тогда у прорыва были хорошие шансы на успех, но теперь мы были усталыми, голодными и измотанными, и у нас не было горючего и боеприпасов.

И все же оставался некоторый стимул. На батарею пришли три грузовика «Шкода» и два трехосных грузовика «Татра». Эти грузовики были нужны для перевозки пушек, боеприпасов, полевой кухни и самого необходимого оборудования связи. Мы даже получили с ними немного снарядов, так что теперь было по 40 снарядов на орудие. Больше доставки снарядов не предвиделось. Сто шестьдесят снарядов было лучше, чем ничего, но с таким количеством Сталинград не завоюешь. У нас было следующее правило: по проверенным на практике наставлениям, на подавление вражеской батареи было нужно 120 снарядов, и вдвое больше — для полного уничтожения. Могли несколько лишних снарядов оправдать существование нашей 2-й батареи? Первую уже расформировали и отправили в пехоту, развернув вдоль Волги. Оттуда забрали настоящую пехоту и отправили в степь. Заполнение прорех на передовой началось давно, но смешивание разных родов войск и разного оружия скорее ослабляло нашу способность к сопротивлению, чем усиливало. Когда дойдет до боя, нужны надежные соседи, которые не бросят тебя.

Напряженная подготовка к прорыву вновь подняла наши надежды. Командир нашего корпуса, генерал фон Зейдлиц,

считался душой идеи прорыва, а вот Паулюс все колебался. Находились даже такие, что заявляли, что Паулюс больше не в котле. Во всяком случае, его никто не видел. При попытке прорыва, на этом все сходились, потери будут высоки. И все же это было лучше, чем ждать у моря погоды в этом чертовом окружении. Прорыв высвободит невиданную энергию и будет осуществлен во что бы то ни стало. Теоретически нас ждала удача. Но до того, как он должен был состояться, все солдаты, без которых можно было обойтись, были собраны и отправлены на западный край окружения заткнуть дыры в степной обороне, где русские непрерывно нащупывали бреши в линии фронта.

Нашу 71-ю пехотную дивизию предложили на завидную роль «заместителей героев», поскольку она располагалась на сравнительно спокойных позициях у Волги и не проявила ни малейших следов распада. Даже снабжение в дивизии было лучше, чем у других. У нас был доступ к большому элеватору и, как у части на конной тяге, у нас была возможность время от времени забивать по лошади, когда уже некуда было деваться от голода.

Всех выпускников средней школы выдвинули кандидатами в офицеры резерва, но так никуда и не отправили. Сама логика этой схемы была сомнительна. Способность этих людей вести за собой солдат даже не проверялась. Те, кто занимал важную должность, оставался в своих частях. В конце концов, люди со средним образованием просто растворились в общем хаосе. Какой от них был толк, когда все способные держать оружие были нужны для прорыва?

Импровизированные «пожарные части» нужно было везти в степь на грузовиках. Пеший марш был слишком изнурителен для истощенных людей, и их бы надолго не хватило. И вот мои грузовики исчезли и не вернулись, хотя вернулось несколько выживших. Они были контужены и замерзли до полусмерти. При том, что этих солдат — совершенно неопытных в роли пехоты — ничему не обучили и даже не объяснили задачу, их вывезли прямо в степь. По дороге головной грузовик был подбит русским штурмовиком. Идущий следом поймал снаряд танковой пушки.

Фронт был воображаемой линией, проходящей просто по снегу. Он был объявлен «главной линией обороны», на которую могут при нужде опереться передовые пехотные части. У большинства солдат не было зимней одежды. Они носили тонкие шинели и кожаные сапоги, в которых промерзала каждая косточка. Они рыли в снегу норы и, где можно, строили снежные хижины, чтобы согреться. О том, чтобы выстроить связные оборонительные позиции с надежными блиндажами, речи и не

было. Офицеров — беспомощных и в основном необстрелянных — к ним назначали редко. Солдаты не знали друг друга, не имели личных отношений между собой, и всякая уверенность в соседе исчезла.

Когда пехотные части были вынуждены отступить перед русскими, которые атаковали только при поддержке танков, то вскоре обнаружили, что у новой линии обороны нет средств, чтобы их остановить. Как только наступающие русские солдаты обнаруживали серьезное сопротивление, они просто вызывали свои Т-34 и расстреливали наспех выстроенные укрепленные точки, разнося их на куски. Тех, кто оставался жив, перемалывали танковые гусеницы. Разбросанные останки окрашивали русскую степь в красное.

Даже когда русские не атаковали, наши линии обороны иногда исчезали сами. Люди голодали, их выставили на мороз, у них не было патронов, и — к лучшему или худшему — они зависели от милости превосходящих сил русских. Боевой дух был низок как никогда.

У меня до сих пор сохранилось несколько сводок по нашему 211-му пехотному полку, но они от сентября 1942-го, времени, когда 71-я пехотная дивизия наступала на Сталинград. В это самое время в штабе второго батальона было 2 офицера, 4 унтер-офицера и 13 солдат; в 5-й роте был всего 1 унтер-офицер и 9 солдат; в 6-й роте был 1 офицер, 2 унтер-офицера и 10 солдат; в 7-й роте было 4 унтер-офицера и 10 солдат; наконец, в 8-й роте было 5 унтер-офицеров и 35 солдат. В январе 1943-го дела обстояли так плохо, что и эти цифры уже не соответствовали положению дел.

Эти новые сбродные части распадались и несли огромные потери из-за того, что они были слишком смешаны и перепутаны, так же как цепь инстанций и пути их снабжения. Соседей справа и слева никто не знал, и некоторые солдаты просто исчезали в темноте, чтобы появиться в своих старых частях. Даже многие обстрелянные пехотинцы поддавались этому искушению и исчезали в подземном мире разрушенного города. Солдаты, сбежавшие с фронта, не выглядывали из города. Разрозненные солдаты из разбитых частей и бежавших обозов, все без командования, малыми и большими группами стремились в Сталинград. Они искали спасения в подвалах разрушенных домов. Там уже были сотни раненых и больных солдат. У военной полиции не было возможности вытащить из этой смешанной массы годных к бою и отправить их обратно на фронт. Лишь для того, чтобы найти еду, покидали свои норы эти так называемые «крысы».

Командиры нетронутых частей — как и я — снова и снова получали приказ направить людей в пехоту. Мы не могли отказаться. И все, что мы могли сделать, — посылать не лучших, а, напротив, слабых и недисциплинированных, какие есть в любой части. Мне их было, конечно, жаль, — но моей обязанностью было как можно дольше сохранить батарею боеспособной.

Успешный прорыв из окружения был более невозможен. Русские непрерывно сжимали вокруг нас кольцо. Русские неустанно давили на город своими свежими дивизиями. Многие мысли пролетали в голове — быстрая смерть от рук неприятеля или, может быть, от собственной руки. Все остальное означало медленную и ужасную смерть.

Наши части раз за разом прочесывались на предмет людей, которых можно отправить на фронт. Я следил за тем, чтобы никто не был послан в эти отряды самоубийц дважды. Было даже два сумасшедших, которые вызывались добровольцами, чтобы сбежать от ежедневного голода на батарее. Это были истинные наемники — их было трудно убить. Они были хорошими ребятами, и почти всегда у них все получалось. Они даже знали, как извлечь маленькую пользу из большой катастрофы. В неразберихе отступления у них часто получалось найти еду и выпивку. Они подбирали многие полезные вещички из разбитой техники, брошенной на обочинах. В отличие от «крыс», они всегда возвращались в свои части, потому что чувствовали сильную связь с товарищами, и часто делились с ними добычей. Эти бойцы в нашей части набрали большой опыт, благодаря которому они продержались в боях дольше других. Эти бессмертные обер-ефрейторы, не имевшие ни малейшего желания быть продвинутыми по службе, всегда умели оказаться близко от очередной удачи. По сравнению с другими дивизиями, многие из которых находились в стадии распада, наша 71-я, судя по моим наблюдениям, была еще в приемлемой форме во многом благодаря стабильной ситуации на берегу Волги. Наши неопытные солдаты отправлялись на Волгу — где ничего не происходило — для беззаботной службы. Испытанные в боях офицеры и солдаты собирались и отправлялись на запад встречать русский натиск. Таким образом, наш командир дивизии смог сохранить дивизию и не дать ей начать рассыпаться. Все это поднимало наш боевой дух и предотвращало ненужные потери, как часто случалось во второпях собранных «аларменхайтен».

Пополнения запасов больше не существовало, и не было никакой надежды на помощь снаружи. Идея прорыва забуксовала. Мы, защитники «котла», были просто слишком слабы. На батарее распространялась апатия. Последние снаряды приберегались для

последней битвы, даже если мы и не имели ни малейшего понятия, как она будет проходить.

Какое-то время назад Паулюс перебрался из Гумрака в сектор нашей дивизии. Его новым обиталищем стал надежный подвал универмага в центре города. Поскольку место, где располагалась позиция передков, становилось все более опасным, я ее ликвидировал. Полевую кухню и четыре лошади из пяти, полумертвых от голода, разместили на первом этаже бани. Шпис и административный персонал перешли в мой вместительный командный пункт.

Я повысил уравновешенного штабс-ефрейтора Эйкмана, старого артиллериста, до «шефа» моей 7,62-см полубатареи на Волге. Его прежняя должность счетовода была практически бесполезна. Все, что еще нужно было делать, мог сделать и шпис. Для русских пушек еще хватало снарядов. Ничего особенного на замерзшей Волге не происходило. Мы наблюдали вражеские разведывательные патрули, но русские решили здесь не наступать.

Голод становился все более явным, особенно когда мы ничем не были заняты. На батарее Эйкмана произошел неприятный случай: среди его людей был неприятный тип, уже не раз бывавший под полевым судом за кражи у товарищей и другие преступления. Он даже успел послужить в штрафном батальоне. Единственное, что его спасало, так это готовность служить. Он, наверное, наполовину сошел с ума от голода, когда подстерег двух румын, тащивших санки с припасами для своих. Этот «товарищ» тщательно все продумал. Это явно не было спонтанным действием. Надев русскую меховую куртку и меховую шапку, он спрятался в развалинах. Когда румыны прошли мимо него с санками, он выпрыгнул и оглушил обоих прикладом винтовки, а потом сбежал с санками. Он, правда, не подумал об одном: чуть сзади шла другая группа румын — он и представить этого не мог, — и они мгновенно его скрутили. Они забрали его в штаб полка. Чудо, что они не убили его на месте.

Я узнал об этом в основном от командира полка: «Заберите этого поганца из штаба румынского полка. Напишите подробный рапорт для полевого суда и заприте его в надежном месте, пока его не заберет военная полиция. Нужно подать пример. Этот парень уже практически мертв, приговор только формальность. Вы лично ответите, если он сбежит».

Все думали о произошедшем одинаково. У вора не было никакой надежды сбежать, пока его не привели ко мне. Румыны даже не сильно его избили. Вполголоса он сказал: «Лучше бы меня забили до смерти. Я в любом случае покойник». Было

трудно найти надежную комнату, чтобы запереть его. Наконец мы нашли угольный подвал без окон, с внушительной железной дверью. Я сел и написал подробный рапорт, не скрывая ни одного из его прежних проступков и наказаний, и даже включил сводку о его криминальном прошлом в гражданской жизни. Причиной его здешнего преступления был голод и лишения.

Центр Сталинграда глубокой зимой. Скелеты домов выделяются резким контрастом на фоне белого снега. Слева — замерзшая

Волга. Этот сектор удерживался 71-й дивизией до последнего дня

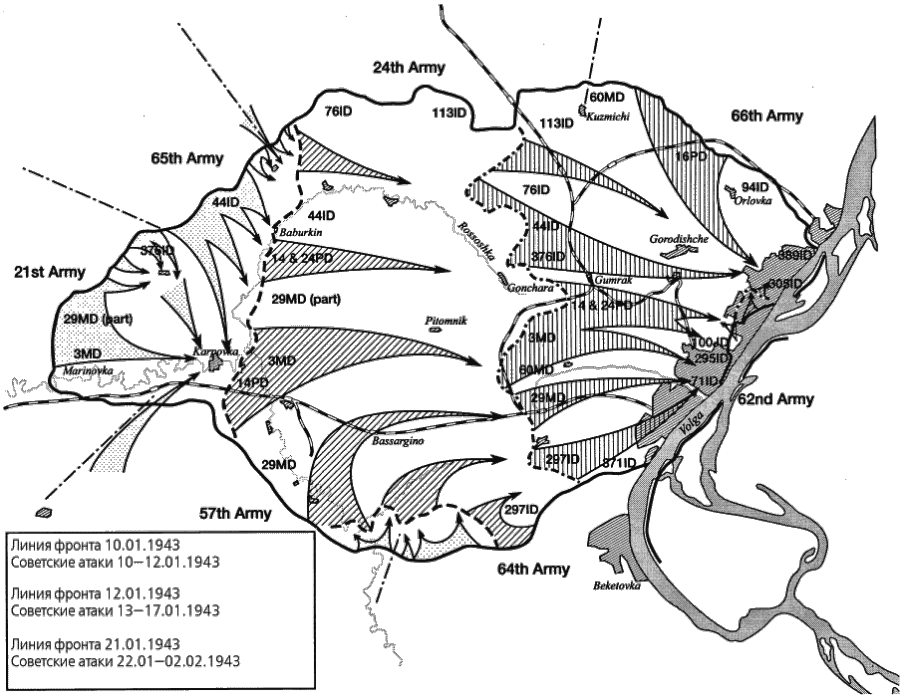
Его можно было бы назвать бродягой, не будь он для этого слишком молод. Он крал посылки с почты и однажды ограбил грузовые фургоны. Со службы в штрафном батальоне он должен был вынести мрачные воспоминания, но явно не проявлял намерения исправиться. Батарея делала все возможное, чтобы от него избавиться. В последней попытке отделаться от него мой предшественник получил в свое время ответ от батальонного командира: «Вы не можете ожидать, что его кто-нибудь возьмет. Вам вряд ли понравилось получить такого». До сих пор у меня с ним проблем не было. Я завершил рапорт и добавил свои источники информации о нем. В конце я также привел некоторые положительные качества этого смутьяна. Этот солдат был надежен в бою и имел атакующий дух. Он был среди добровольцев, когда нужно было воевать в степи пехотой. Рапорт я отдал «цепным псам», военной полиции, которая увела арестованного.

— Ваш рапорт спасет его от виселицы, — отозвался командир полка. — Вы вправду отметили его храбрость и так далее?

— А почему бы не упомянуть хорошие черты в человеке? Или об этом нужно было молчать? — Ответа я не дождался.

Тем временем преступника перевели под дисциплинарный арест в дивизию. Через несколько дней военный полицейский привел его обратно. Он уже пришел в себя. «Судья сказал, что мне нужно благодарить вас, герр обер-лейтенант. Смертный приговор, ага — но сразу же замененный на службу на передовой. Я пришел забрать вещи, и они переведут меня в пехоту, где мне придется проявить себя. Еще раз спасибо, на этот раз я был на волосок от смерти».

Мои слова об осторожности, похоже, были пропущены мимо ушей. Он бодро собрал вещи и ушел с позиции в сопровождении военного полицейского. Через несколько дней мы узнали, что он был убит во время операции штурмовой группы по возвращению здания, взятого русскими. По слухам, он первым ворвался в здание.



Операция «Кольцо»: ликвидация сталинградского «котла», 10 января — 2 февраля 1943 г.

Вскоре, когда все в нашем дивизионном секторе шло к концу, Эйкман еще раз проявил себя с одной из своих русских пушек. Он стрелял по русскому танку, и ему пришлось укрыться в подвале. Т-34 еще был способен драться и переехал одну из станин, так что она сломалась. Когда танк прошел мимо, Эйкман с солдатами рванули из подвала к поврежденному орудию, развернули его и выстрелили русскому колоссу в уязвимую корму. Он мгновенно загорелся.

Холодный профессионализм этого бывшего бухгалтера и его солдат, воевавших на свой страх и риск, впечатлил не только меня, но вскоре о нем узнал весь полк. Эйкману не повезет вернуться домой, в войне он не выжил.

Аэродром у Питомника мы потеряли 14 января 1943 г. Это практически прекратило и без того неадекватно скудное снабжение. Сопровождения транспортных самолетов истребителями больше не было. Небо над Сталинградом контролировали русские самолеты. Нам сбрасывали контейнеры снабжения с боеприпасами, едой и медикаментами. Естественно, этого мизера и близко не хватало для снабжения армии минимальным количеством еды, чтобы не умереть с голоду. Многие из контейнеров, сброшенных на парашютах, промахивались мимо цели и падали рядом с русскими — нередкий случай. Другие, которые удавалось обнаружить, не

сдавались, как было приказано, а те, кто их нашел, оставляли их у себя.

«Котел» теперь съеживался с каждым днем. Армейское руководство пыталось поддержать наш боевой дух быстрыми повышениями по службе и раздачей медалей. Несмотря на все превосходство противника, армия в эти дни разрушения совершала просто нечеловеческое усилие. Каждый день мы могли слышать, как тот или иной угол котла попадал под тяжелый обстрел русской артиллерии. Это означало, что там вскоре начнется атака и зона окружения еще сократится. Нам стало известно из множества сброшенных на нас листовок, что русские предложили армии капитулировать. Завися в своих решениях от фон Манштейна и Гитлера, Паулюс ответил отказом — как и ожидалось. Что он чувствовал и что он думал лично, осталось неизвестным. У нас не было ощущения, что нас ведет во всем превосходящий нас командующий армией, хотя каждый чувствовал, что теперь нам необходимо энергичное руководство.

В жестоком холоде степей вокруг Сталинграда больше ничего нельзя было сделать. Линия фронта становилась все тоньше, и приходилось переходить к обороне только узловых «шверпунктов». Может быть, нам и самим нужно было окопаться в городских развалинах, чтобы получить лучшую защиту от обстрела и от противника. По-моему, слишком мало можно было сделать для защиты нашей «цитадели». У окруженной армии теперь было три возможности:

1) как можно скорее прорваться наружу;

2) сопротивляться со всей сосредоточенностью столько, сколько нужно, чтобы ослабить противника;

3) капитулировать, как только сопротивление станет бесполезным.

Паулюс не выбрал ни одного из этих трех, хотя он, как командующий армией, отвечал за своих солдат.

Когда я последний раз пошел навестить свою полубатарею на Волге, я заглянул в подвал универмага на Красной площади, где в сентябре располагался штаб батальона из нашей дивизии. Мне повезло наткнуться на оберста Роске, который командовал своим пехотным полком с большим умением и профессионализмом. Я несколько раз работал с ним и был впечатлен его молодой энергичностью. Мы немного поболтали. Он считал, что воздух в «геройском подвале» нам не подходит. По мне в беготне по универмагу было что-то нереальное.

По остаткам города еще бродили самые странные слухи: германский бронированный кулак готовится прорвать снаружи кольцо окружения. Такова была причина лихорадочных атак

русских и их предложения о капитуляции. Все, что нам нужно было делать, — это продержаться еще несколько дней.

Откуда должны были взяться эти танки, если они в декабре не смогли даже приоткрыть «котел»? Все метались между надеждой и отчаянием. В это время был потерян последний аэродром в Гумраке.

Из степи и из Гумрака в город хлынули бесконечные обозы разбитых дивизий. Неожиданно стало возможно найти немного топлива. Непрерывный поток машин катился в город. Серые автобусы, удобно оборудованные внутри как мобильные командные пункты или управления армейских служб, создавали впечатление, что в городе завелись автобусные маршруты. Колонны грузовиков везли в городские подвалы продукты, алкоголь, канистры с бензином и патроны — явно какие-то незарегистрированные обменные фонды. Упитанные казначеи в чистенькой форме зорко следили за своими сокровищами и исчезали, лишь когда над транспортным потоком показывался русский самолет. «Откуда у них все это и почему они все это только сейчас везут?» — со смесью зависти и горечи задавались вопросом солдаты, потому что у них неделями ничего не было. Жилье в городе становилось редкостью. В просторном подвале под моим командным пунктом у нас еще было место принять несколько человек. Теперь моему шпису нужно было все как следует организовать. Он устроил то, что было трудно назвать иначе как гостиничным бизнесом. Кто бы ни искал у нас убежища, должен был расплатиться товарами вроде сигарет, шнапса или кофе, но мы предпочитали консервы. Это было самой ценной валютой. Я с самого начала был против этой системы и хотел прикрыть предприятие — но передумал, когда увидел, какими упитанными и обеспеченными были наши гости — и как они охотно делились.

«Ублюдки — посмотрите, сколько они припрятали для себя. Все это время они нас обманывали, а теперь у них столько, что они даже не знают, что со всем этим делать», — сказал шпис.

Спустя несколько дней в город с запада стала прибывать измученная пехота. Там было много раненых, и многие были обморожены. Температура в те дни не поднималась выше минус 20, чаще было значительно холоднее. Хромые, со впалыми щеками, грязные и кишащие вшами, солдаты медленно ковыляли в городе. У некоторых не было при себе оружия, хотя они и выглядели боеспособными. Распад армии явно был не за горами.

Русские пробились с юга к Царице. Несмотря на приказ не сдаваться, уже имело место несколько локальных капитуляций. В основном перепуганные штабы — но хватало и остатков боевых

частей, сдавшихся без сопротивления. Были случаи, когда командиры дивизий сдавали свои секторы. Наше сопротивление больше не имело смысла. Паулюс вряд ли вообще чем-то управлял. Он оставался в своем подвале универмага, сидел и ждал. Безнадежность положения армии вряд ли была тайной даже для него.

Наша 71-я пехотная оказалась втянута в водоворот событий у Царицы. Когда наш командир, генерал фон Хартман, увидел, что конец дивизии близок, линии управления перепутались или вообще порвались, армия и корпус теряют контроль над ситуацией, и просто потому, что продолжение боевых действий становилось все более бесполезным, он решил выбрать достойный — возможно, даже с честью — выход из ситуации. К югу от Царицы он забрался на железнодорожную насыпь и взял у сопровождавшего его солдата заряженную винтовку. Стоя во весь рост, как мишень на стрельбище, он стрелял по атакующим русским. Фон Хартман какое-то время продолжал стрелять, пока его не настигла вражеская пуля. Ему повезло, и он не был ранен, что превратило бы плен в сущий ад, — и в конце концов он все равно умер бы мучительной смертью.

Это случилось 26 января 1943-го. В отчаянии другие офицеры стрелялись из своих пистолетов. Никто не верил, что выживет в русском лагере военнопленных. Наш командир дивизии выбрал более почетный способ уйти — может быть, вдохновляясь примером высокоуважаемого генерал-полковника Фрича, который ушел подобным рыцарским образом во время польской кампании. (В ноябре 1937 г. на совещании в рейхсканцелярии генералы фон Фрич и фон Бломберг высказали свое скептическое отношение к захватническим планам нацистов и вступили в перепалку с Герингом. Геринг решил от них избавиться. Фон Бломберга удалось устранить компрометирующими материалами на жену. Фон Фрича уволили, ложно обвинив в гомосексуализме. В 1938 г. он был оправдан судом и восстановлен в рядах армии. 22 сентября 1939 г. фон Фрич погиб под Варшавой. По свидетельству генерала Манштейна, не в силах мириться с нацистским режимом, фон Фрич намеренно искал смерти в бою. — *Примеч. ред* .) Мгновенно командиром дивизии был назначен Роске, с повышением до генерал-майора. Новость о смерти Хартмана распространилась по дивизии со скоростью пожара. То, что он сделал, воспринимали с двух позиций. Но независимо от точки зрения это был впечатляющий способ ухода. Его преемник за последние несколько дней может приписать себе тот факт, что дивизия не распалась сверху донизу, как другие. В краткосрочной

перспективе он даже как-то смог поднять наш боевой дух.

Роске был человеком, отдающим четкие и краткие указания. Ни у кого не было сомнений насчет его веры и намерений, потому что он знал, чего хотел. У него был Рыцарский крест за прорыв его полка к Волге 14 сентября 1942 г. Он получил этот высокий орден явно не потому, что подошла его очередь.

В эти дни отчаяния, незадолго до самого конца, он смог снова мобилизовать войска и создать из остатков прежних дивизий новые центры сопротивления. Коменданты узлов обороны получили приказ, что в случае, если они остаются изолированными, они должны продолжать сопротивление и не принимать приказов незнакомых офицеров из других частей. Благодаря этому приказу стало возможным оставаться вне распространяющегося хаоса. По собственному опыту Роске знал, что только плотно сколоченные подразделения с сильными личными связями остаются боеготовыми.

Хотя Роске держал свой командный пункт по соседству с Паулюсом, он действовал совершенно независимо. Из этого были последствия лично для меня: мою батарею развернули на запад и превратили в позицию-«ежа». Это означало, что мой КП больше не был нужен. Все мои бойцы теперь сидели под одной крышей на орудийных позициях в бане. Лошадей забрали и пустили на пайки всей дивизии. Нам позволили сохранить всего трех животных. Мы пекли себе хлеб из остатков зерна, и он был не так плох на вкус, но приходилось время от времени выплевывать твердые зерна. Повар забил одну из лошадей и сделал из нее гуляш, который почти не имел вкуса, но был очень кстати при нашем голоде.

Мои пушки, стоявшие на одной позиции с 15 сентября, теперь были развернуты на 180 градусов на запад — направление, откуда ожидали русских. Для защиты расчетов мы выстроили земляные стены и связали окопы для орудий узкими траншеями. У меня были и пулеметные гнезда. Копаться в мерзлой земле было той еще работенкой. Однако усталость изгнала из наших умов подавленность. Окна бани были заложены кирпичом, за исключением нескольких амбразур. В удобных местах были пробиты дополнительные амбразуры.

Теперь на батарею полился поток пополнений, но их было трудно накормить. Тяжелые батареи IV батальона, в первую очередь остатки 10-й батареи, в которой я долгое время служил, искали у нас пристанища. Их рассеяли русские, когда они безуспешно пытались защищать западную окраину города. Шпису пришлось залезть в товар, вырученный от нашего гостиничного бизнеса, была забита вторая лошадь, и бог знает откуда

появились два мешка зерна. Войска теперь не имели снабжения. Что-то можно было получить, но очень редко, на армейских распределительных пунктах.

Редкие контейнеры снабжения и мешки с хлебом, падавшие с неба, оставались у тех, кто их нашел. Мы могли лишь злиться, когда в них обнаруживались туалетная бумага или даже кондомы. В теперешней ситуации нам явно не было нужно ни то, ни другое. Какой-то спецадминистратор в Берлине придумал стандартный набор для контейнеров, и он здесь был бесполезен. Теория и практика часто живут порознь.

На наших позициях еще оставалось несколько русских хиви, их кормили так же, как и нас. Мы давно не караулили их, и у них было множество возможностей сбежать. Перед лицом окруживших нас русских дивизий от силы один из них исчез, чтобы слиться с Красной Армией. Может быть, они ожидали для себя более печальной участи? В сталинской армии человеческая жизнь практически ничего не значила.

«Хейнкель» He-111 с грузовыми контейнерами под крылом готов к взлету. Эти «продуктовые бомбы» были последней отчаянной мерой поддержки 6-й армии с воздуха, но это была всего лишь капля воды в океане

Теперь, на последней стадии битвы, русские гражданские вышли из своих убежищ. Старики, женщины и дети, которых мы старались эвакуировать в начале битвы, каким-то чудесным образом выжили. Они бродили по улицам и безуспешно попрошайничали. Нам нечего было им дать. Даже наши солдаты были на грани голодного обморока и голодной смерти. Больше

никто не обращал внимания на трупы умерших от голода или холода, лежащие на обочине. Это стало привычным зрелищем. Сколько могли, мы пытались облегчить страдания гражданского населения. По пути из города колонны машин снабжения старались подвезти гражданских на запад, из опасной зоны. Этих людей не грабили, не насиловали и даже не убивали. К сожалению, такие зверства потом тысячекратно обрушились на немецких беженцев, в основном от рук банд Красной Армии. Месть победителей была ужасна.

Как ни странно, в последние дни бывали случаи дезертирства русских к нам в «котел». Чего они ждали от немцев? Бои явно были для них столь жестокими, что они не верили в неизбежную близкую победу или бежали от жестокого обращения своего начальства. И наоборот — германские солдаты бежали к русским, убежденные листовками и так называемыми пропусками. Никто не ждал от русского плена ничего хорошего. Мы слишком часто встречались со случаями зверского убийства одиночек, небольших групп или раненых, попавших к ним в руки. Некоторые дезертировали из разочарования в Гитлере, хотя это само по себе не было «страховым полисом».

Как бы то ни было, на местах чаще сдавались в плен — и мелкие части, и остатки полных дивизий, поскольку в них жила надежда на более устроенную жизнь в плену. Эти частичные сдачи становились кошмаром для соседних частей, которые сражались просто потому, что остались одни и русские не могли обойти их. Сдаваться было строго запрещено, но кто слушал приказы в этой суматохе? Вряд ли! Власть командующего армией больше всерьез не воспринималась. Наверное, это и заставило Паулюса принять решение. Ничего не произошло. Суп из конины, который раздавался на моей батарее, выгнал «крыс» из нор. Ночью они пытались напасть на кухонный персонал. Мы выгнали их под угрозой оружия и с тех пор выставляли у нашей «гуляш-пушки» (полевой кухни) часового. Мы съели только часть второй лошади, а третья слонялась по первому этажу бани, как привидение. От усталости и голода она часто падала.

Солдатам, отставшим от своих, наливали чашку супа, только если у них были при себе винтовки и они выказывали волю сражаться. 29 января я снова вышел на Волгу. Мою «русскую полубатарею» включили в пехотную роту. Люди были в бодром настроении, командование заботилось обо всем — но они, конечно, видели, как наступает неизбежное. Кто-то говорил о побеге по волжскому льду, чтобы добраться кружным путем до немецких позиций. Но где они, немецкие позиции? В любом случае в каком-то месте точно придется пересечь русские.

Рисунок Вюстера, показывающий, как иногда продуктовые бомбы доходили до голодных солдат: их вытаскивали из разбитых самолетов. Строгие правила предписывали сдавать их для централизованного распределения. Неисполнение могло привести к расстрелу. Тем не менее многие части и небольшие группы оставляли драгоценный груз себе

Обер-лейтенант Вюстер в белом камуфляжном костюме входит в командный пункт I батальона в подвале спиртзавода и видит, что

большинство старших офицеров артиллерийского полка пьяны и готовы покончить с жизнью

Было вполне возможно незамеченным пересечь Волгу по льду — но что затем? Наверное, 100 километров хода по глубокому снегу — ослабленному, без еды, без дорог. Никто бы в таком не выжил. У одиночек не было шанса. Несколько человек пытались, но я не слышал ни об одном, кому бы это удалось. Командир 1-й батареи гауптман Зивеке и полковой адъютант Шмидт попробовали и до сих пор числятся пропавшими без вести. Они, наверное, замерзли до смерти, умерли с голоду или были убиты. Я попрощался с солдатами на Волге и подумал: увижу ли я кого-нибудь из них еще раз?

Обратный путь вел меня через Красную площадь, которая была этаким памятником германскому «воздушному мосту» — там лежал сбитый Хе-111. Прямо напротив него, в подвале универмага под названием *Univermag* , сидели Паулюс и его штаб. Там был и командный пункт нашей 71-й пехотной дивизии. О чем думали и что делали генералы в этом подвале? Наверное, ничего не делали. Просто ждали. Гитлер запретил сдачу, а продолжающееся сопротивление к этому часу становилось все более бесполезным. Я шел в сторону завода спиртных напитков, где все еще был командный пункт моего батальона. Я миновал руины театра, теперь лишь слегка напоминавшего портик греческого храма.

Для защиты от русских были восстановлены старые русские баррикады. Финальная битва бушевала уже в самом городе. В подвале завода спиртных напитков царила странная атмосфера. Там были командир полка, командир II батальона, майор Нойман и мой старый друг из 19-го артиллерийского полка в Ганновере Герд Хоффман. Герд был теперь полковым адъютантом.

От первого батальона оставались жалкие остатки, и «бездомные» солдаты нашли там временный приют. Столы были заставлены бутылками шнапса. Все были до неприличия шумными и совершенно пьяными. Они подробно обсуждали, кто уже застрелился. Я чувствовал свое моральное и физическое превосходство над ними. Я еще мог жить на подкожном жире, накопленном в отпуске. Другие голодали на полтора месяца дольше меня. Меня пригласили присоединиться к пьянке, и я охотно согласился.

— У тебя еще есть батарея или уже все? — спросил фон Штрумпф. — Тогда это была последняя батарея моего гордого полка, который сейчас накрылся. Когда-то давно…

Я доложил об артиллеристах из разбитых подразделений, строительстве позиций и о том, что теперь у меня 200 солдат. Я

даже рассказал о супе из конины. Когда я запросил его указаний для своей «позиции-ежа», то получил лишь пьяные ремарки:

— Ну, вашу сохранившуюся батарею лучше засолить, тогда у вас что-то останется. Сейчас это такая редкость, что ее нужно показывать в музее для потомства, такую маленькую миленькую батареечку…

— Не стойте с глупым видом, сядьте на свою толстую жопу и выпейте с нами. Нам нужно опустошить все оставшиеся бутылки…

— Как ваша прекрасная фройляйн Невеста? Она знает, что она уже вдова? Ха-ха-ха…

— Сядьте! Все, до последней капли — до дна, и троекратное «Зиг хайль» в честь Адольфа Великолепного, делателя вдов и сирот, величайшего командующего всех времен! Выше голову! Выпьем, мы больше не увидим этого юнца…

Я уже начинал задумываться, почему их пистолеты лежат на столе рядом со стаканами.

— Как все выпьем, и — бах, — командир второго батальона ткнул правым указательным пальцем в лоб. — Бах — и конец большой жажде.

Я не думал о том, чтобы застрелиться, — об этом я никогда не думал. От запаха спиртного в спертой вони подвала меня тошнило. В комнате было слишком натоплено. Свечи съели весь кислород, и в подвале воняло потом. Я хотел есть. Я хотел выбраться из этой дыры!

Герд Хоффман перехватил меня у выхода:

— Ну же, Вюстер, оставайся. Мы не собираемся сдаваться. Мы так и так умрем, даже если русские нас отсюда и не выбьют. Мы пообещали друг другу, что сами со всем покончим.

Я попытался отговорить его и предложил ему зайти ко мне на батарею. Пьяницы в подвале не заметят, что его нет. Пока моя батарея могла драться, я не делал никаких решений насчет будущего. Я еще не знал, что буду делать, когда прозвучит последний выстрел… если я до этого доживу. Тогда все и будет ясно..

— Не думаю, что это особенный героизм — вышибить себе мозги, — сказал я ему, но Герд остался со своей компанией. В отличие от меня, мнение и поведение вышестоящих всегда было для него святым откровением.

Выйдя на свежий воздух, я наконец почувствовал себя лучше. По дороге на батарею в голове пронеслась мысль: они скоро слишком перепьются, чтобы застрелиться. Но все же они смогли покончить с жизнью (оберст фон Штрумпф застрелился 27 января 1943 г., остальные офицеры с января числились пропавшими без

вести). Нам об этом рассказал телефонист, снимавший телефонную линию до батальона. Меня это потрясло, и у меня на эту тему был очень подавленный разговор с гауптвахмистром. Постепенно мои мысли стали вращаться вокруг идеи использовать пистолет для самоубийства. Но потом я возвращался в мыслях к Руфи и к тому, что я еще не повидал жизни. Я был еще молод и до сих пор зависел от других. У меня были планы, цели, идеи, и я хотел наконец после войны стоять на своих ногах. Однако в этой ситуации многое говорило в пользу самостоятельного решения покончить с этим раз и навсегда.

Конечно, было бы более комфортно просто бегать в одном из имеющихся стад. Но в самом конце не придется ли каждому искать душевного покоя у личного «бога»? Я решил, что я не до конца готов стать жертвой.

Мой гауптвахмистр помог мне пережить все это — сухим солдатским словцом и глотком из бутылки:

— Обычно если человек не дурак — то стреляется всего один раз, герр обер-лейтенант. А что дальше? Многие жалели об этом до конца жизни. Я лучше скажу — ваше здоровье.

И немного спустя добавил:

— Зачем нам делать за русских их работу?

С раннего утра 30 января русские гвоздили нас изо всех стволов, даже в нашем секторе. Там были деморализующие «приветы» «Сталинских органов» с разных дистанций. С трудом можно было найти промежуток между залпами, чтобы высунуть нос наружу и посмотреть, что происходит. Снег вокруг бани почти полностью растаял. Коричневая грязь толстым ковром покрывала все вокруг. Потерь у нас почти не было. Бетонная крыша бани и надежно выкопанный блиндаж успешно противостояли налету.

Один артиллерист получил осколок в живот, и его внесли в баню. Медики вкололи ему обезболивающее. У него не было шанса выжить, не в этих условиях. Он бы погиб и на перевязочном пункте, с нормальной медицинской помощью. Если бы только мой артиллерист смог умереть быстро и не мучаясь, думал я про себя.

После обеда закончился русский обстрел. С запада на нас пошли русские танки. Справа от нас была насыпь над одним из городских прудов; там обосновалась пехотная часть, которую я не знал. Слева от нас никого не было. Там уже капитулировали. Русская пушка выехала и встала на позицию прямо перед нами. Мы прогнали их с нескольких снарядов. Подъехал танк и выстрелил из пушки, снаряд попал куда-то рядом с баней. Не получив никакого приказа, унтер-офицер Фритце и его люди прыгнули к гаубице и открыли по танку огонь. Даже русский хиви

работал как заряжающий. В дуэли у танка было преимущество в скорострельности, но он так и не смог добиться прямого попадания. Земляной вал вокруг орудия защитил его от близких попаданий. Наконец Фритцу повезло попасть в башню Т-34 10,5-см снарядом.

Я наблюдал прямое попадание в бинокль и приказал расчету укрыться, но, ко всеобщему удивлению, танк снова начал двигаться и стрелять из пушки. Наше прямое попадание не пробило броню. Бронебойные снаряды кончились, а обычные фугасные броню не пробивали. Лишь третье попадание принесло долгожданную победу. Снаряд попал Т-34 в корму, и двигатель колосса загорелся. Меня совершенно поразила естественность, с которой до сих пор дрались мои люди.

Победившие артиллеристы радовались почти как дети и ненадолго забыли о своем отчаянном положении. Когда вскоре появился другой танк — более тяжелый, класса КВ, — я навел на него два орудия. Этот КВ тоже был уничтожен без потерь с нашей стороны.

К сожалению, нашу пехоту отогнали от пруда. Нас прижимал к земле плотный пулеметный огонь дошедших дотуда русских. Положение становилось все более безнадежным, даже несмотря на то, что слева от нас встала на позицию батарея древних легких гаубиц LFH-16. У них тоже оставались считаные снаряды. Я предложил их солдатам, не занятым в бою, убежище в бане.

Наступила ночь, и бои затихли. Днем у нас с трудом получилось выжить. Оставалось всего 19 снарядов, и из предосторожности я распорядился уничтожить два орудия. Одно уже было повреждено, хотя и могло вести огонь. У нас были килограммовые подрывные заряды для каждого орудия, их нужно было засовывать в ствол с казенной части. Их подорвали, вставив запалы, и орудия были приведены в негодность. При таком подрыве разрушается ствол, казенник и люлька.

Неожиданно на позиции объявился незнакомый пехотный офицер, намеренный остановить второй подрыв. Его беспокоило то, что русские заметят уничтожение матчасти и могут выместить гнев на немецких пленных. Он еще много чего сказал. В любом случае второе оружие подорвали.

Вскоре мне приказали явиться к командиру моей боевой группы. Почему бы и нет? Если нужно подтвердить мой независимый статус, я сошлюсь на генерала Роске. Я встретился с напыщенным подполковником, которого уже не волновало, что орудия подорвали.

Он приказал мне этой же ночью отбить насыпь у пруда. Эта возвышенность господствовала над всей округой. Так что он

подчинил себе мою батарею, чтобы полностью контролировать все. Когда я напомнил о своей автономности, он указал на свой более высокий чин и попытался давить на меня. Он также не обратил никакого внимания, когда я указал на то, что бесполезно посылать необученных артиллеристов отбивать то, что в бою не смогла удержать пехота. Так что я равнодушно пообещал, что мы этим займемся.

Я собрал человек 60, поискал подходящих унтер-офицеров и начал.

«Ничего из этого не выйдет», — сказал шпис, но не отказался идти добровольцем. С безоблачного неба ярко светила полная луна. Снег, оставшийся там, где не было следов русских снарядов, скрипел под сапогами и освещал местность ярко, как днем. Сначала у нас получилось пройти под прикрытием складок местности, но потом, на подходе к высоте, пришлось пересечь открытое место. Перед тем как покинуть укрытие, мы решили разделиться на две группы, чтобы обмануть русских. Пока они не обращали никакого внимания, хотя они явно что-то заметили. Или их на высоте не было?

«Ну, пошли!» — прошептал я, и двинулся вверх по склону. Мне уже было страшно. Ничего не происходило. Ни выстрела. Когда я огляделся, рядом со мной было всего два человека. Одним из них был шпис. Когда больше никто за нами не пошел, мы вернулись в укрытие.

Там стояла вся толпа, никто не двигался. Все молчали.

— Что за… духу не хватило? — спросил я их.

— Не хватило, — сказал кто-то из задних рядов. — Если их сбили с этой горки, пусть сами ее и возвращают. Мы не хотим.

— Это бунт, да? Не хотите воевать? А чего ты хочешь? Сегодня утром у нас не было никакой необходимости подбивать танки Ивана, — возразил я.

В этот самый момент я почувствовал, что мой авторитет начинает таять. Даже угрозами никого нельзя было убедить вылезти из-за кустов.

— Мы останемся с орудиями и даже будем отстреливаться, но играть в пехоту мы больше не будем. Все, хватит.

Мы вернулись, и я доложил подполковнику о нашей неудаче и моем впечатлении, что высота была пустой. Он вспылил, крича о трусости и военно-полевом суде. Когда он выпустил пар, то спросил, думают ли «господа из артиллерии», что будут продолжать сражаться. Я ответил усталым «да». Я больше не утруждал себя «так точно, герр оберст-лейтенант», но добавил: «Думаю, завтра им снова придется воевать, даже если это и не будет иметь смысла, как сегодня».

Всем было ясно, что 31 января будет последним днем «свободы» в окружении. Поговорив с гауптвахмистром, я раздал солдатам всю оставшуюся еду и сказал, что больше ничего не будет. Каждый мог делать со своей долей, что считал нужным. Последняя лошадь все еще ковыляла по комнате над подвалом, то и дело падая и снова подымаясь на ноги. Было уже поздно ее забивать. От стука копыт по полу делалось не по себе.

Я распорядился уничтожить все оборудование, кроме оружия и радиоприемников. Наш раненый стонал и кричал от боли, потому что у медика кончилось обезболивающее. Лучше бы этот бедняга умер, лучше бы он замолчал. Сострадание умирает, когда чувствуешь свою беспомощность.

Неизвестность была невыносима. О сне не могло быть и речи. Мы вяло попытались поиграть в скат, но это не помогло. Тогда я сделал то же, что и остальные, — сел и съел как можно больше из доставшейся мне еды. Это меня успокоило. Казалось бесполезным распределять остальную еду на будущее.

В какой-то момент часовой привел трех русских офицеров. Один из них, капитан, говорил на приличном немецком. Никто не знал, откуда они взялись. Меня призвали прекратить боевые действия. Мы должны до рассвета собрать продовольствие, обеспечить себя водой и обозначить позиции белыми флагами. Предложение было разумным, но мы не приняли решения. Продолжать сопротивление было явно бесполезно. Мне пришлось доложить подполковнику и на незнакомую батарею по соседству. До подполковника явно дошли слухи о визите русских. Он устроил настоящее шоу: «Измена, военно-полевой трибунал, расстрельная команда…» и так далее.

Я больше не мог воспринимать его серьезно и указал, что русские пришли ко мне, а не наоборот. Я дал ему понять, что я бы выставил русских несолоно хлебавши, если бы его пехота в последнем бою показала себя как следует. Тогда и мои люди воевали бы 31-го, хотя они мало что могут.

— Не уничтожайте больше ничего. Это только разозлит русских, и они потом не будут брать никого в плен, — кричал на меня холерик-подполковник. Я больше не хотел его слушать. Он явно не хотел умирать.

Я отослал русских, сославшись на приказы командования, которые, «к сожалению», не оставили мне иного выбора. Эта версия также помогла мне сохранить лицо перед солдатами.

Как обычно, мы настроили радио на новости из Германии и кроме них услышали речь Геринга 30 января на десятую годовщину взятия власти национал-социалистами. Это было все то же преувеличенное театральное надувание щек с помпезными

фразами, которые раньше не казались такими вульгарными. Мы восприняли эту речь как издевательство над нами, умиравшими здесь из-за неверных решений верховного командования. Фермопилы, Леонид, спартанцы — мы не собирались кончить так же, как эти античные греки! Сталинград превратили в миф еще до того, как «герои» благополучно погибли. «Генерал стоит плечом к плечу с простым солдатом, оба с винтовками в руках. Они бьются до последнего патрона. Они умирают, чтобы жила Германия».

— Выключи! Эта жопа оставила нас умирать, а он будет сыпать картонными фразами и набивать брюхо. Сам ничего сделать не может, жирный напыщенный попугай…

В ярости было высказано еще много ругани, кое-что даже в адрес Гитлера. Да — жертв безответственных и необдуманных решений, теперь мы должны были слушать надгробные речи в наш адрес. Невозможно было представить бóльшую бестактность. Обещание Геринга снабжать «котел» по воздуху привело к отказу от прорыва. Вся армия была принесена в жертву из-за его тупого невежества.

«Там, где стоит германский солдат, ничто не может поколебать его!» Прошлой зимой это уже было опровергнуто, и теперь мы были слишком слабы, чтобы стоять — пустые слова, дутые фразы, пустопорожний треп. Германский рейх должен был стоять тысячу лет, а зашатался он всего через десять.

Сначала все мы подпали под очарование Гитлера. Он хотел объединить все земли, где говорили по-немецки, в одно германское государство. Потребность в Данциге и решении по Польскому коридору были справедливы. Мы, солдаты, не хотели этой войны, не хотели погибать на столь далеком поле боя, даже при всей угрозе, которую представлял Сталин, желавший распространить большевизм по всей Европе. Но здесь и сейчас, в далеком Сталинграде, мы были сыты всем этим по горло.

В подвале старый унтер-офицер тихо и серьезно спросил меня, все ли для нас кончено и осталась ли хоть малейшая надежда. Я не мог дать ему, да и себе, ни малейшей надежды. Настающий день будет концом всему.

Этот солдат был хорошо воспитанным резервистом с серьезным образованием. Многих раздражала его любознательность. Теперь, тихий и погруженный в себя, он просто вышел из блиндажа обратно к орудию. Зачем он спрашивал? Все видели надпись на стене. Или и он просто искал малейшей надежды перед лицом грозной и неизвестной участи?

Мы разбили кирками радио, телефоны и другое оборудование. Все документы были сожжены. Наш раненый наконец умер. Я надел сапоги, которые были чуть велики, чтобы

надеть под них еще одни носки. Неохотно расстался я со своими войлочными ботинками, но так было легче двигаться. Потом я заснул на овчине под кожаным пальто, которое родители послали мне на фронт. Пальто было генералу впору, но здесь, в Сталинграде, оно не годилось фронтовому офицеру. Как бы я хотел, чтобы оно было со мной в отпуске. Теперь оно наверняка попадет к русским в руки, как и фотоаппарат «лейка».

Странно, о каких тривиальных вещах думаешь, борясь за выживание. Руфь — ну, ничего из этого уже не выйдет. Меня в любой момент могут убить. Пусть только смерть будет как можно более быстрой и безболезненной. Мой шпис помог избавиться от мыслей о самоубийстве. В любом случае я слишком боялся этого — хотя самоубийство само по себе считается формой трусости. Я не винил Господа за Сталинград. Что он мог с этим сделать?

Глава 7 Дорога в плен

Тридцать первое января было воскресеньем. Меня разбудил крик: «Русские!»

Еще полусонный, я с пистолетом в руке взбежал по ступенькам, крича: «Кто стреляет первым, проживет дольше!» Навстречу выбежал русский, я его ударил. Выскочить из подвала и добежать до амбразур на первом этаже, думал я. Там уже стояли несколько артиллеристов и стреляли. Я схватил винтовку и отошел к боковому окну, чтобы лучше видеть в утреннем свете. Русские бежали через наши позиции, и я открыл огонь. Теперь из блиндажей у огневых позиций стали выбегать артиллеристы с поднятыми руками. Старый унтер-офицер бесцельно стрелял в воздух из пистолета. Короткая очередь из советского автомата покончила с ним. Было это мужество или отчаяние? Кто теперь скажет.

Орудийные позиции были потеряны. Мои артиллеристы взяты в плен. Баня, как «крепость», продержится чуть дольше. Все, что она теперь могла предложить, — это безопасность. Батарею слева от нас тоже захватили. Командир батареи, толстяк, поднявшийся от рекрута до гауптмана, с несколькими солдатами пробился к нам в баню. Амбразуры оказались очень кстати. Мы непрерывно стреляли на любое движение снаружи. Некоторые стрелки делали зарубки на прикладах за каждого убитого русского. О чем они думали? Или это нужно, чтобы польстить своему эго, вспоминая потом давние победы? Зачем все это? Смысла в этом не было ни на грош.

На какой-то момент из уважения к нашему отпору русские оттянулись назад. Один из пулеметов на морозе отказал. Масло застыло, и мы, артиллеристы, не знали, что с этим сделать. Винтовка была самым надежным оружием. Я стрелял из своей по всему, что можно было счесть мишенью, но попадал не так часто, как надеялся. Патронов было в изобилии. Открытые ящики с патронами стояли почти везде. Перестрелка отвлекла меня, и я даже слегка успокоился.

Неожиданно меня охватило странное чувство, что я зритель этой нереальной сцены. Я смотрел на все изнутри своего тела. Это было чуждо и сюрреалистично. Справа от нас, где была пехота с тем холериком-подполковником, уже не было слышно никакой стрельбы. Там махали кусками белой ткани, привязанной к палкам и винтовкам. Они вышли колонной по одному, из них сформировали колонны и увели.

— Только посмотри на этих уродов, — крикнул кто-то и

хотел стрелять по ним.

— Зачем? Оставь их, — сказал я, хотя мне было все равно.

Было минус двадцать, но мороз не чувствовался. В подвале согретые пулеметы и автоматы ненадолго оживали, потом остывали и снова отказывали. Пехота, по слухам, смазывала оружие бензином.

Снаружи слегка стихло. Что теперь делать? Баня была островком посреди красного потопа — совершенно неважным островком, потоп теперь лился мимо нас в город. По мере того, как все стихло, снова стал донимать холод. Я снял людей с бойниц, чтобы каждый мог спуститься в прогретый подвал и согреться крепким кофе. У меня еще оставались для завтрака какие-то крошки.

Баня

на углу Двинской и Карской улиц стала для Вюстера и его солдат последним оплотом. Образы последнего боя не сохранились на пленке, но они сохранились в памяти Вюстера

Я смотрел на хиви у некоторых бойниц, стрелявших по своим согражданам. Мы больше не обращали на них внимания. Хиви могли исчезнуть еще ночью. Что творится у них внутри? Вокруг лежит достаточно оружия и патронов. И все же они оставались нам верными, хорошо зная, что у них нет ни единого шанса выжить, если нас возьмут в плен. Их попытка сбежать от войны, дезертировав к нам, провалилась. Им больше нечего было терять.

Пришедший гауптман начал выделываться, хотя в нашем бункере он был лишь гостем. Он создавал впечатление человека, который хочет выиграть войну. Он хотел прорваться из бани на соединение с другими германскими войсками, которые еще дрались. Я равнодушно принял его предложение, хотя сопротивляющиеся части стоило искать не ближе городской черты.

Выйдя из бани, мы сразу же попали под пулеметный и минометный огонь. По лицу больно били осколки льда и кирпича. Мы забрались обратно в здание, но не все смогли вернуться. Несколько человек лежали снаружи мертвыми и ранеными. Потом подошли несколько русских танков и начали долбить по бане. Толстые стены выдерживали обстрел. Сколько еще они продержатся? Время шло пугающе медленно. Т-34 подошли ближе и теперь стреляли из пулеметов прямо по амбразурам. Это был конец. Кто бы ни подходил к бойнице, мгновенно погибал от пули в голову. Многие погибли.

Во всей этой неразберихе неожиданно у здания появились русские парламентеры. Пред нами стояли лейтенант, горнист и солдат с маленьким белым флагом на шесте, напомнившим мне о флажке «Юнгфолька» в «Гитлерюгенде».

День, когда сдался центр Сталинграда, — 31 января 1943 года. Отряды Красной Армии движутся по открытому месту, сгоняя немецких военнопленных. На снимке — небольшой советский дозор прочесывает район к северу от улицы 9 Января. На заднем плане два здания, за владение которыми шли упорные бои: Г-образное здание слева и Дом железнодорожника справа

Дорога в плен, как ее вспоминает Вюстер и его кисть. Лишь нескольких советских солдат достаточно, чтобы конвоировать длинную колонну пленных немцев

Нам повезло, что никто из гостей не был ранен, подумал я.

Гауптман был готов прогнать русских, но солдатам уже хватило войны. Они сложили винтовки и стали искать ранцы. Стрельба постепенно прекратилась, но я не верил этой тишине. Самое главное, гауптман был непредсказуем. Я хотел выйти из-под его старшинства и поговорил с двумя артиллеристами, стоявшими рядом, как бы пробраться по траншеям, идущим от здания. Может быть, мы могли бы пробраться в центр города и найти немецкие позиции.

Наверное, гауптман хотел умереть смертью героя. Но он потащил бы за собой и всех нас. Пригнувшись, мы трое выскочили и исчезли среди развалин. Нам нужно было время отдышаться. Я даже не забыл свое кожаное пальто. «Лейка» была в планшете. Я снимал до самого конца. Снимки имели бы огромную документальную ценность. Мы оглянулись на баню. Бой там закончился. Защитники цепочкой выходили наружу через оцепление русских. Никто не ушел в Вальхаллу перед самым финалом. Лучше бы нам остаться с остальными — потому что, несмотря на тяжелые потери, не было видно никаких следов русской жестокости.

Мы осторожно пробирались через кучи мусора в центр города. Время шло к вечеру, и мы не знали, что в это время фельдмаршал Паулюс уже сел в машину, которая отвезет его в плен, — ни разу не высунув нос наружу, не взяв в руки винтовку. «Котел» в центре Сталинграда прекратил существование.

В северном «котле» бойня продолжалась еще два дня под командованием генерала Штрекера. Перебегая от дома к дому и проползая по подвалам, мы, три беглеца, не могли далеко уйти. Мы все еще были в районе моего удобного командного пункта, когда, выглянув из подвала, наткнулись на двух русских с автоматами на изготовку. До того, как я что-то сообразил, кожаное пальто сменило хозяина. Я бросил пистолет и поднял руки. Они не интересовались ничем из наших вещей. Когда на мне, обыскивая, распахнули белую камуфляжную куртку, стали видны офицерские петлицы на воротнике. За коротким ругательством последовал удар в лицо.

Они загнали нас обратно в угол, и несколько русских направили на нас автоматы. Я еще не отдышался. Главным чувством, охватившим меня, была апатия, не страх. «Ну, вот и все, — промелькнула мысль. — Стоило подумать, что они не будут брать в плен одиночек». Я не чувствовал никаких эмоций, равнодушно ожидая, как к нам приближается великая неизвестность. Я не знал, чего ждать.

Вопрос, расстреляют ли нас русские, остался без ответа — проезжающий мимо Т-34 остановился и отвлек солдат. Они

поговорили. Вымазанный в масле младший лейтенант вылез из башни и еще раз обыскал нас. Он нашел мою «Лейку», но не знал, что с ней делать, вертел в руках, пока не бросил о кирпичную стену. Объектив разбился. Он выбросил в снег и отснятую пленку. Мне стало жаль моих фотографий. Все они снимались зря, подумал я.

У нас, конечно, с самого начала забрали часы. Несмотря на мои протесты, младший лейтенант забрал кожаное пальто. Его не заинтересовал ни мой кожаный планшет, ни бумага и акварельные краски в нем. Ему, однако, понравились мои теплые кожаные перчатки, и он, улыбаясь, снял их с меня. Забираясь в танк, он бросил мне пару перепачканных маслом меховых рукавиц и мешочек русского сушеного хлеба.

Мимо нас прошли 20–30 немецких пленных. Со смехом нас втолкнули в их группу. Теперь мы шли на запад, по узкой тропе, ведущей от города. Мы были в плену и не чувствовали ничего плохого по этому поводу. Опасная фаза перехода от свободного солдата к бесправному пленному — включая наше опасное бегство — была позади.

За редким исключением я долго не встречал никого из нашей бани.

Хотя с ясного неба светило солнце, температура была крайне низкой. В мое тело вернулось желание жить. Я решил делать все что могу, чтобы пройти через то, что мне предстоит, и вернуться.

Я ожидал, что нас погрузят на транспорт и отвезут в лагерь — примитивный, как все в России, но вполне сносный. Первым делом сухари, которыми я поделился с двумя товарищами по побегу, — это было самым важным. Скоро больше нечем будет делиться — голод ведет к эгоизму и изгоняет гуманность. Немногое осталось от товарищества и братской любви. Выдерживали только самые прочные дружеские связи.

Тот факт, что меня так ужасно ограбили, больше не был для меня трагедией. Я даже чувствовал какую-то благодарность к улыбающемуся командиру танка, который «заплатил» за награбленное. Хлеб был большей ценностью, чем довольно бесполезное кожаное пальто или фотоаппарат, который у меня долго бы не прожил. Промасленные меховые рукавицы еще пригодятся. Ни один русский у меня их не отберет.

Через руины города вели большие и малые группы пленных. Эти кучки сливались в одну большую колонну пленных, сначала из сотен, потом из тысяч.

Мы шли мимо взятых немецких позиций. Подбитые и сгоревшие машины, танки и пушки всех видов окаймляли нашу дорогу, протоптанную в твердом снегу. Везде лежали мертвые

тела, замерзшие до твердости, полностью истощенные, небритые, часто скрученные в агонии. В некоторых местах трупы лежали сваленными в большие кучи, как будто стоявшую толпу срезали автоматическим оружием. Другие трупы были изуродованы до того, что их было невозможно опознать. Этих бывших товарищей переехали русскими танками, — неважно, были ли они в тот момент живы или мертвы. Части их тел лежали тут и там как куски раздробленного льда. Я замечал все это, пока мы проходили мимо, но они сливались друг с другом как в кошмаре, не вызывая ужаса. За годы войны я потерял многих товарищей, видел смерть и страдания, но никогда не видел столько павших солдат в одном небольшом месте.

Я шел налегке. Все, что у меня осталось, — пустой ранец, плащ-палатка, подобранное по дороге одеяло, котелок и планшет. У меня была банка мясных консервов и сумка с окаменевшими сухарями из неприкосновенного запаса («дважды прожаренные» — их можно есть, только будучи очень голодным).

Мой желудок был полон после вчерашнего обжорства и русского хлеба. Идти в кожаных сапогах было легко, и я оставался в голове колонны. Во время короткого привала я стянул штаны, чтобы оправиться. Я был в ужасе — подштанники были полны высохшей крови. В суматохе последнего боя я, должно быть, не заметил, как в меня попал осколок. Нажав на правую ягодицу, я пришел к выводу, что ранение несерьезное и я вряд ли потерял сколько-нибудь крови. Когда я нажал на рану, она не болела, и кровь уже не текла. «И снова мне повезло», — подумал я.

В бесконечной колонне пленных многие могли лишь тащиться вперед. Только здесь я понял, насколько жалкими и изможденными выглядели солдаты боевых частей. Я все еще доедал жир, набранный в отпуске. Как бы то ни было, я голодал на шесть недель меньше и, как артиллерист, был в лучших условиях, чем беспомощные пехотинцы под открытым небом в степи. Теперь я видел вокруг себя полумертвые от голода фигуры, которые едва набирали сил на ходьбу. В гротескных лохмотьях, замотанные, как мумии, так что были видны только глаза, масса солдат ковыляла в колонне под ледяным ветром степи.

Все больше и больше солдат, измученных маршем, отставали и падали. Немногочисленный русский конвой постепенно перестал орать *Buistro* и *Davai* , которыми подгонял нас раньше. Они сами уныло брели в снегу. В хвосте полностью измученные пленные стали падать. Сначала их несли их благородные и сильные товарищи, но скоро сильные ослабели так, что не могли нести такую ношу. Даже моя сила иссякала, и меня измучила ходьба по снегу. Тот, кто оставался один, отставал, падал и

оставался в снегу. Мороз избавлял их от этого испытания.

Раненым товарищам было опаснее всего. Кулаками и прикладами винтовок русские ненадолго подняли некоторых на ноги, потом раздались первые выстрелы. Тогда по колонне пленных пронесся крик. Были громкие протесты, ругательства и требования остановиться, чтобы мы могли передохнуть. За этим последовали удары, жестокие попытки заставить нас двигаться и стрельба поверх голов. Человеческая воля к жизни заставила слабых слепо подгонять себя, чтобы не быть застреленным охраной. Более частые выстрелы и более редкие крики протеста показывали, насколько эта масса отупела от усталости. Каждый сосредоточился на себе и продолжал устало идти вперед — шаг за шагом.

Я был, конечно, возмущен и огорчен тем, что конвоиры пристреливали беспомощных упавших солдат и оставляли их лежать. Но я смог додуматься до более четкой мысли: а что еще они могли сделать? Тот, кто потерял сознание и упал, скоро в любом случае замерзнет до смерти. Транспорта не было. У русских у самих были проблемы с транспортом во время наступления на запад, и их руководство мало задумывалось о массах пленных, шагавших от линии фронта.

Во время нашего наступления в 41-м мы тоже не были готовы к огромному числу русских пленных. А наши конвоиры тоже стреляли по пленным? Я не знал. Я никогда не имел дела с русскими военнопленными. С другой стороны, наверное, было более гуманно положить конец страданиям с помощью пули. Кто знает, что творилось в головах конвоиров, когда они наводили стволы винтовок на беспомощных людей, скорчившихся на земле? Сострадание для солдата — роскошь, которую в нашей безжалостной профессии редко получается себе позволить.

Поскольку нас конвоировали солдаты фронтовых частей, у меня не было чувства, что над нами будут издеваться, бить или систематически расстреливать. Эти солдаты выполняли приказ без лишних эмоций.

Несмотря на все рациональные объяснения, гнев на победителей не исчезал. Русские должны были суметь подготовиться к приему большого количества пленных, взятых в Сталинграде. Им должно было быть известно, что пленные находятся в отчаянно плохом состоянии здоровья. Особенно им стоило принять меры по отношению к раненым, наполнявшим городские подвалы, а не оставлять их на произвол судьбы, проигрывающих битву со смертью. Явно, несмотря на медоточивые призывы сдаться, об этом никто не подумал. Единственное, что для них что-то значило, был распад

«фашистской» 6-й германской армии.

Медленно темнело. В отдалении я увидел сигнальные ракеты и вспышки разрывов снарядов. Кто там еще сражался? Были ли ракеты русским салютом или это германские войска шли спасти нас?

— Нас спасут! — сказал кто-то.

— Если наши подойдут, русские сначала убьют нас, — сказал другой.

Эти замечания, следы последней надежды, становились все более абсурдными.

Навстречу шли колонны грузовиков, все с зажженными фарами, почти как в мирное время. Грозными тенями по обочинам ледяной дороги стояли русские Т-34. Небольшие костры под брюхами сохраняли двигатели в тепле, готовыми к движению. Русские явно понимали, что такое мороз и как иметь с ним дело.

Нас наконец загнали в большой овраг, уже полный людей. Мы стояли и мерзли, ожидая, что будет дальше. Как всегда в неясных ситуациях, кругами ходили слухи: что будут раздавать еду, или что больных и раненых погрузят на грузовики, или что нас отправляют до реки Дон, где погрузят на поезд. Было много предположений, но ничего не произошло.

Русские часовые ходили по гребню лощины. Они тоже мерзли. Я смертельно устал, так что я позаимствовал яму в снегу, засунул ноги, обутые в кожаные сапоги, в практически пустой ранец и свернулся там под одеялом и плащ-палаткой. Заснул я мгновенно. Когда я проснулся, уже светало. Я окоченел и с трудом поднялся на ноги. Парализованный холодом, я хлопал руками по бокам и потопал ногами. Я успешно пережил ночь. Было много шума, но не было еды, не было даже воды. Многие сосали снег, но это было рискованно.

Хорваты из австрийской дивизии держались вместе. Они могли общаться с часовыми на родном языке и пытались добиться себе каких-то привилегий.

У австрийцев была та же идея — «мы сформируем красно-бело-красную колонну [цвета австрийского флага]», выкрикивал на густом венском диалекте старый ротмистр. Его фамилия была Бек. «Что нам до нацистов, которые захватили Австрию и навязали нам их форму и их войну?» Он продолжал крутиться вокруг этих двух фраз. Тембр его голоса становился все более невыносим. Вокруг него быстро собралась кучка оппортунистов, предпочитавших свастике красно-бело-красное. Несколько неавстрийцев тоже было двинулись к ним, но у них не было австрийского говора, и их завернули со словами «идите к своему

Гитлеру, убирайтесь отсюда, грязные нацисты. Пошли вон в свой рейх».

Один фельдфебель не выдержал этого идиотизма: «Ну-ка, хватит! Лучше заткни чертову пасть! Никто из нас, немцев, не кричал славу фюреру громче, чем вы в тридцать восьмом. Это вы, дорогие австрийцы, отправили его к нам, а теперь не хотите иметь с ним никакого дела!»

Австриец, должно быть, что-то ему ответил, потому что фельдфебель неожиданно ударил его в лицо, сбив на снег.

«Ты, грязная предательская свинья! Ты носишь форму германского офицера, а теперь целуешь в задницу русских, хотя они об этом не просили!» Он был, пожалуй, потрясен своим взрывом и поэтому отвернулся.

Больше ничего не происходило, но он меня впечатлил, явно говоря от чистого сердца. Бек еще собирал свою красно-бело-красную группу и кооперировался с хорватами, которые теперь были враждебны нам, немцам. Хорваты до самого конца бились на нашей стороне как хорошие солдаты. Люди с Балкан непредсказуемы. Большинство австрийских пленных чувствовали себя немцами. Но все может быстро перемениться, ведь они сорвали орла и свастику со своих мундиров и заменили их красно-бело-красными кокардами. Наверное, люди вроде Бека поспешили воткнуть серп и молот в когти австрийского геральдического орла.

Нет, финал битвы 6-й армии в Сталинграде не был героическим. Германский солдат лишился гордости.

Когда мы вышли из лощины мимо часовых, для нас была готова еда — горсточка пшенных зерен, из которой здесь ничего нельзя было сделать. В конце концов мы жевали сухие зерна. Нам полагался и бульонный кубик, но его нельзя было разгрызть. Во время следующего привала мы попытались разжечь костер из степной травы, чтобы в котелках сварить кубик в растопленном снеге. Это было воистину безнадежное занятие. На открытой снежной местности травинки с трудом загорались и давали очень мало тепла. Когда мы попытались поджечь лежащие тут и там автопокрышки, конвоиры нас остановили и погнали дальше, не дав ничего сварить. Мы попытались проглотить теплую воду с наполовину растворившимся кубиком. Жажду пришлось утолять снегом.

Колонна весь день шла через снег. Время от времени я слышал в хвосте колонны уже привычные выстрелы. Следующая ночь тоже прошла в снегу, и на следующий день мы продолжили путь на голодный желудок. Мои консервы и пайковые сухари были давно съедены.

Пока мы шли по вытянувшейся вдоль дороги деревушке с ветхими хижинами, мы встретились с гостеприимством местных. Нас оскорбляли на неразборчивом языке. Многие хотели плюнуть на нас, но не осмеливались подойти достаточно близко. Это был парад жалких развалин — никто, глядя на нас, не мог представить, что всего несколько недель назад мы были мощной армией, которая внушала русским ужас. Мы шли без отдыха всю третью ночь. Мои силы были на исходе. Я подумал, что при таких обстоятельствах я долго не протяну.

Я разговорился с тремя незнакомцами из колонны. Нам нужно отдохнуть и поспать, неважно как. Эта мысль не выходила у нас из головы. Мы хотели попытаться сбежать с этого марша страдальцев. Ночь была очень темная, и падал легкий снег. Днем мы проходили старые заброшенные позиции. Вся местность должна была быть покрыта такими траншеями и блиндажами, — наверное, оставшимися от сентябрьских боев. Мы решили сбежать вбок и поискать нору, чтобы поспать. Мы не могли идти вечно, скоро мы отстанем, может быть, упадем — и нас пристрелят.

Вместе мы резко свернули влево и ушли в темноту. Со стороны оставленной колонны кто-то покричал. Либо русские ничего не заметили, либо им было все равно. Как бы то ни было, ничего не случилось. Мы вчетвером шли по снегу, доходившему до колен, а потом наткнулись на систему траншей. Мы нашли перекрытую щель, где, наверное, был пост телефонистов. Там лежали обрывки телефонного кабеля и забытый стержень заземления.

В отдалении, на дороге, по которой мы брели как стадо, были видны огни фар. Мы натянули поперек входа плащ-палатку и сбились под одеялами поплотнее, чтобы согреть друг друга. Это была сравнительно терпимая ночь, беспокоил лишь грызущий нас голод.

На следующий день мы осмотрелись. На дороге продолжалось движение. Мы почувствовали себя свободными и хотели найти дорогу обратно к немецким позициям. Где они сейчас? Где-то на западе. Куда еще мы могли пойти? Мы набрали досок и развели костер, чтобы обогреться и растопить снег в котелках. Он прогнал жажду и отчасти наполнил наши голодные желудки. Мы решили двигаться, когда стемнеет. Весь день мы спали.

Когда в темноте мы начали движение, вскоре, оказавшись в глубоком снегу, мы отказались от этой идеи. Марш по пересеченной местности не обещал ничего хорошего. Для этого требовалось много сил, которых у нас не было. Измученные, мы вернулись в свою нору.

И что теперь? Нам нужно будет найти способ вернуться в плен. Когда наступил новый день, мы вернулись на дорогу и пошли по обочине в сторону запада. Движение в обе стороны было оживленным. Никто не обращал внимания на наши жалкие фигуры. Наконец мы дошли до фермы, вокруг которой было множество русских. От полевой кухни доносился аромат супа, который собирались разливать. Ставились большие палатки, в них были видны охапки сена. Никто не обращал на нас никакого внимания. Наконец мы встали в очередь за едой. Уже собираясь наполнить наши котелки, повар опознал в нас немцев и отогнал нас прочь. Мы вошли в одну из палаток и сели на сено. Палатка была полна легкораненых, лежащих и стоящих на ногах. Сначала нас опять оставили в покое. Потом стали раздавать еду, и мы опять протянули котелки — и нас опять прогнали, но на этот раз позвали офицера.

Я не понимал из разговора ни слова. Кажется, нас не убьют. Они не были настроены враждебно, только не собирались давать нам никакой еды. Нас заперли в темном погребе, который, наверное, служил хранилищем продуктов. Когда глаза привыкли к темноте, мы стали искать, чего бы съесть.

Наверное, через час нас вывели из погреба и сунули в открытый кузов грузовика. Он куда-то повез нас. Ехать всегда лучше, чем идти, думали мы. В кузове было много мешков из коричневой бумаги. В кармане камуфляжных штанов у меня был небольшой перочинный нож. Я осторожно подпорол шов на одном мешке. В нем был уже знакомый сушеный хлеб. Мы жадно вгрызлись в него. Набив желудки, мы наполнили карманы и ранцы. Открытый мешок спрятали среди прочих. Нужно было делать все осторожно, потому что из кабины грузовика на нас поглядывали. Мы боялись, что нас застигнут на краже. Когда грузовик ехал вдоль бесконечной колонны пленных, мы решили спрыгнуть и присоединиться к колонне. По одному мы соскользнули с грузовика, приземлившись среди пленных, встали на ноги и исчезли в толпе. Мы больше никогда не видели друг друга. Интерлюдия на этом закончилась.

Я был в плену — и на этот раз к добру. Я ничего не потерял своим побегом, но мой живот был полон, я отоспался и даже набрал запас хлеба. Теперь с большим оптимизмом, чем раньше, я шел навстречу неизвестной участи…

Постскриптум Жизнь Вюстера после Сталинграда

Колонна Вюстера шла на север, к лагерю военнопленных во Фролове. Там Вюстер снова встретил нескольких своих солдат, включая унтер-офицера Фритце, подбившего советский танк 30 января, но тот представлял жалкое зрелище: он лежал на земле в куче своих испражнений. Голод и болезни свирепствовали среди солдат и унесли многих. С приходом весны условия изменились ненамного: на советский праздник Первого мая даже была дополнительная раздача хлеба. Вскоре после этого офицеров отделили и посадили на поезд, идущий на север. После долгого пути с частыми остановками, чтобы пропустить военные эшелоны, пленных выгрузили и посадили на корабль на Волге. Через несколько дней они попали в свой новый дом — Елабугу. Новичкам из Фролова в одном отношении повезло — эпидемия тифа, прошедшая по Елабуге и унесшая сотни жизней, окончилась незадолго до их появления.

Вюстер останется в советском плену еще почти 7 лет. Его переводили в разные лагеря и отправляли на работу по восстановлению нескольких объектов. Первые надежды на репатриацию окончились разочарованием, но в декабре 1949 года его наконец выпустили. Он прибыл домой в канун Нового года, закончив семилетнюю «школу жизни», как ему однажды сказал в лагере *politruk* . Его невеста Руфь ждала его. Его любовь к ней помогла прожить в самые мрачные дни плена. Даже не будучи его женой и не зная, жив он или умер, Руфь ждала его долгих семь лет. Вскоре после возвращения они поженились, и 24 апреля 1951 года фрау Вюстер родила сына. Его назвали Манфред в честь погибшего брата Руфи.

В мае 1950 года Виганд Вюстер продолжил обучение и закончил его в 1957 году, став доктором права. В 1960–1965 гг. у него была государственная юридическая практика, и с 1965 по 1980 г. он работал в Баварии. Он вышел на пенсию в 1983 г. Виганд и Руфь Вюстер до сих пор живут в Мюнхене.

Приложение 1 Военная карьера Виганда Вюстера

Вюстер родился 11 августа 1920 г. в Геттингене, при крещении получил имя Пауля Карла Генриха Виганда Вюстера. Его родители — Густаф и Берта (урожденная Виганд) Вюстер. Вырос в родительском доме; посещал начальную школу в Геттингене с пасхи 1926-го до пасхи 1930 г., затем «дойче обершуле фюр юнген» (среднюю школу для мальчиков) с пасхи 1930 г. до февраля 1938 г. Получил полное среднее образование. Рейхсарбайтдинст (трудовая повинность) с 5 апреля по 25 октября 1938 г. Почти сразу же после этого поступил на военную службу.

Повышения по службе

1 мая 1939 г. ефрейтор

1 августа 1939 г. унтер-офицер

26 января 1940 г. фаненюнкер-вахмистр (приказ в силе с 1.1.40)

1 апреля 1940 г. лейтенант (утверждено кадровой службой рейха с 1.4.40)

16 марта 1942 г. обер-лейтенант (утверждено кадровой службой рейха с 1.4.42)

Послужной список

1 ноября 1938 г. Поступил на военную службу фаненюнкер-канониром (кандидатом на офицерский чин в чине рядового артиллерии) в 5-ю батарею 19-го артполка

23 ноября 1938 г. Принял присягу

25 октября 1939 г. Посещал курсы вторых офицеров в «Ваффеншуле дер артиллерии» (артиллерийском училище) в Ютербоге (окончил 26 января 1940)

1 февраля 1940 г. Переведен в 6-ю батарею 171-го артполка

1 мая 1940 г. Переведен в 10-ю батарею 171-го артполка

6 августа 1940 г. Направлен на артиллерийские офицерские курсы в Юттерборге (окончил 2 сентября 1940)

Август 1942 г. Переведен в 11-ю батарею 171-го артполка

Октябрь 1942 г. Переведен во 2-ю батарею 171-го артполка

Награды

1937 г. Значок за верховую езду

1 сентября 1939 г. Значок за спортивные достижения

29 августа 1940 г. Железный крест второго класса

Август 1940 г. Значок за атаку

Июль 1941 г. Железный крест первого класса

К сожалению, личное дело Вюстера не закончено. Последняя сохранившаяся запись — о производстве в обер-лейтенанты 16 марта 1942 г. Не сохранилось никаких следов отрицательной характеристики, написанной в сентябре 1942 г. подполковником Бальтазаром, так что, похоже, командир полка, подполковник фон Штрумпф, не передал его в управление кадров в Берлине, в чьем ведении находятся личные дела.

Приложение 2 Полковник Гельмут Бальтазар

Бальтазар родился 6 сентября 1901 г. в Падеборне, родители — Август и Лиина (урожденная Мюльхаузен) Бальтазар. Отец, гауптман Бальтазар, убит 25 октября 1914 г. у Неф-Шапеля во Франции. Молодой Бальтазар поступил добровольцем в артиллерию 19 марта 1920 г. и медленно продвигался по службе в рейхсвере. В 1928 г. он женился, к 1936 г. у него было четверо детей (трое сыновей и дочь).

Во время войны характеризовался вышестоящими как отличный офицер, но начало его карьеры омрачили несколько происшествий. Первое было незначительным: в марте 1936 г. он получил 3 дня отложенного ареста за выход из казарм в рабочем кителе и без ремня, нарушая хорошо известный приказ. Второе было более серьезным: его обвинили в превышении власти и издевательстве над нижестоящим, доведя его до полного изнеможения во время занятий. Аналогичное нарушение было совершено и в конце 1938-го, когда призывника 15 минут пороли стеком. Солдат, попавший под суд сразу же после возвращения из отпуска, уже получил два года тюрьмы за кражу денег у трех товарищей и из ящика казначея. Тем не менее гауптман Бальтазар решил вынести собственное наказание. Хотя он лично не отдавал приказ о порке, она явно предполагалась, когда он приказал другому солдату принести стек и передал обвиняемого своему гауптвахмистру. Однако во время слушания дела 7 февраля 1939 г. обвинение с Бальтазара было снято, поскольку не было свидетелей того, что он приказал устроить порку.

Повышения по службе
1 августа 1922 г. — офицер-кадет
1 сентября 1923 г. — фенрих (кандидат в офицеры)
20 августа 1924 г. — обер-фенрих
1 декабря 1924 г. — лейтенант
1 апреля 1928 г. — обер-лейтенант
1 июля 1934 г. — гауптман
1 апреля 1940 г. — майор
1 апреля 1942 г. — подполковник
1 января 1944 г. — полковник

Карьера в военное время
1 сентября 1939 г. — командир II батальона учебного

артполка, Ютерборг

30 июня 1940 г. — командир батальона, 152-й артполк

22 ноября 1940 г. — командир 339-го артиллерийского батальона

14 августа 1941 г. — командир IV батальона 171-го артполка

7 ноября 1942 г. — лектор во II артиллерийской школе

1 января 1943 г. — руководитель курса, учебный отдел II артиллерийской школы

5 декабря 1943 г. — командир 9-го артполка

Награды

25 декабря 1940 г. Железный крест второго класса

22 мая 1942 г. Железный крест первого класса

15 сентября 1942 г. Знак за ранение в серебре

Ранения

12 июля 1942 г. Ранение лица, правого колена и обеих рук осколками снаряда

12 июля 1942 г. Ожоги лица, обеих рук и шеи в подбитом танке

13 сентября 1942 г. Ранение затылка осколками мины

Приложение 3 Полковник Карл-Леберехт фон Штрумпф

Фон Штрумпф родился 16 января 1896 г. в Бранденбурге. Отец — генерал-лейтенант Карл фон Штрумпф. Молодой фон Штрумпф воевал в Первую мировую войну лейтенантом артиллерии. Он женился в 1918 г., но в 1922 г. жена умерла. Он вновь женился в 1926 г., у него родилось трое детей (два сына и дочь).

Повышения по службе
4 октября 1914 г. — фенрих
29 января 1915 г. — лейтенант (без патента)
1 мая 1934 г. — гауптман (утвержден 1.1.34)
31 декабря 1938 г. — майор (утвержден 1.1.39)
13 декабря 1941 г. — подполковник (утвержден 1.1.42)
19 февраля 1943 г. — (утвержден 1.1.43)

Карьера в военное время
26 августа 1939 г. Командир III батальона 171-го артполка
14 сентября 1942 г. Командир 171-го артполка

Награды
30 мая 1915 г. Железный крест второго класса
4 июня 1916 г. Гессенская медаль за храбрость
5 октября 1916 г. Железный крест первого класса
1 октября 1918 г. Знак за ранение черный
6 июня 1940 г. Пряжка к Железному кресту второго класса
10 июля Пряжка к Железному кресту первого класса
3 августа 1942 г. Германский крест в золоте

Приложение 4 Свидетельства очевидцев

Последние недели в Сталинграде Вильгельм Гереке, 2-я батарея 171-го артиллерийского полка

Когда в ноябре 1942-го советские танковые клинья соединились на придонских высотах у Калача и 6-я армия оказалась в котле, никто не верил, что это надолго. Первые солдаты второй батареи уехали в отпуск и еще не вернулись. Огневые позиции были у церкви, с направлением огня в сторону Волги. Старшим был обервахмистр Грюневальд. Командный пункт батареи был в здании бани, где располагался штаб русского полка или дивизии, пока мы его не заняли.

На Волгу открывался широкий вид. В ясные дни мы могли наблюдать, как русские разворачивают на позициях массы своей артиллерии. Командир нашей батареи, обер-лейтенант Вюстер, был в отпуске, так что батареей командовал лейтенант Гильдебрандт, которому уже недолго осталось. Лейтенант Гильдебрандт скоро стал батальонным адъютантом, и батарею принял лейтенант Байгель. Я сидел на коммутаторе на КП батареи и, как радист и специалист по связи, на передовом наблюдательном пункте. Каждые десять дней к передовым наблюдателям ходили вахмистр Шпехт и 3 человека. Наблюдательный пункт был в овраге недалеко от Волги. Противник был в 15 метрах. Поскольку все было видно, двигаться можно было только вперед от вокзала по ходам сообщения, которые находились под постоянным минометным обстрелом. Батарею снова и снова перетряхивали. Все, кто считался ненужным, отправлялись в 1-ю батарею. У нее не было пушек, и она была развернута вдоль Волги в качестве пехоты. 17–18 декабря пришел приказ, гласивший, что все, кроме самого необходимого, должно быть уничтожено. Мы должны взять два орудия и двигаться на южный фас окружения, где наши танки соберутся и пойдут на прорыв, навстречу приближающейся 4-й танковой армии. Мы не успели ничего уничтожить, когда приказ был отменен.

В конце декабря — начале января в котел прилетел обер-лейтенант Вюстер. Лейтенант Байгель принял штабную батарею. Батальонный командный пункт расположился на бывшем заводе спиртных напитков по дороге от аэродрома к Красной площади. Командовал батальоном гауптман Лангнер.

В начале января меня перевели с наблюдательного пункта на батальонный КП. Фронт по Волге был в то время сравнительно

тихим местом. С нашей стороны мы могли вести артиллерийский огонь по опознанным целям только после особого разрешения и не более трех снарядов, а русские могли целой батареей стрелять с другого берега Волги по отдельному человеку. Погода была снежная, с сильными морозами до 25–30 градусов ниже нуля. Это была прекрасная погода для ВВС противника, весь день висевших в небе. Бывшее помещение «Комендатуры Центр» превратили в госпиталь, и он был переполнен ранеными. К госпиталю, четко отмаркированному красным крестом на белом фоне, подошли русские бомбардировщики и сровняли с землей фосфорными бомбами. Бои в степи придвинулись к окраинам, и раненые солдаты и бродяги стекались в руины города. На нашем КП были представители всех дивизий. Ранеными занимался батальонный доктор Хенгст. Из своих скудных пайков мы кормили этих раненых и потерявшихся солдат, которые днями ничего не ели. 20 января в наш погреб перебрался командный пункт полка. Командиром полка был полковник фон Штрумпф, адъютантом — гауптман Шмидт. 28 января русские вышли к Волге южнее нас, и у нас больше не было связи с той стороной. К этому моменту бывшая тюрьма ГПУ, лежавшая вдоль балки реки Царица, была полна немецких пленных. Вечером того же дня полковой адъютант, гауптман Шмидт, попрощался со всеми. Он хотел с несколькими офицерами пробиться вниз по Волге к кавказской армии. 29 января на нашем КП, от которого оставались какие-то остатки, были по справедливости поделены оставшиеся ценности. Остатки сухих пайков были розданы накануне, 28-го. Ближе к вечеру 29-го по улице приехал Pz IV и обстрелял минометы и пехоту противника. Когда русские засекли его, они открыли огонь всей своей артиллерией, уничтожая и танк, и командный пункт. После того как подполковник фон Штрумпф и гауптман Лангнер были убиты, в наступающей темноте мы перебрались в другой подвал. Его уже занимали солдаты из другой дивизии, включая истребительную эскадру Удет, которой командовал гауптман Мундшайт. Переднюю линию заняли под укрепленный пункт. Ночью русские прорвали фронт слева от нас, и у нас был свой собственный маленький котел. Поскольку драться дальше смысла не было, утром 30 января мы пошли сдаваться в плен.

Выстрелив все патроны и приведя к негодности ручное оружие, 30 января 1943 г. мы сдались в плен. Когда мы дошли до вражеских позиций, передовые части угостили нас сигаретами и сигариллами с наших собственных складов, захваченных русскими. У нас ничего не взяли. Со словами *Voina kaput, skova domain* («войне конец, скоро домой») все пленные, человек 250, собрались в колонну и двинулись на юг в сопровождении

единственного конвоира. Когда солдаты и гражданские пытались нас ограбить, их отгонял автомат нашего конвоира. Когда его примерно через 1,5 км сменили, с другим конвоиром все было так же. Когда и его сменили еще через 1,5 км, начался великий шмон, в котором участвовали и гражданские. У нас взяли все, что у нас было, — все, что смогли увидеть. Мы дошли до южной автострады и пошли в сторону Бекетовки. На этой дороге нас настигли русские моторизованные части. Те, кто не успел отскочить, были раздавлены. Через несколько километров дорога свернула к железной дороге Сталинград — Бекетовка. Здесь, в будке стрелочника, нам роздали еду. Было выдано по буханке хлеба на каждые восемь человек и по соленой сельди на каждого. Так нас кормили восемь дней. Когда мы вернулись на дорогу, нас уже ждал русский отряд. У нас забрали последние пожитки, с нескольких товарищей даже сняли сапоги. И они стояли на снегу босиком, на морозе минус 30. Вечером мы дошли до лагеря Бекетовка, и нас распределили по домам без окон, с земляным полом. Поскольку у нас забрали одеяла, мы спали на холоде, на промерзшей земле. В лагере было 50 000 пленных. Из-за голода здесь происходили самые худшие вещи. У лагеря было два грузовика «Опель-блиц», которые каждый день вывозили мертвых в близлежащие овраги. В лагере была кухня, но того, что там готовилось, было недостаточно для такого множества пленных, так что если ты ел раз в неделю — тебе везло. В конце февраля нас погрузили на поезд. В каждом вагоне было 80—100 человек. В вагонах были нары. Для отправления естественных надобностей в полу была прорезана дыра 30×30 см. В углу стояла печь, в которой помещалось несколько поленьев. Чтобы они поместились в печь, куски дерева нужно было дробить ломом. В качестве пайка каждый получил по два ломтя хлеба и соленую сельдь. Но на протяжении всего пути пить было нечего. Когда поезд сделал остановку, умерших во время пути вынесли и сложили на снег у насыпи. На конечной остановке нашего маршрута нас выгрузили и разделили на лагеря «Бауэр» и «Нойман» на территории Республики поволжских немцев (столица республики, город Энгельс, находится на другом берегу Волги от Саратова. — *Примеч. пер* .). Тех, кто не мог идти, довезли в лагерь на санях с упряжками волов, которыми управляли русские женщины. Женщины были гражданскими заключенными и сидели в лагере недалеко от Бауэра. Деревня Бауэр была чудесным местом. Когда жителей вывезли в ссылку, на базе деревни было развернуто несколько лагерей. Из 1000 разместившихся здесь военнопленных 30 умерли. Сыпной тиф, дистрофия и дизентерия унесли многих. В первые недели почти никто не был способен работать. Врача в

лагере не было, лишь русская медсестра, которая была беспомощна перед лицом всех этих умирающих. В марте был закрыт лагерь Нойман, и выживших перевели в Бауэр. Лишь человек 50 из нас были способны работать и использовались на строительстве фермы. В сентября 1943 г. Бауэр тоже был закрыт. Нас перевели в Вольск. Нас было 70 работоспособных и 150 больных. Это все, что осталось от двух тысяч.

Воспоминания артиллериста в битве под Харьковом в мае 1942 г. Ганс-Георг Кольб, 3-я батарея 171-го артиллерийского полка

Я был ефрейтором и служил на 3-й батарее конным вестовым. В то время я вел дневник. Я был 21-летним «юнцом», кандидатом в офицеры, и думал и писал соответствующим образом. Сегодня я замечаю, что я никогда не писал о чувствах или страхах в тот момент, когда сидел за стереотрубой во время бомбежки или обстрела или двигаясь в одиночку ночью. Вот мои записи за время с 5 по 20 мая 1942 г.

5 мая 1942

Уже четыре дня, как нас впрягли в огромный фронт, протянувшийся от Белого моря на севере до Черного моря на юге. Метрах в 300 от противника, на пологом холме за линией фронта, мы выкопали себе наблюдательный пункт, который даст нам защиту от заградительного огня, — но в основном от дождя, который льет целыми днями без остановки. Только сейчас я начинаю кое-как понимать, каково служить в пехоте. Форма у нас покрыта грязью, одеяла и плащ-палатки мокры насквозь, мы бегаем по расположению, постоянно оскальзываясь и падая, а дождь все течет сквозь бревенчатую крышу бог знает насколько непрофессионально построенного блиндажа. В России весна…

6 мая 1942

Умопомрачительно голубое небо! Настроение лезет все вверх и вверх. Ночной минометный обстрел. Прочитал в «Рейхе» статью под названием «Широкая душа нашего народа». Эти слова рейхсминистра [Геббельса] сказаны нам, солдатам, от чистого сердца; теперь мы меряем все иным аршином, чем дома. Мы больше не ворчим насчет пива и сверхурочной работы, мы заняты 24 часа в сутки и счастливы последнему глотку воды во фляжках.

Тем не менее мы признаем усилия нашей родины, они нам нужны, и мы не выжили бы без родины — это единственное, что определяет наши мысли и действия.

12 часов. Перед нами все стихло, даже артиллерию еле слышно, лишь разрывы время от времени, то около нас, то около пехоты. Каково сейчас там, на родине, и увижу ли я снова, как пробуждается природа? Если мне суждено пасть, то хотелось бы лежать под придорожными цветами. Наши мысли и наше беспокойство — не о нас, а о родине и о наших любимых. Как часто в последние недели мне хотелось быть на несколько лет старше, чтобы оставить после себя детей.

7 мая 1942

Ночью русские пытались прорваться через наше минное поле и окружить пехоту. Если бы им удалось, мы сидели бы в окружении.

8 мая 1942

Ночь прошла тихо. Со вчерашней почтой получил только письмо от товарища, который тоже служит.

9 мая 1942

Примерно в 2.30 утра поднялся ужасный огонь. Винтовки, пулеметы, минометы и пушки — короче говоря, все инструменты смерти и огневой мощи нашего столетия выкладывались по полной программе. Этот концерт был спровоцирован операцией нашей штурмовой группы, которая напала на русский дозор и вернулась с пленным, никого не потеряв.

10 мая 1942

Завтрашней ночью нас должны сменить и перевести в пределах расположения дивизии дальше на юг.

11 мая 1942

Русские долбят по нашему сектору с самого рассвета. Что-то будет! Мы, в общем, рады к вечеру убраться отсюда, потому что сидим на самом острие полосы, выдающейся в глубь русских позиций.

12 мая 1942

Вчера в 22.00 нас сменили части 294-й пехотной дивизии, и мы ехали всю ночь. Это уже третья бессонная ночь. Днем мы ничего или почти ничего не ели. Вечером продолжится марш на Харьков.

13 мая 1942

Тревога вчера в полдень! Русские прорвались при мощной танковой поддержке. Наша сменяющая группа попала в плен или в панике разбежалась. На пять часов позже — и на их месте могли бы оказаться мы. После обеда мы вышли на позиции за Петровской, и батарея стреляла по двум приближающимся русским танкам прямой наводкой, дистанция около 600 метров. Но без пехотного прикрытия ничего нельзя сделать, так что мы собираемся и отходим назад. Ночью замешательство достигло предела — русские танки ползли по холмам справа и слева от нас. «Победоносный отход» до рассвета, потом на огневые позиции, группа управления командира батареи в 200 метрах по фронту. Никакой пехоты насколько можно бросить взгляд, только пехотинцы группами по трое-четверо, бредущие в тыл. Это из двести девяносто четвертой!

Вызвали в батальон для получения приказов, приказы не готовы, вот и сижу и пишу.

14 мая 1942

Положение улучшилось! Справа от нас в дыру брошены части 23-й танковой дивизии, слева пробивается пехота. Наши бравые помощники зарываются в землю прямо перед батареей. Наши «Штуки» долбят по русским практически без остановки до самого заката. Ближе к вечеру Иван устроил тяжелый ракетно-артиллерийский обстрел.

15 мая 1942

«Штука» за «Штукой»! Положение не изменилось. Письмо от брата Хайнца.

16 мая 1942

Перед рассветом — смена позиции перед фронтом. Война снова стала приятной. Наш наблюдательный пункт стоит на краю поля, окруженный убитыми в предыдущие дни. Танки наступают справа и слева, с ними панцергренадеры. Грудь раздувается от гордости, когда видишь, что мы еще можем!

В полдень наша кампфгруппа Бем собирается у Веселого, вся картина напоминает маневры. К ночи отрыты огневые позиции в отбитой Петровской. Ночью, бегая связным в батальон, на обратном пути выскочил на незнакомую местность и несколько раз выходил к передовой линии. Добрался до наблюдательного пункта только к рассвету.

17 мая 1942

День матери! Первый раз ведем плотный заградительный огонь. В полдень получил отпуск на два дня, и меня отвезли на позиции передков. Подошвы ног — сплошные пузыри мозолей.

18 мая 1942

Чудесный отдых. Наконец пришла почта. Неожиданно ужасное завершение вечера — товарищ, который на два дня сменил меня на наблюдательном пункте, получил смертельное ранение в голову в том самом окопе, в котором я до того ночевал. Может быть, со мной произошло то же самое — особенно если учесть, что два других товарища на НП были ранены. Сцена, которую я позавчера видел, не скоро забудется: пехотинцы хоронили своих павших за предыдущий день. Единственное, что хорошо — что родственники не увидят этого и не узнают, как мертвых уродует железо и, в первую очередь, жаркое солнце. Прискорбно.

19 мая 1942

То же, что вчера: русские атакуют с ураганным огнем и танками. Иван хочет пробиться в Харьков! Мы держимся. Все стихает к полудню. Только шум танков слева. Чуть позже вернусь на передовую на наблюдательный пункт.

Конный связной 3-й батареи 171-го артполка, летом 1942 года Из дневника Ганса-Георга Кольба, 3-я батарея 171-го артиллерийского полка

15 июня 1942

На Бурлуке. Добрых две недели не писал в дневнике. Он оставался в седельной сумке в обозе, — и, в любом случае, в эти дни мало что происходило. 2 июня обер-лейтенант Герт пристегнул на мой китель Железный крест второго класса «в признание действий в дни отхода и последующего контрнаступления». Радость для меня и много презрения со стороны старых обер-ефрейторов.

В 02.00 10 июня началась наша атака под Николаевкой, с такой концентрацией артиллерии, какой я никогда не видел. Гаубицы, пушки, минометы — всего 24 батареи в секторе дивизии — дали инфернальный концерт, бивший по нервам. А потом над нашими головами ревели бесчисленные бомбардировщики, «штуки» и истребители. Русские охотно побежали, и мы без труда продвинулись на 20 км. Вечером, во время переправы, подо мной потонул понтон, который неправильно нагрузили связисты, и мне пришлось плыть до берега и тащить за собой лошадь. После ночного ливня я лежал мокрый насквозь под открытым небом в грязной траншее, ругаясь сквозь зубы. Привычный совет «сушить одежду на себе» не работал — дождь продолжал идти.

11 июня был дождь, еще дождь и снова дождь.

12 июня было получше. Утром мы добыли яйца, хлеб и две курицы, вечером передвинулись на новый наблюдательный пункт перед Смоловкой, где и размещаемся до сего дня.

17 июня 1942

Шесть дней никакой почты. Не сменяли весь день, два часа на стереотрубе ночью, днем 3–4 раза бегал связным в батальон. Иван от нас в 800 метрах — окапывается, но тихо.

18 июня 1942

Русская артиллерия пристреливается по местности. Получил две посылки от матери Хельги.

19 июня 1942

«Дождь идет, мы лежим в палатках». До сих пор никакой почты. «Терпи» — слово, которое я уже не рад слышать.

21 июня 1942

Сегодня у нас есть все — пайки, жалованье, марки авиапочты

и… почта! Два письма от Хельги и две открытки из Рейхсфюрерinneншуле (школы Лиги германских девушек) в Бойдене. Завтра с раннего утра должно прийти еще.

22 июня 1942

Все началось ровно год назад, великие победы — но уж точно недостаточно великие. Самые трудные дни еще впереди.

В 02.00 атакует пехота: взяты Смоловка, Ленинка и Крайдиянка. Примерно в 10.00 смена позиции в сторону фронта, положение слева неясно. После обеда мы оказались на самом острие удара пехоты, с группой управления командира батареи. Командир позволил нам для развлечения пострелять по нескольким русским, но только пока они не стали зарываться в землю, прямо руками. Несколько недолетов, позор! Вечером наблюдательный пункт на высоте 194,8.

23 июня 1942

Дождь и грязь, смена позиции в сторону фронта в 16.00.

24 июня 1942

Смена позиции в 10.00, после обеда снова контакт с противником. Доложил на передовой НП, но ничего не вышло, пехота еще не взяла цепь холмов. Батарея истратила все снаряды, а подвоза нет!

25 июня 1942

На заре спереди-справа от нас — мощная танковая атака на правого соседа. Мы лежали за стогом и смотрели. У нас всего пять снарядов на орудие.

29 июня 1942

На Осколе. Позавчера, пока ждал приказа из батальона, у меня украли лошадь. Пришлось позаимствовать одну у колонны, отдыхавшей вдоль дороги. Фуражир сказал «выгодный обмен».

Ночью на 28-е батарея вышла на позиции в нескольких километрах от Оскола. Прошел слух, что справа идет большой бой на окружение. Надеюсь, что это так! Нам нужна крупная победа, которой у нас не было с начала зимы. Год назад мы лежали перед Лембергом (Львовом) и два дня ели одну редиску. Сейчас мы на тысячу километров восточнее.

1 июля 1942

День начинается как все предыдущие: утром открываю усталые глаза, выползаю из окопа, причесываюсь пальцами, надеваю кепи, ем, потом чищу форму и — к стереотрубе.

2 июля 1942

Прошлой ночью в 02.00 неожиданная смена позиции, трехчасовой марш, потом на позицию. Задача батареи: поддержать атаку 211-го полка. Потом, на рассвете, атакуем, противник бежит, мы преследуем. Севастополь пал, ура!

4 июля 1942

Вчера другая смена позиции в сторону фронта, кроме этого, ничего особенного. Мои мысли — о доме, о Хельге. Снова думаю о последних днях отпуска на прошлое Рождество, и о песне по радио — Komm zurück, liebes Glück, ich warte auf dich («Вернись, удача — я жду тебя»). Но Ганс не размяк!

6 июля 1942

«Санитарная обработка проходит по плану». Чертова напасть! Год назад никогда бы не подумал, что у меня столько «ножек». Но сегодня они у всех, и каждый при первом удобном случае устраивает охоту. Вчера пришло письмо от Хельги из Мариенвердера и открытка из Данцига…

8 июля 1942

Со вчерашнего дня снова сидим на хвосте у бегущих русских. Пехота на марше проявляет себя просто сверхлюдьми. Мне, на лошади, гораздо проще.

9 июля 1942

За нами сотни километров пыли и жары через заболоченные реки и глубокие овраги. Я пишу эти строки, сидя всего в 50 метрах за линией фронта. Рассеянные силы русских еще отстреливаются в деревне позади нас.

10 июля 1942

Наступление продолжается.

11 июля 1942

Утром, примерно в 07.00, батарея на марше была обстреляна пушками ПТО с холма слева от нас. То, что мы раньше отрабатывали бесчисленное число раз, наконец пригодилось: батарея на рысях развернулась вправо, отцепила передки и начала стрелять прямой наводкой. Результат: мир и покой. Деревня, лежащая перед нами, занята в 10.00. 211-й полк взял около 800 пленных, что примерно равно его теперешнему боевому составу.

13 июля 1942

Пример того, как неясна линия фронта во время наступления: вчера русские атаковали с тыла штаб дивизии. Наш начальник штаба убит три дня назад, когда его машина въехала в русскую колонну, которую он принял за немцев. Прошлой ночью мы наконец смогли несколько часов поспать, а сегодня утром мы совершили налет на пчелиный улей.

16 июля 1942

Последние несколько дней мы проходим деревни с немецкими названиями, все абсолютно пустые. Вчера наступление выглядело как настоящая агрессивная война. Батарея снова двигалась с авангардом, а мы с группой управления

командира батареи на самом острие пехотного наступления. 211-й полк взял множество пленных. Мы стреляли по отступающим русским прямой наводкой — дистанция 600 метров — на правом фланге.

После обеда 15-го обнаружил телегу, запряг рядом стоявшую лошадь и вернулся в батальон. Из-за своего таланта возницы, неровной дороги или строптивости лошади в конце концов я потерял боковины телеги, подушку с сиденья и, наконец, свое кепи. В любом случае, я был первым конным связным, который добрался до батальона, и майор тепло меня приветствовал. Всю ночь провел на голой земле, ежась от холода, и при первых лучах солнца начал искать кепи. Этим утром я ехал по деревне и поглощал неимоверное количество яиц, хлеба и молока.

После обеда батарею передвинули назад.

17 июля 1942

С часу продолжали наступление. Сильный дождь.

18 июля 1942

Продолжали марш. Чертовски устал и сплю в седле.

19 июля 1942

Наконец несколько часов ночного сна. Только почты все нет. Но, поскольку мы наступаем, несколько дней не писал домой. Мать явно будет беспокоиться, так что пишу теперь.

22 июля 1942

Вчера и позавчера — только марш, жара и мало сна. Знают ли дома, что такое часами сидеть в седле, когда безжалостно жарит солнце, горячий воздух дрожит над дорогой, а ты наполовину спишь, так что граница между сном и реальностью размыта? Можете ли вы представить, как сквозь пыль показывается тот, о ком тоскует твое сердце? Тогда нас возвращает к реальности крик товарища или толчок локтем. Первый раз я свалился позавчера. Легкий солнечный удар, сказал медик. Стисни зубы и служи дальше! Так что мы идем дальше.

Вчера снова контакт с противником. Появились и русские самолеты. Пишу эти строки рано утром, перед КП батальона, приказ для батареи еще пишут. От связистов я слышу солдатскую передачу из Харькова с утренним приветствием и, после этого, песней Für eine Nacht voller Seligkeit (За ночь, полную славы). Метрах в двухстах по дороге разведбатальон зарыл в братской могиле шестерых товарищей. Две вещи стоят рядом — маленькая радость нашей спартанской жизни и знание о темной двери, сквозь которую уже прошли слишком многие и многим еще предстоит пройти.

24 июля 1942

Прошлый день был просто фантастичен, так типично для

сложной ситуации на передовой. Пройдя всего несколько километров, мы получили слева сильный огонь ПТО. Несколько выстрелов с нашей стороны их утихомирили. Чуть погодя их разбили ударом справа, и, как сказали в обозе, шедшем следом за нами, было взято несколько сотен пленных. Поля постепенно становятся степью, теперь перед нами только монотонная, устрашающая серо-зеленая равнина. Ни деревьев, ни кустов, ничего, кроме жары, пыли и жажды!

Артиллерийский огонь тут и там. Пятеро из моей батареи ранены, некоторые тяжело.

Наступление утром продолжается. Первый привал — у грязной фермы, главная достопримечательность дня — пруд! Одежду долой и вперед. Снова и снова переплывал я этот пруд, что я вряд ли сделал бы дома. Что за контраст с июлем три года назад, когда мы плавали на пляже в Тиммендорфе во время нашего путешествия.

Вчера ранен один парень, Альфред Штуббе, умер при транспортировке. Потери на батарее — уже 19 человек.

25 июля 1942

Подъем в час, выход в 02.30. Мы — батарея сопровождения первого батальона 211-го полка, следуем вплотную за пехотой. Вчера группы русских пробивались из тыла через фронт, так что сегодня наступающая пехота распределилась по всей колонне. К 16.00 батальон отвели в резерв полка, для нас это означает то, что больше перед нами нет никакой пехоты. Только через несколько часов 1-я рота, или, вернее, ее остатки, возвращается и образует защитный кордон перед батареей. Число потерь в роте говорит на ужасном языке: с лета 1941-го она потеряла 104 убитыми, 4 пропавшими без вести и без счета — ранеными.

26 июля 1942

Тихая ночь. Утром подбираю сообщение, сброшенное с самолета-разведчика полку, идущему следом за нами. Между соседним полком и нашим 211-м открылась километровая брешь, так что мы встали и заняли огневые позиции. К 10.00 наш командир, обер-лейтенант Герт, стоявший на стогу в 2–3 метрах от меня, был ранен осколком снаряда. Осколок в голову, а на нем была только фуражка. Я помог его забинтовать и остался при нем. Первый раз видел, как у меня на руках тяжело умирает человек, как стекленеют глаза и сереет кожа, как тело выгибается в агонии, так что его пришлось крепко держать и непрерывно говорить с ним. Господи, неужели мне тоже уготована пуля, тогда пусть смерть моя будет быстрой. Батарею принял обер-лейтенант Зивеке.

27 июля 1942

Утром пехота атакует без артподготовки. Мы пошли вперед. В полдень мы были первыми во всем батальоне, кто наблюдал Дон с высоты своего НП. Еще один знаменательный эпизод этой кампании.

Через Буг, Днепр, Донец и к Дону!

Передовая теперь в хаосе как никогда: русские противотанковые пушки стреляют по нашему тылу справа, наша артиллерия стреляет из нашего тыла слева по нашей же пехоте, которая ведет скоротечный бой с противником прямо перед нами. В 17.00 батарею отводят, и она встает на новую огневую позицию на краю Нижне-Чирской.

28 июля 1942

Ночь прошла очень драматично, постоянные бомбежки города и орудийных позиций. В третьем батальоне около 20 погибших, у нас ни одного.

Весь день тихо. Снова активны русские самолеты, но не рядом с нами. Главное событие дня — раздача почты. Масса писем и газет. Вальтер Аренс помолвлен.

29 июля 1942

Наконец возможность помыться и написать давно просроченные письма.

30 июля 1942

Снова на НП, наблюдая Дон. Равнина Дона выглядит как красочный парк, но когда поднимаешь глаза и видишь монотонные желтые равнины — на которых почти ничего не растет — на другой стороне, вся радость исчезает. На карте та же впечатляющая картина: огромные белые пятна говорят о регионе, в котором человеческие поселения отстоят друг от друга на 20, 30 или даже на 40 и более километров. Бедные наши кони, как их там будет мучить жажда!

31 июля 1942

За ночь окопались, как было приказано. Запасливый Дандзерс взял 20 *plenni* из самодельной клетки для военнопленных и заставил копать укрытия. Один из них, крымский татарин, дал мне бернштейновский портсигар в обмен на хлеб.

Позавчера наш глаз привлекли идущие в колонне пленных фигуры в яркой белой одежде. Первая мысль: морская пехота с Дона! Подойдя, нам осталось только улыбнуться самим себе: несколько русских пытались сбежать, переплыв Дон, и заранее разделись. Их поймали, и теперь они идут на запад в плен в нижних рубахах и подштанниках.

После обеда новая смена позиции. Занят новый наблюдательный пункт в холмах к северу от Нижне-Чирской.

1 августа 1942

На Чире. Я ефрейтор уже год. Этот день принес новый луч надежды — в батальоне нужно было заполнить несколько анкет для отправки на учебу.

Господи, только бы это оказалось правдой! Иначе опять придется целыми днями копать и сидеть за стереотрубой.

2 августа 1942

28 лет назад в этот день началась Первая мировая война. Утром ходил на орудийные позиции, и сапожник поставил мне каблук взамен потерянного 9 июня у Коробочкино. В полдень смена позиции, чуть дальше на север.

4 августа 1942

С первых проблесков света сидел за стереотрубой на НП на дереве. Противника не видно. Лишь позже начались небольшие передвижения за Доном.

День был спокойным. Вечером прикончили бутылку рома. Успех «ошеломляет».

5 августа 1942

Грехи прошлой ночи отомстили за себя. Приходится поститься, иначе я стану еще «тоньше». После обеда смена позиции на старые окопы на Чире.

6 августа 1942

Утром чудно поплавал в пруду. В полдень смена позиции через Чир. Новый НП у Верхне-Чирской, в каких-то 100 метрах от передовой. В качестве утешения пришла почта.

7 августа 1942

Весь день тяжелый обстрел с фронта и справа. Наш медик, Вернер Эппендаль, тяжелое ранение в голову, отошел за четверть часа! При всех болезненных потерях никто не забудет, что для нас это означает жить или умереть.

На закате смена позиции. Батальон развернулся на позиции вдоль железнодорожной насыпи к востоку от Чира. Пехоте пришлось выдержать тяжелый бой.

9 августа 1942

В полдень смена позиции влево, изнуряющая жажда, вечером письмо от отца.

10 августа 1942

Наблюдательный пункт переводят вперед, 300 метров от Дона, на высоком гребне. Вечером получил приказ установить связь с саперным батальоном, расположенным на Дону перед нами. Я пополз, потратив полчаса на то, чтобы ползать вправо и влево, не найдя ни единого сапера. Наконец наткнулся на полупустой командный пункт и узнал об огромном секторе, который эта сводная рота должна охранять.

Позже группа русских шныряла вокруг нашего НП, была

перестрелка, и был ранен вахмистр Экарт; к сожалению, пуля попала в легкое.

11 августа 1942

Ничего особенного, кроме вечерней раздачи почты. Два письма от Хельги!

12 августа 1942

Ночью снова небольшая перестрелка с разрозненными русскими, подходившими с тыла и желающими добраться до Дона.

13 августа 1942

Годовщина Жоттова! В прошлом году этот день был вершиной всех наших военных событий. И когда несколько недель назад под Петровским я лежал под залпами «Сталинских орга́нов», это было хуже, чем год назад под Жоттовом. (Непонятно, что за населенный пункт имеется в виду. Станция Жотово на Волгоградщине, явно не то. — *Примеч. пер* .)

14 августа 1942

Наблюдательный пункт переместился вправо. По указанию обер-лейтенанта Зайделя я взял телегу и поехал к Дону украсть пару кур, при этом было больше ругани с двумя камрадами, жившими в доме, чем с русскими хозяевами. Вечером был «пир», цель которого стала мне ясна, лишь когда обер-лейтенант непринужденно пристегнул мне унтер-офицерские погоны. Наконец шаг вперед и вверх сделан. Теперь нужно будет подождать несколько недель.

15 августа 1942

Очень рано, часов в пять утра, пришил галун — который пришлось выпрашивать — на воротник. В полдень доложился командиру и новому абтайлунгсфюреру (в данном случае — и.о. комбата. — *Примеч. пер* .)

16 августа 1942

В полдень ездил на орудийные позиции. Вечером была почта.

17 августа 1942

Утром стирал белье в пруду и взял двух пленных. Уму непостижимо, как много русских окруженцев еще бродит по оврагам. Ночью, гонимые голодом, они подходят к нашим позициям. Мои два Ивана были полностью измотаны. Я приказал им положить винтовки и взял их с собой на позиции, чтобы покормить, потом они пошли дальше. Все оружие, что у меня с собой было, — кусок мыла.

18 августа 1942

Утром по дороге до НП меня подвезла полевая кухня, написал письма родителям и Хельге. До обеда командир приказал сразу же отправляться на позиции передков. Что? Неужели

величайшая моя мечта стала реальностью? Да, мои дорожные документы готовы — перевод в запасную часть в Брауншвейге, к 11-му курсу военно-учебного заведения.

19 августа 1942

Ожидание почти невыносимо. Когда?!

20 августа 1942

Меня медленно добивает: я не могу спать, почти ничего не ем. Так что я лежу в ветхом амбаре и жду, и жду. После обеда получил сообщение, что я отправляюсь завтра утром. Ночь, я сижу у часового и пишу все это.

21 августа 1942

Полковой командный пункт. Доложив в батальоне об убытии, после долгой езды на телеге я наконец приземляюсь в полку. Оберст желает нам, шестерым молодым унтерам, удачи и успехов. Утром нас должен принять Ю-52, но подробности еще неизвестны. Одно только ясно: мы едем домой. Останемся ли мы артиллеристами или нас пошлют в пехоту, фактически, все равно: наши жизни принадлежат не нам, а нашему народу…

39 лет назад в Сталинграде Вили Деннерлейн, вахмистр, 12-я батарея 171-го артполка

Долгие недели мирного болтания без дела остались позади. Я не зря сказал «болтания». Неделями не было никакого контакта с противником. Последнее сопротивление русских у Донца и во время битвы под Волчанском было сломлено 15 июня 1942 года. Теперь дивизия бесконечными колоннами двигалась на восток к среднему течению Дона и Волги. Объект главной заботы — лошади. Фуража не хватало, а чтобы найти воду для людей и животных, нужно было ехать долгие километры, пока не найдешь подходящий колодец или ручей. В последнем случае и человек и лошадь мирно плескались в воде. Дни проходили почти единообразно. Подъем в 02.00 и выход в 04.00. Два часа отдыха в полдень, и если вам везло, то заданная цель к вечеру была достигнута. Деревни были разбросаны очень широко. Солнце весь день беспощадно светило на маршевые колонны, на небе ни облачка, только вечером становилось адски холодно, так что приходилось сразу хвататься за шинель. Мы ничего не могли сделать, чтобы лошади не слабели, а батарея не стала отставать. Мы помогали себе тракторами, которые торчали то тут, то там. Единственным недостатком был огромный расход топлива, так что приходилось волочь за собой цистерну. И рано или поздно это должно было случиться: орудие с расчетом из восьми человек и меня шло по району движения совершенно одно. Более легкие машины с поварами ушли к фронту с командиром во главе. Неписаный закон запрещал приближаться к нему больше, чем на 10 км, потому что там кипела безостановочная деятельность, а после у нас не было никакого желания.

Оружие давно ехало отдельно от нас, на машинах. При первой возможности мы так рассчитывали марш, чтобы прийти в деревню, потому что нам надоело ставить палатки на открытом месте. Так что вечером мы часто сидели в русской хате. А когда приезжали наши пайки — обычно на машине, — иногда с ними была водка, и мы устраивали совместную пьянку с русскими. Много раз они пели нам свои меланхоличные песни. Мы почти никогда не ставили часовых, потому что, если ты вел себя правильно, бояться было нечего. Дни летели быстро, и мы вышли к Дону. Однажды утром перед нашими квартирами встал тягач из нашего полка. Это вырвало нас из мирного существования и вернуло к нашему настоящему занятию.

Двадцать пятое августа 1942 г. был знаменательным днем. Наш НП был на высотах над Доном у Калача. Могучее русло Дона лежало под нами в 50 метрах. Вода текла медленно, почти лениво. Утром долину окутал густой туман. Все было тихо, в небе пролетел одинокий жаворонок, порадовав нас своей песней. Тишина была прервана в 02.50 неожиданным обстрелом из наших оружий. Ниже на реке у саперов взвыли моторы штурмовых лодок, началось форсирование реки, и сопротивление противника на том берегу было сломлено. После обеда через реку на пароме переправили наши тяжелые орудия, поставив на последние орудийные позиции перед Сталинградом. Мы долго оставались там, потому что русские ожесточенно сопротивлялись на границе города. Дни были жаркими. Все ходили в одних трусах. Фуража для лошадей не хватало, с водой было еще хуже. Ни того, ни другого в горячей калмыцкой степи не было. Потом, однажды утром, было приказано наступать на город. В тот же день пехота доложила, что цель дня достигнута и мы стоим на Волге. Мы моментально передвинулись на окраину Сталинграда. Наблюдательный пункт был прямо на Волге. Как же воодушевляло первый раз в жизни видеть эту могучую реку.

И никто не думал о грядущей катастрофе. Сам город впечатлял нас. Только пригород с жалкими лачугами напоминал, что мы в России. На указателях разных частей, среди прочего, можно было прочитать: «Штутгарт — 5211 км».

И для нас началась позиционная война. Мы стали строить блиндажи. Орудия были окопаны, вокруг них были насыпаны валы. Утром, с первым светом дня, над нами ревели «штуки» и, с воем сирен, бросали бомбы на город. Ночью приходили русские самолеты и бомбили наши позиции. Тогда мы расползались по ходам сообщения и искали, где бы укрыться. Из-за этого о сне можно было только мечтать. Недосыпание по-настоящему нервировало, и все раздражались по пустякам. Шла неделя за неделей, а мы не сдвигались ни на шаг вперед. Линия фронта в городе напоминала теннисную ракетку и все оставалась ею, пока русские в конце ноября не окружили нас и не устроили кровавую баню в обозах. Тем не менее никто не думал об ужасном заключении истории, блиндажи были готовы, все обшито лесом, печки установлены, и по ночам мы сидели у керосиновой лампы, играя в карты. У нас еще оставалась вера в непобедимый вермахт. Поначалу русское кольцо окружения было слабым. Попытка прорыва легко удалась бы. Но мы были обречены держаться, и в конце января 1943 г. пришел горький конец. Кто бы ни смотрел на массы солдат и огромные запасы материальной части, уничтоженные в Сталинграде, уже сомневался в том, что мы

победим.

Мои военные мемуары Фриц Ланге, 3-я батарея, 171-й артполк

После того как мы лежали в харьковских казармах — так это называлось — целую неделю и со временем обставили их как следует, нас «подготовили», как часто говорят пруссаки. С марта батареей командовал обер-лейтенант Герт. Раньше он был адъютантом III батальона. После двух дней пути мы вышли в свой новый сектор, километрах в 30 северо-восточнее Харькова, у истоков Донца. 1 мая 1942 года мы встали на позицию в лесу в 8 км западнее реки. Здесь батарея еще раз проявила себя — будучи первой, занявшей позицию по графику, в то время как остальные еще увязали в грязи. В первый же день мы уже успели отправить первые железные приветы «в ту сторону».

Тогда у меня было первое орудие, у которого был вышколенный расчет. В нем были люди из разных частей рейха. Много раз мы чуть не замерзли, но что это по сравнению с мучениями наших товарищей в ту зиму. Первые дни пролетели в строительстве позиций, кроме всего прочего. Стреляли мы мало.

9 мая 1942

Ночью был все более мощный фейерверк. Может быть, это из-за локальной операции. Паек очень хорош. Ночи еще очень холодные. Бузолич — первый раненый, но, к счастью, только легко. Во 2-й батарее уже трое убитых.

10 мая 1942

Во вчерашней операции (разведывательный патруль) пехота не понесла потерь. У противника 29 убитых и несколько пленных. Сбоку от нас стоят словаки, хорошие солдаты. Многие говорят по-немецки. Во время отправки мы уже встречали венгров. Они тоже произвели хорошее впечатление и были очень дружелюбны.

Сегодня хорошо поспал и очень хорошо поел. Вечером нас сменят. Так что мы снова снимемся с позиции.

11 мая 1942

После того, как ночью нас сменили, в пять утра приходим в Русти Тышки и спим на прекрасной плантации сосен. В 10.00 дрему нарушает стреляющий по нам русский истребитель.

В 11.30 внезапная смена позиций. Русские прорвались в секторе 294-й ПД. Вышли на позицию в нескольких местах. Подбили 2 танка, но вынуждены были отойти под давлением русских и отходили до ночи.

12 мая 1942

Утром шли через Черкасское и заняли позиции у деревни. Ситуация очень критическая. Получили несколько бомб около орудия, и несколько мин между оружиями 1 и 2. Русские применяют много английских самолетов.

13 мая 1942

Снова можно дышать, эскадрилья за эскадрильей «штук» роняют бомбы на вражеские позиции. Мы стреляем. Около полуночи вперед пошел танковый полк. Получили хорошие пайки, включая апельсины и французский шоколад.

15 мая 1942

Начался наш контрудар. Батарея лишь за сегодня выстрелила 670 снарядов. Мы взяли нескольких пленных, батальон взял 75. Русские бомбардировщики только ночью осмеливаются прорываться через линию фронта. Сегодня ранили Штекистке.

16 мая 1942

Наш контрудар развивается хорошо. Отбито много деревень. В 06.00 мы уже передвинулись вперед. В 13.00 над нами пролетели вражеские бомбардировщики, но забыли разбомбить нас. На ночь передвинулись на временную огневую позицию.

17 мая 1942

Сегодня батарея поработала на славу. Отстреляли 1240 снарядов с ударным взрывателем. Часто приходится остужать стволы. С обеих сторон идут танковые атаки. Но они побежали, и бой пехоты тоже закончился в нашу пользу. Чудо, что боеприпасы еще подвозят.

18 мая 1942

После спокойного сна ночью — совсем небольшая артподготовка. Пехота наступает. Из-за дневного тепла деревья уже зеленые. После обеда отстреляли 860 снарядов.

19 мая 1942

Русские не хотят сдаваться. Батарея отстреляла 972 снаряда. Получили прямое попадание в наблюдательный пункт. Вахмистр Брандт, унтер-офицер Людвиг, обер-ефрейтор Гриффе и канонир Модлер легко ранены, обер-ефрейтор Шмельник ранен тяжело.

20 мая 1942

Наконец получил письмо, оно датировано 1 мая. Иногда докучают русские бомбардировщики. Товарищ Шмельник умер от ран и будет похоронен в Веселом, 14 км от Харькова. Перестрелка затихает.

21 мая 1942

Лишь изредка стреляем. «Остфронт» сообщает: «Под Харьковом уничтожено 410 танков». Наши летчики полностью завоевали господство в воздухе (эскадра Мельдерса).

22 мая 1942

Лежим севернее Петровского и стрижемся. Вчера дали 2 плитки шоколада. Выдали второе одеяло. Сегодня наша окруженная кампфгруппа у Тарновой освободилась, сохранив численность 1500 человек.

25 мая 1942

Сегодня Троица. Закончились дни непрерывного дождя под Петровским. Получили несколько попаданий в позицию и вокруг нее, но без потерь. Изрядно холодно. На юге под Изюмом окружены три русские армии.

28 мая 1942

Ночью была буря с коротким, но сильным дождем. Почти никаких боевых действий. Утром нас дважды навестили 3 русских бомбардировщика и 6 русских истребителей. Но мы не были конечной их остановкой. Мою пушку нужно вытаскивать. Зенитная пушка, расположившаяся по соседству с нами, еще никого не сбила. В штабе бомбами убито две лошади.

Вчера лейтенанта Гильдебрандта наградили Железным крестом первого класса, а унтер-офицер Лауэнрот, обер-ефрейторы Грифель, Приль, Бекуртс и ефрейторы Модлер и Феллер получили Железный крест второго класса.

30 мая 1942

Сегодня вышли рано утром, в 03.00, отвозили мое орудие на ремонт в Ливетенку, куда мы прибыли мокрыми насквозь. Здесь я встретил Варнеке из Гладигау (194-й полк). Нам три дня здесь сидеть. Ночью по соседству с нами легло множество русских бомб, но я ничего не слышал, потому что смертельно устал.

1 и 2 июня 1942

Орудие еще не готово. Снабжение работает лучше, чем мы думали. Австрийская интендантская рота хорошо нас кормит. Среди прочего мы получили много копченого мяса. Спим в телеге, первоклассный ночлег. Ночью из-за русских бомбардировщиков можно наблюдать впечатляющие фейерверки. «Кофемолка» (ночной бомбардировщик У-2. — *Примеч. пер* .) иногда работает прямо у нас над головами.

3 июня 1942

Батарея меняет позицию. Нас развернут на 50 км южнее. Столкнулись с нашими в Лешпонае (название искажено, и трудно определить, что за деревню он имел в виду. — *Примеч. пер* .).

4 июня 1942

Вышли в 03.45. Утром движемся через Тюгучев (по тексту дальше видно, что это Чугуев. — *Примеч. пер* .), прекрасный город на реке Донец. Мы пошли ночевать в деревню за рекой. Там не было безопасно, в меня въехал вовремя не затормозивший трехколесный мотоцикл. Я полетел через велосипед, описав

красивую дугу.

7 июня 1942

Погода самая прекрасная, мы сдвинулись на 8 км дальше в дома деревни восточнее Тюгучева. Планируется большая операция, место полно войск. Дождь, к сожалению, заставляет нас отложить начало. Я встретил старого знакомого из 211-го полка. Лейтенанта Крюгера произвели в обер-лейтенанты.

9 и 10 июня 1942

Выехали на огневую позицию в 23.00 9-го. Операция началась 10 июня в 02.15. Ровно в эту минуту началось самое большое огневое представление, которое я когда-либо видел. Русских как громом поразило. Их артиллерия ответила лишь через 15 минут. Разрывы слева и сзади. С 03.00 наши бомбардировщики весь день совершали вылеты. Одновременно выведены из строя мое оружие и орудие 4, остались в деревне на ремонт. К полудню войска уже вышли на ночные позиции. Сапер обер-фельдфебель сохранил мост через болото.

11 июня 1942

Безостановочно движемся вперед. Эскадрильи бомбардировщиков непрерывно летят над головой. Рядом с нами сбито три русских самолета.

12 июня 1942

Встретил Фрица Боосса. Он застрял со своей машиной из-за ежедневных бурь, которые сделали дорогу непроходимой. Ночью нас как следует благословили русские бомбы. Две верховые лошади сбежали.

13 июня 1942

Орудие 4 готово и вышло на позиции. Мы еще здесь. Пайки приходится экономить, никакого дневного перекуса. С другой стороны, искупались в рыбном пруду.

14 июня 1942

Выехали на позиции передков через Алексеевку, жалкую безлюдную деревушку (сгоревшие обитатели, утонувшие танки), через поле, минированное русскими. Во время неожиданного воздушного налета Пуфаль сломал руку в двух местах. Дитц потерял лошадь, в нее попала мина. Фургону со снарядами капут.

15 июня 1942

Ночью влетели в наши передки. 16-го была сильная буря с градом размером с куриное яйцо. 17-го обшаривали местность на предмет трупов и имущества.

18 июня 1942

Оружие отполировали. Шел сильный дождь. Провел целый день, играя в скат с гауптвахмистром, Вуртом и Хартманом.

19 июня 1942

Поехали обратно на орудийные позиции. Вечером стреляли по колхозу в 3200 метрах отсюда и подожгли его. Чуть позже вся батарея стреляла по подъехавшей вражеской батарее.

20 и 21 июня 1942

Уже два дня тихо. В последний день была раздача товаров, включая бутыль алкоголя на семерых. Поскольку вахмистр Майер — корректировщик, я стал командиром взвода.

22 июня 1942

В 02.15 началась атака. Она шла по заболоченному ручью. Мы двигались с 1-й батареей. Было довольно рискованно, по местности тут и там были разбросаны снайперы и мины — и на короткий срок начались действия вражеских бомбардировщиков. Ранен обер-лейтенант Крюгер. Вечером последовала смена позиции — к живой изгороди в 2 км впереди. Ночью затопило штабную палатку. Мы на реке Бурлук.

23 июня 1942

Небеса снова к нам добры. В 12.00 сменили позицию на 3 км вперед. Тяжелые батареи тянут себя вперед захваченными танками. На вражеских позициях перед нами сгорели тысячи литров нефти. Мы стреляли по указаниям корректировщика.

24 июня 1942

После смены позиции в 12.00 пересекли железную дорогу. Потом мы перешли через холм и долину с двумя ужасными мостиками. Примерно в 17.00 мы вышли на огневую позицию на довольно пристойной высоте. Лошади снова выложились полностью. Отстреляли весь боезапас. Ночью первая секция (1-е подразделение снабжения) выложило все, что осталось, на старой орудийной позиции.

25 июня 1942

Мы построили мостки и постирались, но нет необходимости говорить, что мы всегда были готовы стрелять. Вечером батальон и пехотный полк вывели с передовой.

26 июня 1942

Свободный день. Смена позиции неизбежна. Товарищ Алерт-второй умер в госпитале в Харькове от аппендицита.

27 июня 1942

Вчера в 21.00 сменили позиции. Прошли на 12 км на юг. Провели весь день в лесу, съеденном гусеницами, у железной дороги Купянск — Белгород. Первый город в наших руках со вчерашнего дня. Ночью вышли на позицию на востоке, в километре от Оскола. В качестве особого пайка выдали большую плитку французского шоколада.

28 июня 1942

Сидим в окопах орудийной позиции, отрытой нашими

предшественниками. Тем временем обер-ефрейторы Фельски, Мориц и Лютер получили Железный крест второго класса. В 19.30 у нашего орудия неожиданно приземлилась порция снарядов. Получил ушиб ягодицы куском дерна от разрыва в четырех метрах.

29 июня 1942

Утром еще один неожиданный обстрел. Разрушен блиндаж пулеметчиков. Второе орудие выстрелило и — как нам показалось — подожгло 3 нефтяные цистерны за Осколом.

30 июня 1942

Наши позиции все еще в съеденном лесу. Вечером по нам стреляли сзади. Хооп получил 4 осколка и попал в госпиталь. Ночью нас ужасно ели комары.

1 июля 1942

В 200 метрах перед батареей ложится беспокоящий огонь. Вечером смена позиции, перебираемся в меловую долину на западе.

2 июля 1942

Атака, но на этот раз мы засадная батарея. Переправа в 10.30 в Долгонькое по мосту, восстановленному саперами. Группа управления командира батареи переправилась раньше на надувных лодках. Снова была лавка, бутылка шнапса на каждых трех человек.

3 июля 1942

Огневая позиция на картофельном поле со вчерашнего вечера до сегдняшнего полудня. Потом смена позиции ближе к Осколу. Встали на позицию у четырех ям, наполненных необмолоченной рожью. Оружия окопали, потому что противник был рядом. Лежали там 2 дня и постоянно нарушали перемещения противника неожиданными огневыми налетами. На второй день вахмистр Майер серьезно ранен снарядом «Сталинского орга́на».

5 июля 1942

В 10.00 смена позиции за Оскол. Жаль, что нельзя искупаться в чистой зеленой воде. Поскольку русские отступили, мы перебрались через железную дорогу дальше на 20 км. Провели ночь в комфортабельных стойлах на ферме.

6 июля 1942

Марш до 06.00, следуя за отступающим противником. К сожалению, местность холмистая.

7 июля 1942

Только разведывательный батальон сохраняет контакт с противником. Прошли город под названием Повоское (непонятно, какое название так исковеркали. — *Примеч. пер* .) с памятниками Ленину и Сталину перед школой. В целом та же унылая картина.

Везде поля, заросшие чертополохом. Пошел в разведку со взводом. Командир взвода убит. Позиции противника повсюду.

8 июля 1942

Встретил многих знакомых, среди них даже Паше и Безенбиль. Юнг подорвался на мине и получил много внутренних повреждений. Наступление продолжается.

9 июля 1942

Снова продвинулись на 40 км и перед темнотой доехали до сборной позиции у красивой церкви, которая, конечно, обшарпана, как все остальное. Встретил Х. Клевена, он полностью измотан. Все хотят пить. Выпьем любую воду, если только она холодная.

10 июля 1942

Прошли еще 30 км. Лошади с трудом выдерживают темп, потому что каждый день температура 35–40 градусов в тени и на небе почти ни облачка. В частях много потерь. Снова и снова видим пехотинцев, которые с трудом могут сделать шаг вперед. Погрузили их на все машины и взяли с собой. Из-за сложности переправы через Айдар нас тянут 8 тракторов. Проехали небольшой город и захватили в нем, кроме многих комбайнов и плугов, 500 тракторов. Вышли на позицию за рекой.

11 июля 1942

Были готовы выйти в 03.00 и вышли. В 06.30 батарея попала в засаду. Русские шли со всех сторон. Галопом встали на позицию и отцепили передки. Все время по нам велся непрерывный огонь артиллерии и стрелкового оружия, в основном с холмов слева. Стреляли прямой наводкой и через несколько минут привели противника к молчанию. Несмотря на превосходство противника наши потери — всего один раненый (унтер-офицер Бер). Взяли пленных, всего дивизия взяла тысячу.

12 июля 1942

В 04.00 выходим на огневые позиции в лес. Днем 40 градусов в тени. Штаб дивизии был окружен и обозы попали в засаду. У нас 26 убитых, включая одного майора. Позавчера убит начальник штаба дивизии. В 21.00 заняли огневые позиции в самой передней линии.

13 июля 1942

Вышли в 08.00. Через 8 км вышли на огневые позиции в овраге справа. Впереди сплошной огонь «Сталинских органов». Вечером двигались через деревню и спустя 18 км вышли на позицию, снова в передовой линии.

14 июля 1942

Вышли в 07.00. Сопротивление противника спустя 20 км сломлено. Потом еще 15 км.

15 июля 1942

Двигались еще 35 км, еще ближе к Дону. Встретил Паше из Зеехаузена и Безенбиля из Лосе. Перед закатом вышли на удобные позиции в саду.

16 июля 1942

Вышли в 04.00, потом к полудню прошли 20 км. Напились и накормили лошадей в деревне с большой церковью. Около нее собрано около 600 пленных. Потом мы быстро доставили на передовую 3 орудия и 1 фургон со снарядами с помощью 4 тракторов (2 нашли в деревне). Пришлось переходить реку по шаткому деревянному мосту. В реке утонул вражеский танк. Потом мимо деревни 6 км на юго-запад. Мы встали и отцепили передки, чтобы развернуться вправо, потому что район за деревней и горой содержал примерно 500 русских. Стреляли по ним прямой наводкой. У нас никакой пехоты, и противник атакует с востока. Спустя 2 часа их сопротивление сломлено. Взяли много пленных, только наш сержант-повар взял 25. Но русские могли так же легко взять нас. Вечером сменили позицию к деревне — километрах в трех в сторону — с печами для обжига извести и множеством вишневых деревьев. Мы видели, как там танцуют цыгане.

17 июля 1942

Снова стреляли прямой наводкой примерно по 200 русским, которых румыны согнали с горы в нашу сторону. Бедолаги знали, что они в ловушке, так что они сдались. Мы взяли тысячи пленных. Прошли без отдыха 40 км и переправились через приток Дона. Деревни часто отстоят друг от друга на 30 км. Нашли сбитый вражеский бомбардировщик.

18 июля 1942

Вышли в 05.00 по размякшим дорогам. После ночной бури до утра шел дождь. Последняя задача — деревня в 30 км на юго-запад. Здесь мы нашли 3000 центнеров зерна.

19 июля 1942

Полдня отдыхали. На полчаса ко мне зашел Г. Вендт. В деревне есть пивоварня, но нет пива. После 20-километрового марша встали на ночь. Почти всегда спим под открытым небом в палатках.

20 июля 1942

После побудки в 03.30 выходим часом позже. К полудню прошли 30 км и после обеда еще 20. В результате жары и из-за плохого сена одна лошадь пала.

21 июля 1942

Побудка в 04.00, выход в 06.00. В 08.00 уже ужасно жарко, но дороги лучше, потому что сухо. В 11.00 батарею атаковали

русские истребители. Лошадь командира убежала. Обер-лейтенат Лангдрот и вахмистр Блюме из 2-й тяжело ранены. После 40 км пути к ночи вышли на позицию в овраге. Выкопали себе колодец, чтобы добыть воды. Чувствуется более сильное сопротивление противника.

22 июля 1942

С 07.00 стреляли «Виктором» и «Цайтлюпе» («медленным»). Унтер-офицер Алерт тяжело ранен. Ночью позицию штурмовали, и мы перешли на позицию в 10 км впереди. Кроме секции связи мы все ушли туда. Бивуак в деревне с 22.00.

23 июля 1942

Черный день. Выход в 02.00. Скоро пришлось развернуться кругом, потому что впереди был противник, и мы их обошли. Во время обхода увидели и были обстреляны из 7,62-см противотанковых орудий. Отцепили передки, как делали во время тренировок, и открыли ответный огонь. Унтер-офицер Поль легко ранен. Потом продолжили движение. Тридцать километров по степи без единой деревни в большой жаре и пыли. Отдыхали 4 часа на колхозной ферме. Пройдя 8 км, были обстреляны с высоты, занятой противником. Орудие 3 получило прямое попадание. Обер-ефрейторы Штуббе, Хайне, Бреш и Рис тяжело ранены. Унтер-офицер Поль, едва вернувшийся с перевязочного пункта, снова легко ранен. Обер-ефрейтор Штуббе позже умер во время транспортировки. Хайне потерял руку. Два попадания лишили нас 4 лошадей. Вторая секция (2-е подразделение снабжения) обстреляна нашими же разведчиками. В результате две лошади легко ранены. Обер-ефрейтор Бреш тоже умер по дороге в госпиталь. Ночью нас опять пожирали комары.

24 июля 1942

06.00 продолжается марш в деревню с колхозом, где останемся на ночь. 2-й взвод обстрелял бродячую группу противника. Это явно разведывательный патруль на лошадях и тракторах. Старый киргиз показал мне свою хижину. В общем, здесь много азиатов. Мы уже захватили несколько верблюдов. Многие успели с ними сфотографироваться. Вечером провел 10 минут с Г. Вендтом.

25 июля 1942

Поднялись в 02.00, двигались до 05.00 с I батальоном 211-й дивизии. На дороге перестреливались с двумя моторизованными пушками. Много раз проезжали мимо огромных куч убранной ржи и пшеницы. Через поля люцерны под тяжелым обстрелом проехали до места сбора, потерь нет. Через час под дождем продолжили путь на огневые позиции перед Привоское (непонятно, что это могло быть: «Приволжское», «Поварское»? —

Примеч. пер.).

26 июля 1942

Полки 191-й и 194-й еще тащатся следом. Мы остаемся на передовой с 211-м. Обстреливают из минометов и 12-см артиллерии. После обеда тяжело ранен обер-лейтенант Герт (в 20 метрах от меня), наш командир, не приходя в сознание, вечером умер. Наш новый командир — обер-лейтенант Зивеке, в Зоргштедте служивший на нашей батарее шписом. Батарея в хороших руках. Унтер-офицер Дум, Вайперт и повар чуть не попали в лапы к русским. Ночью в пределах слышимости мы обнаружили вражеский патруль.

27 июля 1942

Поскольку противник отошел, в 07.00 мы сменили позицию. Перешли реку по плотно минированному мосту на юго-восток. 194-й пехотный полк дошел до Дона. С холма мы тоже видели реку и ее противоположный берег, но, к несчастью, воды не было весь день. В полдень вышли на позицию в хорошей балке и стреляли по переправляющимся русским. При этом одно оружие вышло из строя. Потом, после 10 км ночного марша, вышли на огневые позиции в Нижнечирской. Город сильно разрушен обстрелом противника.

28 июля 1942

Батарея пристреливалась. III батальон ночью понес тяжелые потери. Наконец есть время для стирки и пришла почта.

29 июля 1942

Ночью плотный обстрел противника. Люфтваффе тоже действует. Справа встала тяжелая зенитная батарея. Много стреляет артиллерия. Ночью снаружи можно было читать газету — русские бомбардировщики все осветили ракетами на парашютах и бомбами.

30 июля 1942

Оборудовали оборону и с помощью русских пленных выстроили блиндажи. Земля — сухая глина с известняком.

31 июля 1942

Сменили позицию на 8 км к северу, на Чире.

1 августа 1942

Чир здесь метров 60 в ширину и 3 метра в глубину, так что получилась безукоризненная яма для плавания. Мы ею не раз воспользовались, как только похоронили мертвых лошадей, лежащих тут и там. Здесь можно хорошо отдохнуть. Только ночью падали бомбы, но на безопасном расстоянии от нас.

2 августа 1942

Смена позиции с кружным маршрутом через Чир по мосту в 4 км на северо-восток. Вахмистр Эккерт и Одер получили

Железный крест первого класса, обер-ефрейтор Мациняк и Гибель — второго. Обер-ефрейтор Зеехаус и Охзенкнехт уже получили Железный крест второго класса 27 июля.

3 августа 1942

Продолжали движение на новую позицию. Ночью из 8,8-мм зенитки сбит тяжелый русский бомбардировщик. Двое из экипажа смогли выброситься с парашютом и были взяты в плен.

4 августа 1942

Выдача бакалейных товаров. Бутылка рома на семерых, сигары и сигареты. Кормимся из запасов местных, потому что подвоз плохой.

5 августа 1942

Сменили позицию на юг, ближе к Чиру.

6 августа 1942

Запланированная атака пройдет только завтра. Так что купаемся в Чире, часть за частью. Вечер приносит еще смену позиции ближе к Дону, на позициях 297-й пехотной дивизии.

7 августа 1942

Крупномасштабная атака вдоль железной дороги. Лежим под огнем тяжелых минометов. Недалеко падают и снаряды. Опасная ситуация. Утром тяжело ранен санитатс-ефрейтор Эппендаль. После обеда — ефрейтор Хердам. Ночью сменили позицию и пришли на точку сбора в деревне у железной дороги.

8 августа 1942

Утром, в 03.00, заняли позицию вдоль железной дороги, чтобы поддерживать новую фазу штурма. Вокруг нас падают снаряды. После обеда смена позиции на высоту к северу, в 2 км от Дона. Видели уничтоженную вражескую артиллерийскую позицию. По дороге было видно отчаянное сопротивление русских. С сегодняшнего дня и до ранения в Сталинграде числюсь старшим офицером на батарее.

9 августа 1942

Наш командир батареи заменил командира батальона, батарею принял обер-лейтенант Зайдель. В полдень смена позиции на 8 км к северу в небольших кустах слева от главной дороги. В 18.00 выдержали бомбежку примерно 10 самолетов. Слева и справа стояли зенитные пушки, сбившие за 2 дня 5 бомбардировщиков и истребителей. Тем не менее нам прилетело от них с высоты 400 метров. Примерно 10 бомб среднего и большого размера падали прямо вокруг нас, две из них — в 5 метрах от орудия 4 и в 18 метрах от оружия 3. Хотя у нас было очень немного «лисьих нор», никто не был ранен, кроме 4 человек с легкими ушибами. Всех ушибло кусками земли, летавшими в воздухе.

10 августа 1942

Еще один воздушный налет в 09.00. Четыре бомбы легли на нас, одна в 20 метрах от фургона снабжения. И здесь все обернулось хорошо. Во второй секции (2-е подразделение) легко ранен Бангерманн, а вахмистр Эккарт получил пулю в легкое и отправился в госпиталь.

11 августа 1942

После вчерашнего все слегка вверх дном. Одна команда на открытие огня сменяется другой. Стреляем день и ночь. Многие страдают от дизентерии и других болезней. Ночью был разрыв до взведения взрывателя на третьем орудии, 8 человек легко ранены. Пятерых из них пришлось отправить на перевязочный пункт. Это был первый такой случай, но могло быть и хуже. Много русских, разрозненно бродящих по местности. Телефонная линия часто обрывается. Снова прекрасно заработал подвоз боеприпасов. Нам их доставляют на Ю-52. Тем временем закончилась битва на окружение под Калачом. Взято около 57 000 пленных и уничтожено 1000 танков. В этом немного и нашего труда. Стрельба снова поутихла — приходилось выходить всего дважды за ночь.

13 августа 1942

Вечером вышел на наблюдательный пункт. В 19.00 получил инструктаж на КП у саперов.

14 августа 1942

Весь день был на НП. В укрытии, не дающем тени, невозможно жарко. Я в 300 метрах от Дона. Русские искусно замаскировались.

15 августа 1942

Прошлой ночью передвинул наблюдательный пункт на 2 км к югу, в 50 метрах от Дона. Со мной один телефонист, который также должен ходить за едой. Каждый день огневой бой с окруженцами противника. Из-за этого ранены двое на позиции передков. Ночью оборвалась телефонная линия. У нас не было связи, и двое пошли на Дон, 4 км от всего остального. Как только стемнело, мы отошли на 100 метров и легли спать в колючие кусты. Противника не было видно, не считая оживленного автомобильного движения в отдалении.

16 августа 1942

Начали наблюдение в 04.00. Здесь красиво, как дома на Эльбе. Вокруг меня порхало четыре удода, явно спасаясь от пустельги. Видел огромное облако дыма в направлении Сталинграда, возможно, из горящих нефтехранилищ. Русские стреляют по всему, что увидят. Ниже на Доне 3 спуска для скота. Выше все ровно. Командный пункт взял 9 пленных. Кольб стал

унтер-офицером.

17 августа 1942

Начали оборудовать позицию. Кольб во время купания взял еще 2 пленных. Батарея не стреляла уже две ночи, хотя есть хорошие цели. Почему, я не знаю.

18—21 августа 1942

Ничего не происходит. Ну, одной ночью была тревога из-за бродивших русских. Лежим на позиции на Доне прямо напротив противника. Батарея получила пополнение и собрала 1000 марок на Красный Крест. По слухам, нас должны сменить.

22 августа 1942

Атаковали вторую секцию и позиции передков, Феллер ранен. Взяли еще 26 пленных, включая офицера.

24 августа 1942

Передвинули позицию на 20 км на север, напротив Калача. Везде лежат уничтоженные танки противника.

25 августа 1942

Дивизия перешла Дон, к счастью с очень малыми потерями. Мы их прикрывали огнем с 03.00. Провел рекогносцировку подхода к переправе и был дважды обстрелян из двух орудий. Снаряд «ратш-бума» (7,62 см) разорвался совсем рядом. Чуть не получил по полной. В полдень снова было пшено. В 13.00 перешли Дон под обстрелом и бомбами. Переправу обеспечивали паромы и штурмовые лодки. Вышли на позицию после 8 км марша по тяжелым песчаным дорогам.

26 августа 1942

В полдень перемена позиции, 12 км ближе к Сталинграду. Всеобщая неразбериха. Обошли русских, окопавшихся в балке, и соединились со II батальоном. Ночью прорвались примерно 20 танков и грузовик, полный русских, справа обойдя пулеметную повозку. Поскольку никто не знал, где друг где враг, никто не стрелял. Ночью на наблюдательном пункте пал унтер-офицер Людвиг. Мимо идут пленные в колонне по шесть. Вокруг днем и ночью горят поля.

27 августа 1942

В полдень сменили позицию к Платовке. Пришлось убрать пулеметную повозку и пулемет с дороги степного пожара. Захватили грузовик.

28 августа 1942

Дважды передвигали позицию на север. Ночью рядом ложились разрывы «Сталинских органов».

29 августа 1942

Оставались на огневых позициях в балке. Весь день шел дождь. Рядом с нами — деревня Дмитриевка. Ели шоколад.

Вокруг нас ложится артиллерийский огонь противника.

31 августа 1942

В середине утра сменили позицию и вышли на позицию у обшарпанной полевой церкви. Но передвинулись туда только после того, как водитель напился в районе сбора. Танковая дивизия прорвалась к Волге. Нас развернут на правом фланге, чтобы просочиться в Сталинград. Зеехаус стал унтер-офицером.

1 сентября 1942

В 03.00 утра начался фейерверк, на который русские ответили взаимностью. Нас поддержали «штуки». Прямым попаданием убит унтер-офицер Зеехаус. Вечером сменили позицию, проехав через две деревни, полностью уничтоженные ночным боем. Перед нами взорвалась мина замедленного действия. В первой деревне нашли противотанковые и пехотные пушки, разбитые на части.

2 сентября 1942

В этой степи даже цветет безвременник. Смена позиции в 04.00. Русские отступили к Сталинграду. Мы их немедленно преследуем. В полдень под огнем двинулись на позицию в балке, которую видно с радиовышек в Сталинграде. Получили попадание. Фургон снабжения второй роты 211-го полка и зенитное орудие по соседству получили по прямому попаданию. Ночью вокруг падали бомбы.

3—5 сентября 1942

Хотя мы непрерывно выгружаем по ним снаряды, русские отчаянно сопротивляются. Сменили позицию к двум стогам. Мы были в середине и вместе с нашими танками воевали с танками русских. Многие русские танки горят. Но русские каждый раз отступают лишь на шаг. Ночью получили еще бомбовый привет. Погиб унтер-офицер Герке.

6 сентября 1942

Фейерверк возобновился в 05.00. В 10.00 первое оружие получило прямое попадание. Канонира Вике изрешетило осколками и убило на месте. Клавач и Ленцион тяжело ранены, Шлюгинц и Хавенс легко ранены. Во время попадания я брился в окопе. Сначала я хотел заняться этим рядом с Вике, но ветер был слишком силен. Еще вокруг нас свистели пули и осколки танковых и других снарядов.

7 сентября 1942

Утром смена позиции, 3 км вперед по балке, в которой лежит много тел. Вверх по склону с десятком лошадей проскочили заградительный огонь и вышли на позицию у колхоза «Эксперимент». Только мы успели встать, как в 10 метрах позади разорвалась мина. В следующий момент рядом с нами начали

рваться снаряды «Сталинских органов». Ночью передвинулись на 500 метров на новую позицию на обращенном вперед склоне, покрытом мертвыми русскими. Перед нами горит Сталинград.

8—9 сентября 1942

Не стреляли из-за недостатка снарядов. Передовые части пехоты уже в первых домах Сталинграда. С наблюдательного пункта ясно видно Волгу — к которой наши уже вышли на севере. Сопротивление сильное. Несмотря на то, что многие были сбиты, русские днем и ночью шлют эскадрильи бомбардировщиков. «Сталинские органы» бьют по наблюдательным пунктам и блиндажам управления. Снаряды падают перед нами и позади.

10—12 сентября 1942

Ночью с 9-го на 10-е передвинули позицию на 3 км к северо-востоку. Там тоже было неспокойно. Легко ранен унтер-офицер Вурль. Вторая секция попала под обстрел.

13 сентября 1942

Во время бомбежки обер-ефрейтор Клаус получил осколок под левую лопатку. Через полчаса его унесли в госпиталь. Весь день творилось черт-те что. Снаряды и мины ложились прямо перед батареей. Пулеметные очереди раздавались совсем близко. Ночью сменили позицию почти к самому Сталинграду.

14 сентября 1942

День начался многообещающе — со снарядов и огня «Сталинских органов». Мы несколько раз ставили огневой заслон. В ответ был массированный пулеметный огонь, и нам приходилось искать укрытия. В 10.00 мы получили самый сильный ответный огонь в своей жизни, из калибров более 20 см. При разрывах в 8 и 15 метрах от нас окопы начали осыпаться. В обед получили неожиданный обстрел из «Сталинских органов». Никогда раньше мы не разбегались по укрытиям так быстро. Под сильным дождем сменили позицию, войдя в город. Проехав несколько противотанковых рвов, встали в точке метрах в 400 от старой церкви. Упряжка 2-го оружия провалилась в крестьянский погреб. Два часа работали, чтобы их достать. Тяжелая была работа, они все время лежали на спине. То и дело стреляли скрытые снайперы. Потом мы перекрыли каждым стволом улицу, идущую на юг, так что мы были на переднем крае. Наша дивизия обеспечивала безопасность на юг, 295-я — на север.

15 сентября 1942

Утром пришлось обустраивать новую позицию для орудия на 100 метров правее. Русские перед нами метрах в 200–500, иногда даже в 50. Из-за экономии патронов стреляли из винтовок только в первый день. Было очень холодно, и много раз огонь усиливался до ураганного.

16 сентября 1942

Каждый ночью стоит часовым по полчаса. Русские всю ночь без разбора бросают бомбы. Везде опускаются ракеты на парашютах. Третье оружие стоит у дома, где живет этническая немка, которую сослали из Севастополя. Женщина принесла нам домашнего хлеба. После обеда третье оружие начало стрелять. Все вокруг было усеяно минами, снарядами и ракетами «Сталинских органов». Сверху падали еще и бомбы. После нашего налета прямо на нас упал залп «Сталинского органа». Меня ранило. Два крупных осколка попали в левое бедро и небольшой — в правое. Снаряд влетел в окно комнаты, где я был, и разорвался внутри. Меня пронесло по воздуху. Медики сразу же меня перевязали. Потом командир и несколько товарищей пришли со мной попрощаться. Мне пришлось еще 18 часов оставаться в Сталинграде, потому что машина за мной не пришла. За ночь многое произошло. Я выкурил множество сигарет, но лихорадку и боль было не так легко унять.

17 сентября 1942

Госпитальная машина забрала меня в 08.30. Дорога сначала была легкой, но потом нас около электростанции обстрелял русский танк или противотанковое орудие. Там было 4 машины, и две из них, полные раненых, были подбиты. Когда мы доехали до госпиталя в Карповке, где меня прооперировали в овечьем загоне, я был без сознания. Потом нас отвезли в полевой госпиталь в Чир. Я пролежал в госпитале 3 дня…

Приложение 5 Боевой дневник 71-й пехотной дивизии: 1942 год

8.4. Выезд квартирьеров из Реймса на Восток.

12.4. Сбор квартирьеров в Кракове. Путешествие продолжается в Лемберг.

13.4. Прибытие в Киев. Взаимодействие с транспортной комендатурой. Идет снег. Дальнейшее продвижение на автомобилях невозможно, поскольку шоссе к востоку от Киева блокировано.

14.4. Посадка на пассажирские вагоны в Дарнице, продолжение поездки по железной дороге. Удлинение маршрута, временные остановки на запасных путях. Погода холодная и сырая.

16.4. Доклад в штабе группы армий «Юг» и штабе 6-й армии в Полтаве. Из-за паводка с уже затопленной станции можно добыть с большим трудом лишь самое необходимое.

17.4. Полет из Полтавы в Харьков. Доклад в XVII армейском корпусе. Размещение затруднено, особенно для лошадей дивизии. Для свободных транспортов диспетчеру железнодорожной станции Люботин оставлен запечатанный пакет.

18.4. Прибытие первых транспортов.

22.4. Прибытие штаба дивизии. Жилье сносное. Посещение кинотеатра и театра в Харькове.

6.5. Подчинение армейскому корпусу. Саперный батальон передан 44-й ПД для восстановления переправы через Балаклю.

9.5. Начат марш «Фридриха» (Харьковская операция. — *Примеч. пер* .), направление — Лиман.

12.5. Русский прорыв в секторе 294-й ПД, 211-й ПП, временно подчиненный этой дивизии, к 13.5 должен быть передан 71-й ПД в районе Харькова. III батальон 211-го полка, который уже на марше, встает и разворачивается. Противник вломился в порядки I батальона в момент его отвода. Майор Хертель и обер-фельдфебель Хардер убиты. Дивизия разворачивается фасом на север.

14.5. Подчинен 131-й ПП. Мощные воздушные налеты противника. Противник захватил значительные территории на севере и вышел в район Веселое-Липцы. Приказ сменить 21-ю ТД на стыке с 297-й ПД и обеспечить защиту правого фланга 297-й ПД. Оборона организована вдоль Бабки.

16.5. Мощные атаки противника при поддержке танков на Непокрытой. Давление снимают вылеты «штук». Оживленная

деятельность артиллерии. Воздушные налеты весь день.

17.5. Противник прорвал правый фланг 131-го ПП. Потеряна высота 194,5. Командир дивизии лично остановил отступление частей 131-го ПП, вернул их на фронт и сумел успешно остановить атаку противника. В течение дня 131-й ПП смог вернуть высоту 194,5 и отбить несколько атак противника.

18.5. Непрерывные танковые атаки противника. Некоторые прорываются через переднюю линию. Давление ослабили «штуки». Батальон Шмидта-Отто (23-я ТД) подчинен дивизии.

19.5. Новые танковые атаки противника. Особенно мощные операции ВВС противника. Дивизией уничтожено более 50 танков и много артиллерийских батарей противника. Все позиции удержаны.

20.5. При поддержке многочисленных танков противник снова и снова пытался прорвать линию обороны, особенно в секторе 191-го ПП. Частые налеты ВВС противника.

21.5. День прошел в целом тихо.

23.5. Никаких особых событий.

24.5. Атаки противника силой до батальона. Легкий дождь весь день.

25.5. Слабая боевая активность. В целом огромные проблемы со снабжением.

26.5. День прошел тихо. Когда прояснилась погода, очень быстро улучшилось состояние дорог.

27.5. День прошел тихо. Незначительная активность ВВС противника.

28.5. Впечатление от противника перед XVII корпусом изменилось: обнаружено движение на восток. Разведка боем в секторе дивизии показала, что противник рассредоточился.

29.5. Боло Бабка свободна от неприятеля. Приказ о более мощной разведке боем.

30.5. Линия фронта продвинута вперед.

31.5. Оживление ВВС противника, кроме этого весь день тихо.

1.6. Весь день тихо.

2.6. Без значительных изменений по сравнению с предыдущими днями.

3.6. Дивизией получен приказ, ее сменяет 294-я ПД.

4.6. Дивизию сменяют части 294-й ПД.

5.6. Совещание командования. Визит командующего генерала Макензена (III танковый корпус). День прошел тихо. Из дивизии выведен 131-й ПП.

6.6. Совещание адъютантов. Мощные ливни с 10.00 серьезно ухудшили состояние дорог. День начала операции «Вильгельм» отложен.

7.6. Никакой особой боевой деятельности. Непрерывный дождь.

8.6. К вечеру погода улучшилась. Весь день тихо.

9.6. Ничего особенного. Дороги улучшились. Кодовое слово «Вильгельм» заменено на «Зейдлиц». Договоренность об атаке на следующий день. Передовой командный пункт в Николаевке уничтожен «Сталинскими органами».

10.6. Оборвана всякая связь с фронтом. Начальник штаба с командующим немедленно выехал на передовой командный пункт в Николаевке. В 02.30 начался наш массированный огонь из 24 батарей, развернутых в секторе дивизии, наша пехота после обстрела движется вперед. Непрерывные вылеты наших Люфтваффе в течение всего дня. 06.04: 194 ПП взял Мал. Крынки. Мощные контратаки противника при поддержке многочисленных танков, сильнее всего у 44-го ПП. В 09.00 взят неповрежденным мост через Бурлук. На командном пункте были генерал-фельдмаршал фон Бок (командующий группой армий «Юг») и генерал танковых войск Паулюс (командующий 6-й армией). Поздравление командира дивизии с успехом дивизии. Понесли свои потери от «штук».

11.6. Проливной дождь ночью. Движение на марше затруднено, особенно на мосту у Мостовой. Перевод дивизионного командного пункта невозможен. Непрерывный дождь. Положение со снабжением серьезно ухудшилось.

12.6. Батальон ПТО переподчинен 44-й ПД.

13.6. Весь день тихо.

14.6. Никаких действий противника, кроме беспокоящего огня артиллерии. Определенная эвакуация плацдарма у Романовки. С этим во всем секторе дивизии передний край проходит по реке Бурлук.

15.6. Выведение полка Райниша, подчиненного дивизии, — кроме этого все тихо, кроме беспокоящего огня легкой артиллерии.

16.6. Движение противника перед всем фронтом дивизии. Нельзя определить, подкрепление это или смена войск.

17.6. В целом день прошел тихо. Противник прощупывает нашу оборону у 194-го полка, силой до батальона.

18.6. В течение ночи 194-й ПП сменяли части 297-й ПД. Совещание командиров.

19.6. Установившиеся дожди настолько размыли дороги, что крупномасштабное движение стало невозможным.

20.6. Весь день тихо. Снабжение отсутствует. Горючего нет.

21.6. Активная деятельность ВВС противника. Приказ об атаке на следующий день. Темная ночь облегчает подготовку.

Противник, однако, явно встревожен перемещениями. Оживленный беспокоящий огонь артиллерии.

22.6. С 01.00 полки двинулись через Бурлук и хорошо продвинулись под покровом темноты. Позже значительное сопротивление противника. Непрерывные действия ВВС противника. К вечеру по всей установившейся линии продвижения организована оборона противника.

23.6. Ночью сильный дождь. Оживленная деятельность артиллерии противника. Продолжение нашей атаки, быстрое продвижение до Гусинки.

24.6. После начала следующей фазы атаки — лишь слабое сопротивление противника. Хороший обзор местности с нового дивизионного КП на высоте 205,8, возможен обзор развивающейся атаки. Повсюду выполнена поставленная на день задача. Атака противника силами до батальона около 194-го ПП отбита. Нет стыка с разведбатом 44-й ПД; следовательно, указания 211-му ПП: глубоким уступом влево. Дивизия перешла к обороне по всей линии и встала для поддержки продвижения 44-й ПД и продолжения собственной атаки позже.

25.6. Атака противника на Стецовку отбита.

26.6. Совещание адъютантов. В секторе дивизии весь день тихо.

27.6. К 03.00 после артиллерийской подготовки противник атаковал с плацдарма Стецовка двумя батальонами. Он смог прорвать переднюю линию обороны, а также северную часть деревни. I батальон 191-го полка контратакой выправил положение. Русскими оставлено около 100 убитых.

28.6. Смена частей 44-й ПД 211-м ПП и батальоном 194-го ПП. С этим дивизия занимает новый сектор и переходит к обороне. День прошел тихо.

29.6. День прошел тихо.

30.6. Согласно приказу по корпусу, следует ждать отхода противника за Оскол. Готовится атака главным направлением налево.

1.7. На 2.7. назначена атака. Кодовое слово «Восточный ветер».

2.7. Передовой командный пункт передвинут на высоту 183,3. Атака быстро продвигается. К 08.00 широким фронтом вышли в долину реки Верхне-Двуречная. Передовой КП передвинут на высоту 194,6. Атака через Двуречную возможна только при поддержке артиллерии. Приказ готовиться и ждать, пока артиллерия не выйдет на позиции. К несчастью, это дает противнику время организовать оборону к востоку от Двуречной.

3.7. Ночью противник отошел. Полки двинулись следом и

дошли до предписанной линии по Осколу. Однако на западном берегу Оскола развернулись локальные упорные бои. Деревню Каменка — обороняемую одним русским батальоном — 191-му ПП пришлось брать штурмом.

4.7. Легкий беспокоящий огонь артиллерии и минометов противника.

5.7. 191-му ПП удалось создать небольшой плацдарм на другом берегу Оскола. После обеда мощный огонь артиллерии противника. Весь день непрерывные бомбежки и огонь «Сталинских органов» по плацдарму и мостам. Вследствие чрезмерно преувеличенных сообщений появилось впечатление, что батальон 191-го ПП на плацдарме находится в тяжелом положении. После восстановления связи сообщения гласят, что плацдарм прочно в наших руках.

6.7. Расширение плацдарма. Упорное сопротивление противника. В соответствии с приказом из корпуса дивизия остается на плацдарме, а 297-я ПД на следующий день расширяет плацдарм у Каменки.

7.7. Ранним утром 297-я ПД начала атаку в секторе 191-го ПП. Незначительное сопротивление противника. Дивизия присоединилась к атаке. Быстрое развитие успеха. Формируется передовое подразделение.

8.7. Передовое подразделение движется вперед. Штурмом взята деревня Покровское. Три моста перешли в наши руки неповрежденными. В Тарасовке также взят двойной мост с двумя полосами движения.

9.7. Продолжение преследования. Сопротивление противника растет. Усиливается впечатление, что противник обороняет заблаговременно подготовленные позиции. На следующий день назначена подготовленная атака.

10.7. Противник явно отошел еще дальше. Лишь локальное сопротивление против отдельных групп противника. При смене командного пункта автомобильная секция, состоящая из машины начальника штаба, 1 кюбельвагена с командиром батальона разведки, O1 (помощник начальника штаба) и начальник службы связи, а также несколько связных на мотоциклах, у деревни Самсоновка неожиданно въехали в группу отступающих русских. Убиты подполковник Шульц (Ia), майор Шмидт (командир разведотдела) и ефрейтор Опперман. Ранены ефрейтор Граф и 2 солдата из батальона разведки. Павшие будут похоронены в Приходковке в присутствии всех командиров.

11.7. Прощание у могилы подполковника Шульца, которого уважали все. Его овчарка, которую он любил больше всего на свете, тоже убита и уложена ему в ноги в той же могиле.

Продолжение преследования. 191-й ПП жестко атакован с юга и вынужден в тяжелом бою отойти к деревне Новогородище, в то время как мы передвинули командный пункт на 4 км к востоку к Караван-Солотки. Мы нащупывали путь вокруг деревни, поскольку прибыли после наступления темноты и не знали, есть ли в ней противник. Вечером нас чуть не взял штурмом 191-й ПП, принявший нас за русских.

12.7. Передовое подразделение вошло в Брусовку, где встретило сильное сопротивление. Связной доложил о приближении к дивизионному командному пункту сильной на вид группы противника. Все доступные силы штаба дивизии были немедленно собраны и развернуты для обороны. Противник атаковал нашу деревню с двух сторон силами полка. Многократные атаки после долгого толкания туда и сюда были отброшены. Секция квартирмейстера, прибывшего вскоре после нас, держалась храбро. К сожалению, там много убитых и раненых, включая командира батальона ПТО, майора Матей. Начальника штаба, убитого 10.7, замещает Ib (квартирмейстер дивизии) гауптман Гребе.

13.7. В 08.00 дивизия продолжила преследование. Результаты хорошие. После тяжелого боя взята деревня Беловодск. Командующий дает указания преследовать со всей возможной силой; после достижения линии железной дороги Миллерово — Ростов возможен день отдыха.

14.7. Вышли в район отдыха в 10.00 без контакта с противником. Движение продолжилось в 16.00.

Подполковник фон Белов — новый 1a (начальник штаба).

15.7. Движение успешно продолжается без контакта с противником.

16.7. Дивизия на отдыхе в районе Миллерово.

17.7. Продолжение движения без контакта с противником.

18.7. Неожиданно установившиеся сильные грозы сильно сдерживают движение. Серьезная нагрузка на матчасть, особенно лошадей. Многие машины застряли.

19.7. Ввиду ужасного состояния дорог объявлен день отдыха. Ясная солнечная погода с ветром вызывает быстрое улучшение. Перед 211-м ПП на следующий день оказался значительный кусок просохшей земли, так что полк начинает марш по собственному желанию и выходит после обеда, чтобы вырваться вперед.

20.7. Движение продолжается в удушающей жаре и густой пыли. 211-й ПП сообщает по радио: «Вышли в степь, широкую, без деревьев и кустов». Разведбатальон захватил плацдарм у Киреева.

21.7. Проблемы с топливом. Захват моста у Чира 211-м ПП. Высокая активность вражеских ВВС.

22.7. Дивизия повернула на юго-восток. Попытка выйти к железнодорожному мосту у Лагутина провалилась, поскольку он взорван противником, когда первые солдаты из штурмовой группы были готовы штурмовать его. Высокая активность вражеских ВВС.

23.7. Продолжение движения. Командир дивизии чуть не столкнулся с вражеским танком в районе фермы № 1.

24.7. Сектор Пристенское явно слабо занят противником. Расхождения по основному направлению удара назначенной нам атаки. Вечером приходят тревожные сообщения о проблемах на открытом южном фланге, но они оказались ложными.

25.7. Противник атакует 194-й ПП. Разведбат подчинен 194-му ПП. Днем полк вышел в сектор Соленая. Сильное сопротивление противника с восточного берега Соленой. Атаку невозможно успешно провести. Предложение командира 194-го ПП обойти сектор Соленой с юга, потому что там силы противника слабее. Но дивизия остается с решением направить главный удар у Хлебенского.

26.7. 194-му ПП удается захватить плацдарм у Хлебенского. Передовое подразделение, сформированное 194-м ПП, в 16.10 выходит к Дону у Генералова, преодолев слабое сопротивление противника.

27.7. Дивизия атакует, обойдя южный фланг противника. К вечеру взяты высоты над Доном в Суворовский-Средкое. В дивизию приходит приказ о том, что в секторе Нижнечирской и станции Рыхов ее сменяет 24-я ТД и части 297-й ПД. Со всем этим дивизия, к несчастью, не смогла развить успех, завоеванный фланговым ударом 194-го ПП и успехами 211-го ПП, поскольку противник успешно и непрерывно шлет через Дон подкрепления — не замеченные под покровом темноты — и вывозит очень большую часть потенциальных трофеев, находящихся здесь. Значительные трудности со снабжением, в основном боеприпасами.

28.7. Противник за ночь значительно усилился. Установлен контакт с 20-й румынской дивизией для обсуждения совместной операции по очистке лесистого района вдоль Дона.

29.7. II батальон 194-го ПП берет высоту у Плесовского. Взятие самой деревни невозможно из-за тяжелого оборонительного огня с восточного берега Дона.

30.7. II батальон 194-го ПП взял деревню Плесовское, но вынужден был ее оставить ввиду сильного давления противника. Катастрофическая ситуация с боеприпасами, особенно с артиллерийскими снарядами; у каждой батареи всего 10 снарядов. Обнаружено поступление подкреплений к

противнику. Полковник Барнбек (командир 211-го ПП) сломал стопу во время воздушного налета. Полковник Шаренберг (командир артполка) временно командует 211-м ПП. Командование артполком перешло к подполковнику фон Штрумпфу.

31.7. При поддержке 245-го батальона штурмовых орудий и 99-го легкого зенитного полка, дивизия вышла к Дону несмотря на действия противника и огонь с восточного берега Дона. Для прикрытия правого фланга развернут разведбатальон.

1.8. Установлен стык с 20-й румынской дивизией.

2.8. Ночью перегруппировка дивизии. Противник на восточном берегу Дона применяет бесчисленных снайперов.

3.8. Спорадический беспокоящий огонь с восточного берега Дона, более ничего особенного.

4.8. Звонок от полковника И.Г. Клаусиуса (начштаба LI армейского корпуса): рано утром 6.8. дивизия переправляется через Дон и захватывает плацдарм.

5.8. Весь день предварительные переговоры. Как следствие недостатка топлива, не все назначенные войска смогли подойти, так что запланированное форсирование Дона пока отложено.

6.8. Спор с 24-й ТД привел к совершенно другой ситуации. Дивизия должна немедленно повернуть на север и находиться в готовности к северу от Чира, чтобы иметь возможность 7.8 начать наступление на север.

7.8. Из-за темноты и густой пыли на подъездных дорогах ориентация чрезвычайно затруднена. Из-за этого II батальон 194-го ПП НЕ ПРИБЫЛ ВОВРЕМЯ. Лишь две батареи артполка готовы стрелять. Атака началась в 03.00 таким образом: 211-й ПП справа, 194-й ПП без II бтл слева; 191-й ПП без I бтл следом за 211-м ПП. Атака с самого начала развивалась успешно, но затем захлебнулась из-за упорного сопротивления противника. К 08.00 противник начал яростную контратаку при поддержке танков. Командир дивизии лично принял участие в ситуации у 211-го ПП, где развивался кризис из-за потери нескольких батальонных и ротных командиров. 24-я ТД наступает успешно. Очень тяжелый бой. Приходится драться за каждый метр. Дивизия снова начала движение в 17.30, и к наступлению темноты после тяжелого и дорого обошедшегося боя взяла высоты к востоку от железнодорожной насыпи — господствующие во всех смыслах. Организована оборона.

8.8. В 04.00 продолжение атаки. Сегодня противник также упорно обороняется, но в сотрудничестве с 24-й ТД весь изгиб Дона успешно очищен. К сожалению, в последний момент противник смог взорвать большой железнодорожный мост через

Дон.

9.8. Вышли в предписанный сектор и в 08.00 заняли его. 45-й саперный батальон подчинен дивизии, 194-й ПП двигается за правым крылом 76-й ПД.

10.8. Вскоре после полуночи противник переправился через Дон силой батальона с многочисленным тяжелым вооружением. Для исправления ситуации — особенно в секторе 211-го ПП — дивизии переподчинен батальон панцергренадер из 24-й ТД. Противник отброшен. К вечеру противник смог захватить высоты у Скиты Фус. Временно отданный 194-й ПП снова подчинен дивизии.

11.8. Весь день 211-й ПП в тяжелом бою неоднократно разбивал войска противника, переправляющиеся через Дон, и так ослаблен, что годен лишь к ограниченным действиям.

12.8. День прошел тихо, кроме беспокоящего огня противника.

13.8. Саперный батальон выведен. Дивизия приняла весь сектор Дона от Генералова до устья Чира (около 65 км!). Его можно занять, лишь используя моторизованные отряды разведки. Весь день тихо.

14.8. Никаких изменений по сравнению с предыдущим днем.

15.8. Ничего особенного.

16.8. Дивизии придется принять весь сектор Дона от Генералова до устья Голубой. С этим дивизия должна обеспечивать сектор 150 км ширины! Подчинение XXIV армейскому корпусу.

17.8. Подполковник Вагнер (резерв ОКХ) принял 211-й полк. Прибыл приказ готовиться к переправе через Дон на паромной переправе у Калача.

18.8. Рекогносцировка переправы через Дон. Трудности с боеприпасами и топливом.

19.8. Совещание командиров. Беспокоящий огонь артиллерии противника. Ночью оживление ВВС противника.

20.8. Действия вражеских штурмовых групп отбиты.

21.8. Разрозненные остатки войск противника на западном берегу Дона снова и снова вызывают тревогу и потери.

22.8. По указаниям из 6-й армии, 191-й ПП выведен и подчинен непосредственно LI армейскому корпусу. Предыдущий сектор занимает вновь сформированная «группа Вагнер».

23.8. Беспокоящий огонь артиллерии и минометов противника по всему сектору. Подчинены 41-й моторизованный саперный батальон, Брюкко 610 и 134.

24.8. На следующий день — наступление и переправа через Дон.

25.8. На рассвете начались наступление и переправа через Дон. Под прикрытием огневой завесы из артиллерии и тяжелого оружия, штурмовые лодки переправились через Дон и высадили первые штурмовые части на восточном берегу Дона. Удручающе высокие потери живой силы и штурмовых лодок из-за обороны противника. Немедленно образовались небольшие плацдармы по обе стороны острова Березов. Противник избегает соприкосновения и оказывает лишь легкое сопротивление. Дальнейшая переправа на паромах проходит без заруднений. По приказу из 6-й армии. Калач не атаковать, чтобы не связать там никаких войск. КП дивизии посетил генерал-полковник Фрайхер фон Рихтгофен (VIII авиакорпус). Рост затруднений с топливом, боеприпасами и питанием.

26.8. После того как несколько артиллерийских частей переправились через реку, наступление продолжается. Оживление противника в воздухе и неоднократные бомбардировки, особенно на переправе — днем, но в основном ночью.

27.8. Продолжение наступления с хорошими успехами. Проводятся действия по вычищению противника, который еще держится на юге, для этого сформирована группа Вагнер. Поскольку в районе к югу от Шокаревского должно быть еще более 2000 русских, как показывают пленные, командный пункт дивизии — переведенный тем временем в Илларионовский — ночью поднят в ружье из-за возможного потока сил противника на юго-запад.

29.8. Рано утром противник атаковал из Калача, угрожая развернутой там «группе Фридрих» (командир саперного батальона). Вследствие этого командир дивизии принял решение реформировать «группу Вагнер» и использовать ее для атаки и захвата города Калач. Поскольку требуется время для выведения нужных сил, атака, первоначально планировавшаяся на послеобеденное время, перенесена на следующий день.

30.8. Атака на Калач привела к полному успеху. В 09.00 город полностью у нас в руках. Наши потери очень малы.

31.8. Для высвобождения сил дивизии на другие цели, в секторе, контролируемом дивизией, будет развернута «кампфгруппа люфтваффе полковника Штахеля». Никаких боевых действий.

1.9. 194-й и 211-й ПП ночью выведены, как планировалось.

2.9. Хотя разведка показывает, что противник явно избегает соприкосновения, атака не может начаться до 12.00 следующего дня, поскольку перегруппировка займет много времени.

3.9. В 04.00 дивизия продолжает наступление, но упирается в сильное сопротивление противника и хорошо оборудованные

позиции. Неожиданной атакой высот 151.0 и 133.8 дивизия, опередив соседей, прорвала внутреннее кольцо обороны Сталинграда. Мощный фланкирующий огонь сдерживает дальнейшее продвижение. Очень успешный день! Очень хорошая поддержка со стороны Люфтваффе.

4.9. С раннего утра противник последовательно атакует при поддержке многочисленных танков. Тяжелый день для дивизии. Наши потери — более 200. Полного успеха мы пока не добились, но все позиции остались за нами. Майор резерва Фредебольд, и.о. командлира III батальона 191-го ПП, награжден Рыцарским крестом.

5.9. Противник атаковал в разрыв между 211-м ПП и 295-й ПД. Все атаки противника яростно отбиты, стык восстановлен. Докучает мощный фланкирующий огонь. 194-й ПП, которым ранее командовал выбывший по болезни полковник Невигер, принял подполковник Роске.

6.9. Согласно приказу из корпуса, дивизия удерживает взятую линию. Продолжение наступления будет иметь место только после подвоза боеприпасов. Отбито несколько атак противника, соединения противника разбиты.

7.9. К 06.00 дивизия присоединилась к атаке левого соседа (295-я ПД) и медленно продвигалась перед лицом упорно сопротивляющегося противника. 211-й ПП к ночи сумел занять «экспериментальную станцию № 6». 295-я ПД продвигается хорошо, при успешной поддержке Люфтваффе, и смогла занять «Татарский ров». (Никакого татарского рва в окрестностях Сталинграда не было, а был Татарский вал — старинное укрепление от набегов ногайцев. При нем действительно был ров, но вал и ров считались одним сооружением. — *Примеч. пер* .)

8.9. 194-й ПП, атакуя в узком боевом порядке, с тяжелыми боями к ночи вышел к «Госпиталю».

9.9. Ранним утром противник при поддержке танков атаковал по границе между нашей дивизией и 295-й ПД, с потерями был отбит. Но наша атака не смогла продвинуться вперед из-за яростного сопротивления и стоила 10 офицеров и более 100 унтер-офицеров и солдат.

10.9. Никаких значительных боевых действий.

11.9. Противник прощупывал сектор 191-го ПП сильными патрулями. Патрули везде отбиты.

12.9. Обнаружено и уничтожено скопление противника из 12 танков перед фронтом 194-го ПП. Подготовка к завтрашней атаке. Ночью мощные налеты с бомбардированием в непосредственной близости от командного пункта дивизии.

13.9. При поддержке артиллерии и батареи штурмовых

орудий 194-й ПП прорвал хорошо укрепленные позиции, усиленные встроенными бетонными бункерами, многочисленными танками и противотанковыми пушками, и занял господствующие высоты у «Кирпичного завода» в качестве исходной позиции для дальнейшего рывка в глубь города.

14.9. При поддержке Люфтваффе 194-й ПП смог энергичным рывком выйти к железнодорожной станции в Сталинграде. После новой подготовки полк пробился к Волге, достигнув ее в 15.15. Эта дивизия может гордиться своими успехами. Чуть позже левый сосед, 295-я ПД из Нижней Саксонии, также вышла вперед и к Волге. Противник против правого крыла дивизии еще держится с неослабевающей силой.

15.9. Захваченные части города очищены от противника, и его попытки переправиться через Волгу отбиты. Атака усиленного 211-го ПП на уничтожение противника на правом фланге дивизии привела к захвату важной высоты к югу от «батальона № 5».

16.9. В запутанной, чрезвычайно трудной и изрезанной оврагами местности наступление продвигается крайне медленно. Как следствие упорного сопротивления нескольких групп противника, сражающихся всеми средствами, отправка связных в секторе 194-го ПП возможна только ночью.

17.9. 295-я ПД не может удержать взятый район вдоль Волги, в то время как сохраняется сложное положение в 194-м ПП. В изнурительных и кровавых боях, 211-й ПП — пробиваясь от балки к балке — очистил Дубовую балку, а также часть долины Царицы. Оживленная деятельность русских ВВС, «Сталинских органов», минометов и артиллерии.

18.9. После дней выматывающих боев 211-й ПП смог выйти к внутренней железнодорожной ветке и этим обеспечить стык с двумя другими полками. Продвижение противника мощными силами со множеством танков по перешейку между Доном и Волгой на севере разбито и уничтожено 60-й мот. див., при этом подбившей 120 танков.

19.9. В 04.00 дивизия двинулась вперед, продолжая наступление к центру города, но ввиду сопротивления противника, сражающегося за каждый дом, продвинулась недалеко. Командир дивизии решил продолжать битву так, чтобы каждый полк пытался продвигаться в своем секторе самостоятельно, используя местные штурмовые группы с огнеметной поддержкой, потому что оказалось, что каждый дом нужно брать отдельно, выбивая оттуда гарнизон — дорогостоящая битва!

20.9. При поддержке Люфтваффе достигнут небольшой локальный успех.

21.9. Ранним утром 194-й ПП неожиданной атакой захватил группу зданий, угрожавших правому флангу, и использовал успех для броска вперед прямо к волжским пристаням. Ранее обнаруженное скопление противника уничтожено вызванными «штуками». 211-й ПП выровнял передовую линию по 191-му ПП.

22.9. Дальнейшие местные успехи. Противник ведет себя тише, чем раньше.

23.9. Без значительной боевой активности. Ночью возросла активность вражеских ВВС. Дивизия получила усиление артиллерией и штурмовыми оружиями для выхода к Волге по всему фронту дивизии. Катастрофическое положение с боеприпасами и огромные проблемы со снабжением.

24.9. После хорошей артиллерийской и воздушной подготовки дивизия в 07.00 начала наступление в городском секторе к северу от моста через Царицу, который остается в руках противника. В необычайно упорных боях, которые велись за каждый дом, подвал и кучу мусора, войска движутся крайне медленно. Противник ожесточенно сражается за каждое гнездо сопротивления.

25.9. Продолжение атаки в 07.30. С той же ожесточенностью, что и вчера, за каждую улицу и каждый дом приходится драться с большими потерями. Во многих ротах не осталось командиров-офицеров, боевой состав в них по 8—12 человек. Применение огнеметов и подрывных зарядов в сочетании с дымовыми шашками приносит лишь местный успех.

26.9. 191-й ПП прекрасным рывком перемолол последнюю оборону противника вдоль Волги. В 12.00 командиры 211-го ПП и 191-го ПП подняли германский флаг над театром и комплексом партийных зданий (в немецких рапортах к «партийным зданиям» отнесен также дом с названием «Универмаг» — возможно из-за того, что на фронтоне была указана ведомственная приналежность «Наркомторг СССР». — *Примеч. пер* .).

27.9. Подполковник фон Белов (1а) объявлен больным желтухой. В 06.10 211-й ПП с подчиненным разведбатальоном сообщил: «Штурмом вышли к Волге». С этим весь сектор дивизии на западном берегу Волги в наших руках.

28.9. На должность начальника штаба прибыл майор Бульман (четвертый офицер штаба 6-й армии). На КП дивизии в Дубовой балке прибыли командующий 6-й армией, генерал танковых войск Паулюс, генерал-полковник Гот и генерал от артиллерии фон Зейдлиц (командующий LI армейским корпусом) и поздравили командира дивизии с успехом.

29.9. Поскольку дивизия принимает секторы двух соседних дивизий, происходит пересменка частей дивизии. Пришло

телефонное сообщение, гласящее, что IIa (адъютант) дивизии гауптман Штейнбрюк, отправленный в Ганновер по официальным делам, попал там в госпиталь с желтухой.

30.9. В новом увеличенном секторе тихо. Лишь случайные обстрелы со стороны противника на восточном берегу Волги из пушек и «Сталинских органов».

1.10. Без происшествий. Тяжелые бои на перешейке между Доном и Волгой.

2.10. Скопления противника против флангов дивизии уничтожены артиллерией. Офицер для поручений командира дивизии, лейтенант фон Люде, слег с тяжелой пневмонией и плевритом и непригоден для транспортировки.

3.10. В некоторых местах тяжелый обстрел артиллерией с восточного берега Волги. Майор Бульман отправлен в госпиталь по болезни (подозрение на желтуху).

4.10. Оживленное движение противника через Волгу пресекается артиллерией. Беспокоящий орудийный огонь в секторе соседей дивизии. В нашем секторе тихо. Ia заменяет Ib, гауптман Гребе.

5.10. Легкий беспокоящий огонь артиллерии.

6.10. На левом фланге на западном берегу Волги сохраняется активность противника.

7.10. Легкий беспокоящий огонь артиллерии и минометов противника.

8.10. Никаких изменений со вчерашнего дня.

9.10. На Волге артиллерией уничтожены две канонерские лодки.

10.10. Никакой боевой активности. Наши позиции улучшены согласно плану, уложены препятствия и установлены мины.

11.10. Командующий 6-й армией, генерал танковых войск Паулюс прибыл на КП дивизии и в присутствии командующего LI армейским корпусом генерала от артиллерии фон Зейдлица наградил командира дивизии генерал-майора фон Хартмана Рыцарским крестом Железного креста.

12.10. Никакой боевой активности.

13.10. Ничего особенного. Гауптман Гребе (и.о. Ia) заболел желтухой, но остается в дивизии.

14.10. Утром налет противника в секторе дивизии силами 15 бомбардировщиков, особенно по дивизионному командному пункту в Дубовой балке.